

Теодор Старджон

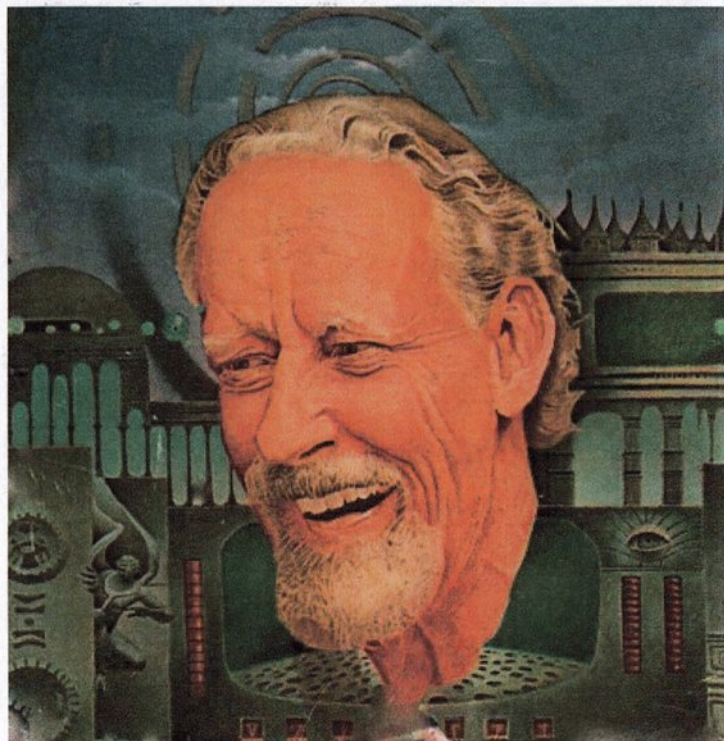
ВЧЕРА БЫЛ ПОНЕДЕЛЬНИК

Библиотека англо-американской классической фантастики

ВЧЕРА БЫЛ ПОНЕДЕЛЬНИК

Теодор
Старджон

Том 1

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ВЧЕРА БЫЛ ПОНЕДЕЛЬНИК

Теодор Старджон

том 1

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»

2015

БААКФ-11 (2015)

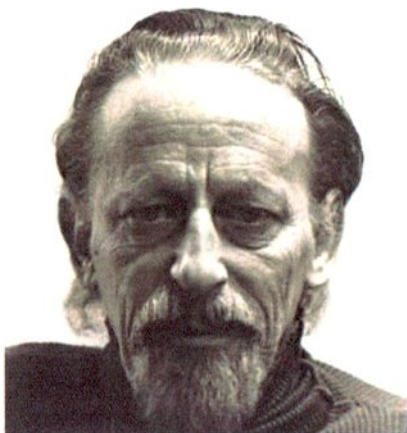
Клубное издание

Теодор Старджон (1). ВЧЕРА БЫЛ ПОНЕДЕЛЬНИК.
Сборник фантастических рассказов.
(а.л.: 9,85)

Составление и перевод Андрея Бурцева.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

**Теодор Старджон
(Theodore Sturgeon)
1918-1985**

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ТЕОДОР СТАРДЖОН – «ЧЕЛОВЕЧНЫЙ» ФАНТАСТ

В который раз пересказывать биографию Старджона неинтересно. Родился в 1918 году, умер – в 1985. Про жизнь его между этими двумя датами уже много написано, есть, например, отличная статья В. Гакова. Поэтому мне больше хочется рассказать о впечатлении, какое произвели на меня первые прочитанные мною рассказы Старджона. В далекие шестидесятые-семидесятые годы я уже следил за новинками фантастики, и первым прочитанным рассказом никому тогда еще не известного Старджона стало первое вышедшее на русском его произведение «Особая способность». Этот рассказ затронул меня, главным образом, не оригинальной идеей – технически, ничего оригинального в рассказе не было, ни сносшибательных новинок науки и техники, ни головокружительных необычайных приключений. А была грустная и трогательная история человека, внешность которого всю жизнь вызывала насмешки окружающих, но именно эта особенность помогла ему раскрыть тайну инопланетной расы.

Примерно в то же время я начал читать первые произведения Клиффорда Саймака, и мое внимание привлекло некое сродство между этими, весьма, кстати, разными писателями. Сродство это проявлялось отноше-

нием к людям, к обычным людям – не супергероям и не сверхчеловеком, а простым людям, каких толпы ходят по улицам. Отношение чуть ироничное, немного грустное, но не впадающее в сентиментальность, и всегда очень доброжелательное.

Такое отношение к героям проходит через все творчество Теодора Старджона. Они редко спасают Землю или Вселенную. Зачастую они просто решают свои, на первый взгляд, мелкие насущные проблемы. Но писатель относится к ним мягко, человечно, и старается, чтобы они всегда выпутывались из своих передряг. Это подкупило меня, и с тех пор я старался прочитать все, что выходило у нас, из творчества Старджона.

Не могу сказать, что мне понравились все его произведения. На мой взгляд, он был писателем «неровным», по крайней мере, в первой половине своего творчества. Романы его показались мне скучноватыми и немного затянутыми. Некоторые рассказы какими-то не захватывающими и не трогающими душу. Но нашлось немало и таких, которые обрадовали и поразили меня.

И теперь, заимев «Полное собрание рассказов и повестей Теодора Старджона» в тринадцати (заметьте!) томах (разумеется, на языке оригинала), я увидел, что переведены далеко не все его прекрасные произведения. Тринадцать толстых томов рассказов – это очень солидное наследие. Далеко не каждый писатель может похвастаться таким. И уж конечно, составляя многотомную «Библиотеку» Золотого Века англо-американской фантастики, я не мог пройти мимо писателя такой величины, в багаже которого ждет своего часа еще много интересных произведений.

Часть результатов теперь перед вами. Часть, потому что в рамках «Библиотеки» выйдет еще второй том этого мастера фантастики. Но и это не вместит в себя все, что достойно к прочтению из его обширного творчества.

Андрей Бурцев

THE ULTIMATE EGOIST

Volume I: The Complete Stories of
THEODORE STURGEON

АБСОЛЮТНЫЙ ЭГОИСТ

Я, как всегда, разглагольствовал, находя веские причины высказать свое мнение. С Джудит я мог это делать. Она любила меня, а любящие женщины особенно забавны. Вы можете рассказывать им о себе все, что угодно, и, пока они любят, то верят каждому вашему слову. Они не могут не верить.

Мы спускались к озеру искупаться. И в моих венах бурлило что-то — я должен сказать, «тщеславие»? — потому что Джудит выглядела просто чудесно. Она была брюнеткой, которая становилась рыжей, когда оказывалась рядом со мной, а на солнце делалась блондинкой. И она была прекрасна. Ее полупрозрачная кожа, покрывавшая плоть, казалась розовато-теплой, как слоновая кость, а глаза у нее были глубокие и зеленые. Она двигалась в ястребиной манере, подавшись вперед, словно опираясь на ветер, и она была в меня влюблена. Просто чудесно. И вот, размышляя о таких замечательных вещах, я, естественно, принялся говорить о себе, а Джудит держала меня за руку, шла рядом и соглашалась со всем, что я говорил, как это и должно быть.

— Позволь мне внести ясность, — разливался я соловьем. — Мир и Вселенная существуют лишь потому, что я их вижу. Я не могу найти никакой ошибки в гипотезе, что, если я не верю в какой-нибудь объект, теорию или принцип, то их просто не существует.

— Ты никогда не видел Сиам, любимый, — сказала Джудит. — Значит, Сиам не существует?

Она и не думала не согласиться со мной, просто она знала, как поддерживать разговор. Все было в порядке, потому что мы оба любили слушать то, что я говорил.

— О, Сиам может существовать, если ему так угодно, — великодушно позволил я, — если у меня нет причин усомниться в его существовании.

— А-а... — протянула она.

Она точно не слышала все это прежде, потому что я любил высказывать оригинальные гипотезы. У моей разносторонней натуры было столько граней, что я считал свое «эго» совершенно неистощимым. Джудит хихикнула.

— А что, если ты и впрямь усомнишься в существовании Сиам, Вуди?

— Это было бы жестоко по отношению к сиамцам.

Она громко рассмеялась, и я присоединился к ней, потому что, если бы я не засмеялся, это бы значило, что смеется она *надо мной*, а это было бы совершенно невероятно.

— Любимый, — сказала она, повернув мою голову так, что могла кунуть меня за ухо. — Ты просто чудо. Послушай, но все, что ты так многословно объяснил мне, просто значит, что все вокруг: эти старые деревья, которые росли здесь столько лет еще до твоего рождения, звезды и старое доброе солнце, и сама жизнь — все это не настоящее, милый?

Я тупо поглядел на нее.

— Совершенно верно. В самом деле, любимая. Я никогда не видел, не слышал и не читал ничего, что могло бы опровергнуть мое убеждение, что эта Вселенная — продукт моего — и только моего — разума. Я вижу — значит, я существую. Могу взять это в качестве основного факта. Я замечаю, что у меня тело именно такое, а не иное — следовательно, должна быть физическая среда, в которой оно могло бы существовать.

— А как насчет того, что это твое стройное тело может быть *результатом* физической среды?

— Не перебивай меня, — терпеливо сказал я. — Не будь саркастична, и, прежде всего, не ерничай. Пойдем дальше. Поскольку мое существование требует определенного стечения обстоятельств, то эти обстоятельства непременно обязаны существовать, чтобы заботиться обо мне. И факт, что часть этих обстоятельств — старые, многовековые деревья и нестареющие небесные тела — не являются особо важными, указывает на то, что они созданы моим буйным воображением.

— *Ого!* — Она отпустила мою руку. — Да ты серьезно.

— Конечно, любимая. Ты поняла суть моих мыслей?

— Теоретически, о, любимый! Только теоретически. Но ты все время твердишь: мой, мое. А что, если изменить точку зрения и решить, что Вселенная — продукт *моего* воображения?

— Да ничего. Но это звучит несколько фантастически перед лицом моего бесспорного знания, что это — мое создание.

— Будь я проклята, — сказала Джудит.

Она могла говорить кое-что и похуже, потому что выглядела такой юной и милой, что никто бы не поверил, что это ее слова, люди просто предпочитали думать, что ослышались.

— Будь я *навечно* проклята, — сказала она и добавила еще парочку совершенно уже невозможным фраз.

Я был склонен предположить, что она имела в виду погоду.

THE ULTIMATE EGOIST

by E. HUNTER WALDO

● It's a bad idea, perhaps, to question too closely
the reality of the world about you. Maybe it isn't—

Illustrated by Schneeman

Мы пошли дальше, она сорвала по пути травинку и стала ее жевать. Травинка была сочно-зеленой на фоне ее десен, а десны ее — яркое-красные на фоне нежных розовых щечек.

— Разве было бы не забавно, — сказала она немного погодя, — если после всей этой словесной чепухи вещи стали бы действительно исчезать, если ты начинал сомневаться в них.

— Я тебя умоляю! — резко сказал я и перебросил плавки из правой руки в левую, чтобы предупреждающе погрозить ей указательным пальцем. — Словесная чепуха? Объяснись же, Джудит!

— О, замолчи! — вдруг закричала она, весьма меня озадачив. — Я люблю тебя, Вуди, — продолжала она более спокойно, — но порой ты такой тщеславный осел. А, кроме того, ты слишком много говоришь. Давай лучше споем какую-нибудь песенку.

— Я не хочу петь какую-нибудь песенку, — холодно сказал я, — когда ты столь истерично несправедлива. Ты не можешь опровергнуть мои высказывания.

— А ты не можешь их доказать. Пожалуйста, Вуди, я не хочу спорить. У нас летний отпуск, мы идем купаться, я тебя люблю и согласна со всем, что ты говоришь. Я думаю, ты просто великолепен. А теперь, ради Бога, давай, для разнообразия, поговорим о чем-нибудь *другом*.

— Я не могу это доказать? — мрачно спросил я.

Она прижала свои тонкие ладошки к вискам и монотонно заговорила:

— Луна сделана из зеленого сыра. Это не так, но если бы ты в это поверил, а потом узнал, что это на самом деле так — вот это было бы доказательство. Я сейчас сойду с ума. Буду скрежетать зубами, махать руками и пускать пену изо рта, и тебя затошнит от меня!

— У тебя обычная женская логика, — ответил я ей, — эффектная, но совершенно не точная. С *моей* точки зрения. — Я сделал театральный жест. — А так как я — творец всего вокруг, — я широко взмахнул рукой, — то я могу все это и уничтожить. Так... Подумаем... Ну, например, возьмем вон ту старую благородную ель. Я не верю в нее. Она не существует. Она — всего лишь плод моего воображения, побочный, без рациональной подоплеки. И я больше не вижу ее, потому что ее там нет. Ее и не могло быть там, это физическая и экстрасенсорная невозможность. Это...

Наконец, я замолчал, потому что она настойчиво пихала меня коленом.

— Вуди! О-о, Вуди... Это случилось! Дерево... Он-но, он-но... О, Вуди! Я боюсь! Что произошло?

И она молча ткнула рукой в сторону пустого места, внезапно образовавшегося в рощице.

— Не знаю. Я... — я облизнул внезапно пересохшие губы и сделал глубокий вдох. — Боже мой, — почти неслышно сказал я. — О, мой Бог!

Я дрожал и был холоден, как лед, хотя ярко светило солнце, и горло у меня стянула какая-то судорога. Джудит больно впиалась ногтями мне в руку. Я почувствовал боль, невольно отдернул руку,

и тогда она отступила от меня. Это было не просто исчезновение тысячи футов еловой древесины, вовсе не это меня так встревожило. В конце концов, это дерево не принадлежало мне. Но... О, мой Бог!

Я взглянул на Джудит и внезапно понял, что она собирается убежать от меня. Я протянул к ней руки, и она бросилась ко мне в объятия. А затем заплакала. Мы оба одновременно поняли, кто – или что – я такой. Но во всяком случае, она заплакала... И. знаете ли, я растерялся. Чудо рождения и постепенного взросления было моим изобретением, воздух был теплым, а небо лазурным для меня, луна была серебряной, а солнце золотым – для меня одного. Земля бы дрожала под моими ногами, если бы я этого захотел, а сверхновая звезда была всего лишь вспышкой в моей голове. И все же, когда Джудит плакала в моих объятиях, я не знал, что делать. Мы сидели рядом на камне возле тропинки, и она плакала, потому что боялась, а я гладил ее плечо и чувствовал себя отвратительно. И тоже боялся.

Что же было реальным? Я потрогал пальцами камень и почувствовал, что он мшистый и холодный. Какая-то многоножка попыталась удрать из-под моих пальцев. Я мельком взглянул на нее. Она была красно-коричневой, блестящей и довольно-таки страшной. Какие же специфические идеи появлялись у меня порой!

Например, этот камень. Его не должно здесь быть. Он не был так уж необходим для меня и существовал лишь как незначительный элемент симпатичного пейзажа, который я высоко ценил. Но я мог бы точно так же...

– Уфф, – сказала Джудит, когда прикусила губу, растянувшись на земле в том месте, где только что был камень.

– Джудит, – слабо позвал я, поднялся на ноги и помог встать ей. – Это был просто... э-э... фокус.

– Мне не нравятся такие фокусы, – неистово сказала она и тут же охнула.

– Я ничего не делал, – печально сказал я. – Я просто... это просто...

Она потеряла губу.

– Знаю, знаю. Давай поглядим, как ты вернешь его назад, умник. Давай! Не гляди на меня так беспомощно. *Давай же!*

Я попытался. Я напряг все, что мог, но, знаете ли, я не сумел вернуть камень. В самом деле. Его просто не было, вот и все. Наверное, нужно было верить в определенный предмет, прежде чем вы сумеете вообразить его. Наверное, нужно допускать возможность его существования. Камень исчез, улетучился навсегда. Это

было ужасно. Это было чем-то более неизбежным, более окончательным, нежели смерть.

Немного позже мы пошли дальше. Джудит цеплялась за мою руку, пока мы спускались к озеру. Она была потрясена. Странно, что я — нет. Это было для меня, как родимое пятно. До сего дня я понятия о нем не имел, но затем у меня возникло чувство «будь я проклят, но это, в конце концов, истина!»

Это была истина, постепенно я все больше и больше убеждался в ней. Я был так в этом уверен, что даже не волновался. Ради вашего душевного спокойствия, я бы не советовал вам попытаться оказаться в таком же настроении. Я знаю, о чем говорю, потому что я — это вы, поскольку вы (все вы) — лишь вымысел моего сознания...

Таким образом, мы спустились к озеру и, пока я был с Джудит, то все было в порядке. Рядом с ней я не мог думать ни о чем, кроме нее, такой прекрасной и чудной, а именно это и требовалось, чтобы поддерживать статус-кво. Что-либо, в чем я сомневался, не имело никакой возможности существовать. А в Джудит я не мог сомневаться. Тогда еще не мог. О-о, какая она была прекрасная!.. И это было плохо для Джудит.

Я глядел, как она ныряет. Она была удивительной. Единственная девушка, которую я знал лично, кто могла сделать два с половиной оборота с двенадцатифутовой вышки. Возможно, она также могла бы летать, потому что была наполовину ангелом. Но тут я заметил Монте Карло, тоже наблюдающего за ней через дорогие очки от солнца с поляризованными стеклами. Я подошел к нему и сорвал с его носа очки.

Мне не нравился Монте. Наверное, я просто завидовал его долговязому коричневому от загара телу и иссиня-черным волосам. Теперь же мне на это наплевать.

— Эй! — рявкнул он, потянувшись за очками. — В чем дело?

Я вернул ему очки, глядел, как Джудит балансирует на доске вышки на двенадцатифутовой высоте и одновременно разговаривал с Монти через плечо.

— Вы мне не нравитесь, — сказал я. — Мне не нравится, как вы устали на Джудит. Мне не нравится видеть вас в этих очках, и всякий раз, когда я вас вижу, мне хочется послать вас по определенному адресу, но я не дерусь с очкариками.

Джудит прыгнула. Это был безупречный прыжок. И тут Монти сграбастал меня и скрутил. Он был футов на тридцать тяжелее меня, а самомнение у него было куда больше, чем он заслуживал.

— Получил, здоровяк? — рявкнул он. — Добрый старый Вуди, самый крутой из всех парней! А это ничего, что она видит, как тебя скрутили?

- ...и мне не нравятся парни, которые слишком много болтают,
- сказал я, словно меня и не прерывали.

Я буквально увидел, как Монти лежит плашмя на спине со сломанной челюстью.

И тут же на самом деле увидел Монти, лежащего плашмя на спине со сломанной челюстью. Я пожал плечами и пошел к Джудит, которая выходила из воды.

– Что случилось с парнем-очаровашкой? – спросила она, увидев толпу, собирающуюся возле корчившегося на берегу тела.

– О-о... он просто переоценил свои возможности.

– Вуди... Это не ты его?

– Н-ну...

– Еще один фокус, Вуди?

Я не ответил. Мгновение она глядела на меня, стоя рядом, пахнувшая влажными волосами и удивлением. Она опустила взгляд, поглядела на свои ногти, затем глубоко вздохнула и пожала плечами. Потом увидела валяющиеся очки Монти и подняла их.

Надев очки, Джудит поглядела на озеро и тихонько вскрикнула, заметив, как поляризованные стекла смягчают блеск солнца.

– Это – нечто! Как они работают? – спросила она тоном, какой любят использовать все женщины, если считают что-то весьма значительным. – Ты же знаешь это, как и все остальное, ты, большой, сильный, умный зверь!..

– Ну, это... – неопределенно протянул я. – Это имеет какое-то отношение к световым волнам, которые вибрируют в одной плоскости. Точнее не знаю.

– Едва ли это возможно.

– Нет! – воскликнул я.

Я весьма несведущ в подобных вещах, и тут же забеспокоился, что это покажется мне невозможным...

– Ой! – воскликнула Джудит. – Ой! Я смотрела на озеро, где очки убрали солнечные блики, и внезапно все стало как прежде, словно на мне уже не было очков... Вуди! Это ты?.. – Она сорвала очки и уставилась на меня круглыми глазами.

Я ничего не сказал. Просто попытался думать о чем-то другом.

– Ты уничтожил хорошие очки от солнца, – сказала Джудит.

– Боюсь, я уничтожил все очки в мире.

Она бросила очки в озеро и потеряла глаза.

– Вуди... какое-то время это казалось забавным. Но теперь уже не кажется... О, любимый, мне страшно.

– Я не могу... не могу ничего с этим поделать, милая. Честно. Как только... ну, как только я вспомню о чем-то, во что не верю, как оно... как его больше *нет*. Его просто *не может быть*!

Она взглянула на меня своими удлинненными зелеными глазами и покачала головой.

— Мне это не нравится, Не нравится мне все это, Вуди.

— С этим ничего не поделаешь.

— Давай вернемся, — сказала она и пошла к купальной кабинке.

Какое-то время после возвращения я не волновался о Джуди. У меня было о чем волноваться и без нее.

Однажды я листал журнал и наткнулся на изображение белой зубатки с профилем, как у креветки, и четырехцветной головой, словно косметическая реклама. Это была самая странная рыба, какую я когда-либо видел, и, как можно было ожидать, я не поверил в нее. Неделию спустя я прочел в газете, что род Clariidae исчез с лица земли, одновременно, разом и без всяких на то объяснений — исчез не только из естественной среды обитания, но и из всех аквариумов в мире. Я испытал от этого настоящий шок. Можете себе представить!

Хорошо, что у меня довольно сухой склад ума. А что, если бы у меня было образное мышление, как у тех, кто пишет для журналов. Тогда я мог бы поверить в любые байки! Призраки и вампиры, снежные люди и твари, что громко топчут по ночам — в каких, например, до сих пор верят в Шотландии. Люди, которые верят в подобных существ, в самом деле видят их, потому что думают о них. Возможно, они такие же, как и я, только не осознают этого. И я надеялся, что никто никогда этого и не осознает. Появление второго такого, как я, все только бы усложнило. Получилась бы полная неразбериха. Взбаламученная, хорошо перемешанная и совершенно негативная мешанина!

И не важно, что происходило в следующие дни, главное, я заключил сделку с судьбой. Я мог признать любые вещи — все, что угодно, — только если это не давало мне повода усомниться. Долгое время я не понимал, куда это меня приведет, я лишь видел, что любой факт может исчезнуть от моего неверия в него. Возьмите любой факт, как следует поразмышляйте над ним и, рано или поздно, вы придете к тому, что трудно принять. Мой развитый эгоцентризм заставлял меня не верить — совершенно и полностью, — во все, что я не мог понять. А у такого, как я, скептицизм разыгрывался, чем дальше, тем больше.

Тем летом нам пришлось убежать с курорта — мне и Джуди. Она продолжала делать вид, словно ничего особенного не случилось. Но хотел бы я знать, что она думала на самом деле.

Она не хотела, чтобы я продолжал все это. Она ясно сказала мне об этом.

— Что-то произошло с тобой, Вуди, — тихонько сказала она, методично упаковывая одежду в чемодан, в том же порядке, в каком я подавал ее. — Я уже говорила тебе, что мне все это не нравится. Неужели этого недостаточно, чтобы заставить тебя остановиться?

— Но я не делаю ничего, что мог бы остановить, — ответил я.

— Я бы остановилась, — нелогично сказала она, — если меня попросил *ты*.

— Я уже говорил тебе, любимая... Я ничего не делаю. Это просто происходит, вот и все.

— Материя, — заявила она, подойдя вплотную ко мне, — не может быть ни создана, ни уничтожена.

Я вздохнул и присел на краешек кровати. Она тут же села рядом и обняла меня.

— Лучше почитай книги, — сказал я.

— Зачем? Ты волнуешься из-за того, что происходит. Ты заставил камень исчезнуть. Но ты не можешь уничтожить материю, из которой он состоит. Она должна превратиться в энергию или во что-то еще. Таким образом, ты просто не мог уничтожить его.

— Но я ведь уничтожил.

— Значит, это не материя. Иначе это не логично, — заявила она тоном *«что и требовалось доказать»*.

— Ты кое-что упустила, неотразимое создание, — сказал я, отстраняя ее от себя. — Я не верю в тот факт, что материя неуничтожима, и никогда не верил. Поэтому материю можно уничтожить. В любом случае, материя — лишь плод моего воображения.

Она дважды беззвучно открыла и закрыла свой ротик, затем начала:

— Но в школе...

— К черту проклятую школу! — рявкнул я. — Я должен доказать это тебе?

Я огляделся вокруг в поисках чего-нибудь для демонстрации, но не заметил ни одной вещи, без которой мог бы обойтись. Я всегда путешествовал налегке. Взгляд мой упал на ее туфли на низком каблуке.

— Погляди... Держу пари, ты где-то потеряла свою обувь.

— Я не... Я... ик!

— ... и твои носки...

— Вуди!

— ...и милый синий беретик...

— Вуди, если ты...

— ...Что? Даже купальник?..

Наверное, я зашел слишком далеко. Так далеко, что я представил себе, что купальник ей вовсе не нужен. Но что же было ей

нужно?.. Я думаю, один-единственный раз я что-то сознательно создал своим творческим воображением. Кто-то когда-то подарил мне бесформенный, неуклюжий бурнус, привезенный из Северной Африки. Он был не красив, не удобен, это была самая невообразимая одежда, предназначенная, чтобы закутать человека. Она не заслуживала существования. Когда я подумал «прикрыть ее», то перед глазами у меня невольно возник «бурнус»...

Она судорожно завернулась в него. Затем встала. Она не сказала: «Ты скотина». Или «подонок». Или «тупица». Она сказала:

— Ты изумительный, Вуди, — а потом со слезами выбежала из комнаты.

Я очень долго сидел неподвижно, затем завершил паковать чемодан.

По возвращении в город, в своей комнате я почувствовал себя гораздо лучше. Потому что теперь меня окружали вещи, которые я знал и к которым привык. Они составляли основу старой дрожащей Вселенной. И пока они твердо стояли на своих местах, Вселенная была в безопасности.

У меня вполне хорошая комната. Если бы вы приехали повидаться со мной, то мы могли бы попить кофе, если бы вы были непротив вставать каждый раз, когда я тянулся за сахаром. Маленькая была комната. Ковер на стене, коврик навахо на полу. Несколько постелей и набросок углем, сделанные Джудит. Освещение не резкое, потому что лампу прикрывал снизу диск из черного картона. Книжки. Кровать. Радиоприемник, работающий двадцать четыре часа в сутки.

Но почему в сутках должно быть всего двадцать четыре часа?..

Я с усилием избавился от этой мысли, прежде чем что-либо случилось.

Потом я включил обе лампы, радио, электроплитку, на которую поставил кофеварку. Кофеварка зашумела, по радио исполняли «Блюз Лендрорда» (все эти вещи входили в оплату за комнату — три пятьдесят в неделю).

Пока я вешал пиджак в шкаф, в комнату ворвался Дрип, с ревом:

— Это ты, Вуди? Привет, дружище! Ты уже вернулся? Что-то случилось, да?

Я закрыл шкаф, повернулся и отвесил ему пару шлепков по губам и подбородку, затем вдавил колено ему в живот и выпер из комнаты в коридор. В стене напротив моей двери была сначала трещинка, затем вмятинка, а теперь уже чуть ли не ниша в том месте, где Дрип постоянно влипал в нее. Я ничего не имел против него, но я просил его, просил снова и снова стучать, прежде чем врываться ко мне в комнату.

Как только я закрыл дверь, он робко постучал.

— Кто там? — строго спросил я.

— Я...

— Я открыл дверь.

— А, привет, Дрип.

Он вошел и принялся повторять снова и снова свои поздравления и приветы. Бедный старый Дрип. Его третировала половина населения от Истпорта до Сэнди Хука, и если ему это и было не по нраву, то он никогда этого не показывал. Голос у него был писклявый, рост маленький, спина согнутая, не сутулая, а именно согнутая, словно он вечно чего-то боялся, лицо красное, но не от избытка здоровья, плечи, правда, широкие, и подбородок не в меру агрессивный. В общем, парень был сильный, но совершенно безопасный.

Как-то он спросил меня, что я о нем думаю, и я ответил: «Ты — пример перехода Создателя от гипотезы к теории». Он все еще пытается понять мои слова... если вообще что-то способен понять.

Но все же Дрип был полезен. Не важно, кто вы, но рядом с Дрипом вы чувствуете себя более значимым. Именно этим он и был полезен. То, что он, соответственно, чувствовал себя незначительным и приниженным, было его проблемой. Ничьей вины нет в том, что он всю жизнь катит перед собой черный шар. И, конечно же, не его собственной.

— Ну как дела, Вуди? — трещал он. — Хорошо опять увидеть тебя. Что ты собираешься делать? Вернуться на работу? Нет? Закончить отпуск? Ну и дела... Что-то случилось. Ты поссорился? С Джудит? Черт побери... да что с тобой?

— Если хочешь, выпей кофе, но прекрати допрашивать меня, — сказал я.

— Прости. — Это слово было отражением его сущности.

— А что делал ты, Дрип?

— Ничего. Ничего. А почему ты спрашиваешь. Почему ты сам так рано вернулся с отпуска, Вуди?

— Ну, ладно, тебе я скажу. — Я почесал голову. — А, черт! Ладно. Дрип, я собираюсь устроиться работать на нефтяной танкер.

— Ты... работать? На танкере? О, Вуди, нет! Я-то думал, что ты успокоишься, отдохнув на море.

— Я могу это сделать, — твердо сказал я. — Я... Что-то ты нервный сегодня.

Он уставился на арабийский молитвенный коврик на стене и его отражение в большом зеркале на противоположной стене комнаты.

— Если тебя не будет, я могу занять твою комнату, — прошептал он с таким видом, словно просил, чтобы я умер вместо него.

– Нет, парень. Я хочу, чтобы ты отправился вместе со мной.

– Что? – закричал он. – Я? В плавание? О, нет! Нет! Не-ет!!

Глядя на Дрипа и помешивая сахар в чашке кофе, я вдруг почувствовал себя виноватым перед ним. Мне захотелось помочь ему. Напрасно я насмеялся над ним. Мне вдруг захотелось, чтобы он испытал ликование, какое испытывал я в те дни, когда встретил Джуди и бросил якорь в этом городе.

– Конечно. А почему бы и нет, Дрип? Я впервые отправился в море, когда мне было шестнадцать лет, и я хорошо проявил себя.

– О, да, – сказал он без малейшего сарказма. – Ты-то способен на это. А я? Я никогда не мог делать то, что делал ты.

– Ерунда! – сказал я.

Рядом с Дрипом можно было делать одно из двух: либо думать о том, какой замечательный я сам, либо как жалок он. Сейчас я думал последнее. Пытаясь хотя бы немного помочь ему, я совершенно забыл о своих новых способностях. Вот тут-то я и совершил ошибку.

– Послушай, – сказал я, – почему ты вечно боишься признака собственной тени? Я думаю, потому, что ты не хочешь приложить усилие, чтобы преодолеть свой страх. Если ты боишься темноты, то должен выключить свет. Если боишься падения – прыгни с крыши... хотя бы с крыши гаража. Если боишься женщин, постоянно ищи их компанию. И, черт побери, если боишься отправиться в плавание один, пошли вместе со мной. Я устроюсь интендантом, а ты можешь быть младшим матросом и помогать мне. Я введу тебя в курс дела. Но в любом случае, сперва взгляни в лицо своим страхам.

– Именно так ты и делаешь, верно? – почти с обожанием спросил он.

– Ну, конечно. И ты мог бы так же, если бы только попробовал. Давай, Дрип. Приложи усилие.

Он наморщил лоб и сказал:

– Но ты не знаешь, чего именно я боюсь.

– Так расскажи мне!

– Ты станешь смеяться.

– Нет!

– Ну, ладно. Сразу за дверью справа. О, это ужасно!

Я встал и открыл дверь.

– Там нет ничего, кроме грязи, которую следовало подмести еще дня три назад.

– Вот видишь? – сказал он. – Ты хочешь, чтобы я глядел на все твоими глазами, но не можешь увидеть то, что вижу я. – Он уже почти плакал.

Я положил руку ему на плечо.

– Дрип. Перестань. Я могу увидеть то, что видишь ты. Я могу...
Ну, конечно же, я мог! Дрип был лишь частью всего остального. Его мысли, его способ мыслить был лишь маленькой частичкой Вселенной. Почему бы и не увидеть то, что видел он?

– Дрип, я могу увидеть все, что видишь ты. *Могу!* Я все увижу твоими глазами. Вот, гляди!

И сразу же комната задрожала, все вещи неловко вздрогнули, и я понял, что Дрип страдал астигматизмом. И также, ощутив потрясение, я понял, что он страдал цветовой слепотой и одновременно видел все очень ярко и отчетливо. *Гм-м!*..

И тут я почувствовал страхи – миллионы неопределенных страхов, с которыми он жил всю жизнь, дни и ночи.

Потолок собирался обрушиться на меня. Пол собирался подняться и ударить меня. В комнате пряталось что-то, что могло в любую секунду наброситься на меня. Я чувствовал, как одежда облепляет и душит меня. В любую секунду я мог ослепнуть, если бы вышел на улицу, и задохнуться, если остался бы дома. Мой аппендикс мог лопнуть в одну прекрасную ночь, когда я был один, и тогда я умер бы в муках. Я мог подхватить какую-нибудь ужасную болезнь. Люди ненавидели меня. Они смеялись... я был так одинок. Я огляделся вокруг. Потом заглянул внутрь себя. Да, я сам себя ненавидел.

Постепенно напор окружающих предметов ослабевал, в то время, как ужас все рос. Я поглядел на Дрипа, он все еще плакал над своей чашкой кофе, но, по крайней мере, уже не дрожал. Зато дрожал я... Бедный, напуганный, мрачный плачущий Дрип казался мне в тот момент оплотом силы.

Наверное, я долгое время стоял неподвижно, постепенно выходя из него. Я должен был что-то *сделать!* Я не мог стать еще более жалким, чем Дрип. У меня все же было чувство собственного достоинства. Я...

– Ч-что, ты сказал, было там... за дверью?

Он вскинул голову, искательно заглянул мне в лицо, потом молча указал на дверь. Я протянул руку и распахнул ее.

Это крылось там, в углу в полумраке, ожидая, пока что-то пройдет рядом. Я захлопнул дверь, оперся на нее и смахнул рукавом пот со лба.

– Оно там? – спросил Дрип.

Я кивнул.

– Оно... Оно все покрыто ртами, – запинаясь, пробормотал я.

– И все *скользкое!*

Он встал, отодвинул меня и выглянул за дверь. Затем рассмеялся.

— Ну, оно же такое маленькое. Оно не причинит тебе вреда. Погоди, пока не увидишь других. А что за дела, Вуди? Ты первый, который увидел их, помимо меня. Пойдем. Я покажу тебе больше.

Он встал, вышел первым и остановился, поджидая меня снаружи. Теперь я понял, почему он всегда не хотел первым выходить из двери. Когда он вышел, то наступил на извивающуюся тварь и принялся топтать ее, чтобы она не проскользнула внутрь у меня под ногами. Я понял, что, очевидно, делал это для него много раз, ничего не подозревая.

Мы стояли наверху лестницы. Ступеньки, извиваясь, уходили у меня из-под ног. Они выглядели такими хрупкими. Такими опасными. Но было терпимо, пока Дрип шел впереди. Он явно имел какой-то контроль над тысячами ползающих, крадущихся, дрожащих тварей, окружающих нас. Он поднялся на следующую площадку, и какое-то щупальце ударилось позади нас о стену. Я шел вплотную к нему, подавленный ненавистью, медленно сочившейся от этих тварей.

Когда мы добрались до его комнаты, находившейся этажом выше моей, он положил руку на дверную ручку и повернулся ко мне.

— Нужно быстро ворваться внутрь, — прошептал Дрип. — Внутри скрывается большая тварь. Мы испугаем ее, если ворвемся внезапно. Иначе он будет внутри и может найти нас там, а потом съест.

Дрип осторожно повернул ручку и рывком распахнул дверь. Мертвенно-бледная масса, пропитанная кровью и тьмой, заполнявшая всю комнату, внезапно стала уменьшаться, сворачиваться в себя, словно таящий лед в печи. Повиснув в воздухе, размером уже со сливу, она мягко шлепнулась на пол и нырнула под кровать.

— Вот видишь, — с уверенностью сказал Дрип. — Если бы мы вошли тихо, то могли бы сами уменьшиться. Понятно?

— Боже мой! — хрипло воскликнул я. — Давай-ка убираться отсюда.

— О, теперь все в порядке, — почти небрежно отмахнулся Дрип. — Пока мы знаем точно, сколько сейчас времени, она не сможет вернуться до нашего ухода.

Теперь я понял, почему всю стену комнаты Дрипа покрывало такое множество часов.

Я хотел опуститься на стул, потому что почувствовал слабость, но заметил, что красный плюш прямой спинки слегка дрожит. Я указал на это.

— Что? А, не обращай внимания, — ответил Дрип. — Я думаю, там полно пауков. Пока что они еще никого не укусили, но все еще впереди. Стоит порваться плюшу, и они заполнят всю комнату.

Я взглянул на него.

— Это ужас... Дрип! Почему ты усмехаешься?

— Усмехаюсь? Прости. Просто, знаешь, я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь боялся моих тварей.

— *Твоих* тварей?

— Ну, да. Я же все время создаю их.

Никогда еще я не чувствовал такой злости. То, что меня, *самого меня*, напугали вымыслы его пораженного фобиями воображения, то, что заставило меня завидовать ему, с такой легкостью передвигавшемуся в его ужасном мире, то, что я принял на себя роль подчиненного — все это было невероятно! Это было... *невозможно!*

— Зачем ты создаешь их? — с холодной яростью спросил я его.

Его ответ, из всех возможных в этой изменяющейся Вселенной, был самым рациональным. С тех пор я все время вспоминаю его.

— Я создаю их, — сказал Дрип, — потому что боюсь этих тварей. С тех пор, как могу себя помнить. Я все время боялся и когда раньше не знал, чего именно боюсь, то вынужден был придумывать всяких тварей, чтобы было чего бояться. Если бы я не стал этого делать, *то сошел бы с ума...*

Я отошел от него, изрыгая проклятия, и стены комнаты разгладились, когда я вернул свою собственную точку зрения. Резкие цвета превратились в знакомые оттенки. И моя гипотеза, что Дрип невероятный человек, весьма быстро испарилась из моего сознания.

Я спустился к себе. Дрип был бы более счастлив, если бы не существовал, думал я, настраивая приемник на волну джаза. Он плохо влиял на эту... на *мою* Вселенную. У него такое же ужасное воображение, как и тварь в его комнате. И — что так же невероятно, — я остановился на трансляции концерта Чайковского си-минор. Джаз показался бы мне в этот момент отвратительным, потому что его любил Дрип, а я не хотел сейчас думать о нем.

По мягкому ковру коридора прозвучали тихие шаги и остановились у моей двери.

— Вуди...

— О, черт, — пробормотал я и крикнул: — Входи, Джудит.

Она нажала ручку двери и войдя, поглядела на меня.

— Наверное, я действительно стоящий парень, раз у меня такая прекрасная тень, — сказал я.

— Каждый мужчина в мире, кажется, готов таскаться за мной, — в тон мне ответила она, — но я настолько глупа, что пришла к тебе. Я пришла, чтобы сказать «до свидания».

— Куда ты едешь?

— Никуда.

— А куда еду я?

- Ты уже приехал.
- Я? Куда.
- Сюда. С моря. Ты забыл поцеловать меня перед отъездом. Это тебе с рук не сойдет.
- А-а... – Я встал и поцеловал ее. – Ну, а почему ты пришла ко мне?
- Я боялась.
- Чего? Того, что я завербуюсь на ближайший корабль?
- Она кивнула.
- И этого и... я не знаю. Я просто боялась.
- Но я же обещал тебе, что останусь на берегу.
- Ты такой ужасный лгун, – напомнила мне Джудит без малейшей укоризны.
- Да? – сказал я. – Всегда?
- Насколько я тебя знаю...
- Я люблю тебя.
- ...кроме тех случаев, когда ты произносишь эти слова, – поправилась Джудит. – Вуди, это – единственное, в чем я *должна* быть уверена.
- Да, знаю. – Я выпустил ее из объятий и взял свою шляпу. – Пошли куда-нибудь, поедим.
- Я помню ту еду. Это была последняя еда, которую я съел на Земле. Суп с овощами, цыпленок табака и черный кофе в маленьком итальянском ресторанчике. И за кофе я снова рассказал ей то, что со мной произошло.
- Вуди, ты невозможен!
- Может быть. Может быть. В последние дни я посчитал невозможными множество вещей. И больше они не существуют. Дрип, например.
- Дрип? Что произошло?
- Я рассказал ей. Она принялась надевать свою шляпку.
- Подожди, – сказал я. – Я еще не допил кофе.
- Ты понимаешь, что только что сказал мне? Вуди, если ты ошибаешься насчет всего этого... если веришь в это – то ты просто спятил. Но если ты прав – то ты *убил* того парнишку!
- Не делал я ничего подобного. Ни в каком виде. Черт побери, любимая, я знаю, это трудно осознать. Но Вселенная – это создание моего воображения, только и... всего. Дрип был просто невозможным... Ты сама сказала мне это, когда впервые увидела его.
- Это была просто шутка, – сказала Джудит и встала из-за столика.
- Куда ты пойдешь?
- Я не знаю. – Ее голос звучал устало. – Куда угодно... Подальше от тебя, Вуди. Найди меня, когда выкинешь все это из своей

головы. Я никогда не слышала ничего подобного и... О, ладно. В любом случае, существует естественное объяснение всему, что произошло.

— Конечно. И я рассказал тебе о нем, но ты не поверила.

Она вскинула руки, и я увидел на ее лице вполне реальное отвлечение. Я поймал ее за руку, когда она уже поворачивалась.

— Джудит!

Она стояла, не глядя на меня, не пытаясь вырваться, просто стояла, совершенно *безразличная*.

— Ты же это не серьезно, Джудит, детка! Ты просто не можешь уйти. Ты же — единственная, в кого я теперь могу верить.

— Когда ты *выдумал* меня, Вуди, то дал мне слишком много ума, чтобы я могла продолжать любить... психа сумасшедшего, — добавила она почти беззвучно.

Потом вырвала у меня свою руку и ушла.

Я долго сидел неподвижно, глядя, как томатный соус постепенно пропитывает кусок итальянского хлеба.

— Она вернется, когда соус доберется вон до той дырочки, — пробормотал я себе под нос.

И немного позже:

— Когда он доберется до корки...

На это потребовалось много времени, но она не вернулась. Я попытался со смехом отмахнуться от мысли о ней, но от этого смеха стало больно лицу. Я расплатился и вышел на улицу. Потом оказался в каком-то дешевом баре, где хорошенько напился и... дальнейшее плохо помню...

Послушайте вы, крылатые создания. Послушайте, создания, которые растут и зеленеют. Я жалею, что создал вас, жалею, что придумал вас, что наблюдал, как вы растете, смотрел, как вы умираете и вновь оживаете, чтобы однажды умереть окончательно. Вы созданы из восторга и тепла моей души. Вы созданы из солнечного света, который тоже сделал я. Вы и все остальное, сильные и красивые создания, и люди, и музыка, и богатство, и магия, и самые основы. Вы все исчезнете, потому что я просыпаюсь. Простите меня, мои великолепные призраки!

Я знаю, с чего все началось. С Хабанеры Секо. Ее варят на Гватемале, она пьется легко, как шотландский виски, она крепкая, как водка, и действует похлеще абсента. Если вы можете пить ее, не разбавляя. — а кто на это способен? — то не сумеете выпить много... Да оно и не нужно.

Одна порция, и я почувствовал себя гораздо лучше. Вторая, еще лучше. Третья, и я вернулся к тому состоянию, с которого начал. Четвертая, и я стал ужасно мрачным. Седьмая — мне стало совсем плохо. Крутая эту штука. Все горе мира скопилось в этой бездонной бутылке, и я стремился допить ее до дна и взять вторую. Джудит ушла, а без Джудит не было больше солнца, потому что ему не

для кого было светить. Все кончено, сказал я про себя. Ей-Богу, я действительно чувствовал, что это так. Шатаясь, я оперся о дверной косяк, ища улицу.

— Проснись, Вуди, — с дрожью в голосе воззвал я к себе. — Теперь все кончено. Все. Нигде ничего больше нет. Жизнь — просто невероятная вошь на стерильном шарике. Мужчина — чудовище, а женщина — призрак! Я же не человек, а просто спящее сознание, и сейчас я просыпаюсь! Я просыпаюсь! — Я отлип от косяка и принялся кричать: — Проснись! Проснись!

Я не могу сказать, как это произошло. Все вокруг уменьшилось и стало выскальзывать из существования. Нет, не было никакого насилия, никаких ужасов, ничего не падало и не ломалось. Все просто стало размытым, словно не в фокусе, и исчезло, оставив меня лишь в одном элементе — глубоком, толстом, абсолютном одиночестве. И что-то холодное ударило меня в последнее мгновение перед тем, как я... *ушел*. Это была Джудит. Она бежала ко мне по улице, протягивая руки, и улыбка играла на ее лице. Она вернулась, в конце концов, но ничто уже нельзя было остановить и вернуть назад. Мой сон закончился!

Я и этот толстый элемент бесшумно расширились до самых границ моего создания, моей Вселенной, и канули туда же, куда перед нами отправились все могучие светила и туманности — в небытие. И я остался там, где нет никакого времени, там же, где был, прежде чем придумал эту Вселенную. И я стал думать о том, что все эти птицы и скалы, войны и очарование, ликование и победы были лишь вымыслами моего гордого воображения.

И только теперь я посмел подумать о последнем вопросе, окончательной, глубочайшей и всеохватительной концепции...

...потому что, если вся Вселенная была всего лишь созданием чьего-то воображения, если ничто не могло остаться существовать, когда их существование подвергалось сомнению, то, может, и сам я — всего лишь просто вымысел моего воображения...

The Ultimate Egoist, (Unknown, 1941 № 2)

UNKNOWN

BRITISH
9th
EDITION

SUMMER

FANTASY FICTION

Worlds

SHAPE OF DESIRE by Cleve Cartmill

It was—something. It was an ancient, fabled gem, it was a pair of tailor's shears. It was a gun, a great emerald, or a hacksaw blade. It was—the shape of desire!

YESTERDAY WAS MONDAY

by Theodore Sturgeon

Slight error somewhere! He got behind the scenes, and woke up Wednesday morning although Yesterday was Monday. The Builders hadn't finished making Wednesday yet—

NOT ACCORDING TO DANTE

by Malcolm Jameson

Hell wasn't what it used to be, what with all the imps on relief, and a steady rain of broken shoe-laces, inoperable gadgets and broken-down cars. But there was a very special hell for him—

THE FOUNTAIN by Nelson S. Bond

Ponce de Leon was right—the Fountain of Youth was there in Florida. But he was wrong—for it was the fountain of death, too!

ВЧЕРА БЫЛ ПОНЕДЕЛЬНИК

Гарри Райт повернулся на бок и выдохнул что-то типа «Фу-ух!» Затем снова набрал полный рот сухого воздуха, выдохнул, открыл один глаз просто для проверки, откроется ли он, открыл второй и закрыл первый, затем закрыл второй, спустил ноги на пол, открыл оба глаза и потянулся. Это была ежедневная процедура, и единственное, чем она отличалась от всех предыдущих, состояла в том, что сделал он это утром в среду, а вчера...

Вчера был понедельник.

Гарри прекрасно знал, что сегодня среда. Даже несмотря на его знание, что вчера был понедельник, значит, сегодня должен быть вторник. Вот вы засыпаете и спите всю ночь без всяких сновидений, а когда просыпаетесь, то знаете, что прошло какое-то время. Вы не делаете ничего, о чем можете вспомнить, у вас нет никакого способа измерить время, но все равно вам известно, что прошло несколько часов. Так же вот было и с Гарри Райтом. Вторник пролетел так же бесследно, как и восемь ночных часов сна.

Вот только не мог он проспать весь вторник. Нет! Он в жизни никогда не спал дольше шести часов подряд, и не было никакой причины дрыхнуть сутки напролет. Позавчера был понедельник, Гарри лег и проспал свои обычные шесть часов, а когда проснулся, то была *среда*.

Он *чувствовал*, что сегодня среда. Чувство среды носилось в воздухе.

Гарри надел носки и встал. Его не одурочить. Он знает, какой сегодня день.

— Что же произошло вчера? — пробормотал он. — О, вчера был понедельник.

Этих мыслей хватило на то время, когда он стягивал с себя пижаму. *Понедельник*, размышлял он, доставая свежее нижнее белье, *прошел, как обычно, ничего новенького не произошло*. Если бы он был беспокойным типом, то немедленно начал бы волноваться. Но он был спокойным человеком с легким характером, который, попав в привычную колею, предпочитал оставаться в ней, пока обстоятельства не вышвыривали его с нее. Поэтому он работал автомехаником за двадцать три доллара в неделю, поэтому жил один в течение восьми лет и будет так жить и дальше, если только разыщет пропавший вторник.

Ведомый рефлексами, а не работой мысли, что также было обычно для него, Гарри умылся, оделся и застелил кровать. Будильник, звонок которого он никогда не включал, потому что сам умел просыпаться в нужное время, показывал, как обычно,

шесть двадцать две, когда Гарри остановился на пороге и окинул взглядом комнату. Что-то заставило его сделать эту короткую заминку и подумать.

Что-то было не так.

В комнате была кровать и портрет Джо Луи. Были два стула, раздвижной стол, бежевые обои с повторяющимися двумя лебедями, маленькая раковина в углу и чуть покосившаяся конторка. И было во всем этом что-то не так, что-то неоконченное. Нет, не то, чтобы в них виднелись дыры. И краска была такая же, как всегда. Но в воздухе носился какой-то аромат пиломатериалов, тонкий, едва уловимый, но он был, и Гарри Райт стоял, вдыхая его и удивляясь. Он подозрительно огляделся, но так и не увидел ничего, испускающего такой аромат. Тогда он покачал головой, вышел, запер дверь и спустился в холл.

На лестнице маленький парень, чуть выше трех футов роста, спокойно строгал третью ступеньку от верха острым долотом, проделывая в темном дереве свежие царапины. Он поднял голову, услышав шаги Гарри, и быстро выпрямился.

– Привет, – сказал Гарри, разглядывая кожаную куртку, кепку с козырьком и сухое личико с ясными глазами. – Что вы делаете?

– Ремонтирую, – пропищал коротышка. – У актера с третьего этажа вылез гвоздь из правого каблука. Он вернулся домой поздно ночью во вторник и поцарапал ступеньку. Я должен починить ее к вечеру среды.

– Сегодня среда, – заметил Гарри.

– Конечно. Всегда была. И всегда будет.

Гарри пропустил это мимо ушей и стал спускаться по лестнице. Прошел уже было мимо своего странного собеседника, игнорируя, как всегда, то, что не мог понять. Но одно его обеспокоило...

– Вы сказали, что парень с третьего этажа актер?

– Да. Они все актеры, знаете ли.

– Да вы свихнулись, дружище, – прямо сказал Гарри. – Этот парень работает в доках.

– А, ну да... Это его роль. Он играет докера.

– Не несите ерунды. Что же он делает, когда не играет?

– Ну, он... Ну, это... Да все, что угодно! Все, что делают все актеры!

– Ну и дела... А я-то думал, что он простой работяга, – сказал Гарри. – Актер? Немыслимо!

– Простите, – сказал коротышка, – но я должен вернуться к работе. Нельзя позволить ничему добраться до нас. Они, знаете ли, в ближайшее время появятся из вторника, и все должно быть готово к их приходу.

Да у этого парня совсем мозги набекрень, подумал Гарри. Он неопределенно улыбнулся и стал спускаться по лестнице. Когда же оглянулся, коротышка сноровисто скоблил ступеньку,

уничтожая царапину от гвоздя. Гарри покачал головой. Странное выдалось утро. И он был рад поскорее добраться до гаража. Там его ждал седан 39-го года со сломанной задней подвеской. Нужно сосредоточиться на нем и выкинуть из головы всякую ерунду. Это все, что нужно для человека, едущего по жизни в своей колее. Работать, есть, спать, получать зарплату. Зачем еще и пытаться думать?

Улица была запружена, как и всегда. Но не совсем таким образом. Тут было много автомобилей, грузовиков и автобусов, но ни один из них не двигался. И ни одна машина не была полностью завершена. Это уж была профессиональная область Гарри, если что-то и было, чего он не знал о машинах, то уж явно какая-то мелочевка. И глядя вокруг, он быстро ухватил суть происходящего.

Толпы коротышек, которые могли бы быть близнецами того, с кем он беседовал, толпились вокруг машин, заполняли тротуары, магазины и выходы из домов. И все работали, как безумные, всевозможными инструментами. Некоторые правили крылья машин, заделывали царапины и микротрещины. Другие, с молотками и киянками, выправляли бамперы. Третьи старили окраску пескоструйными аппаратами с игольными соплами. Были еще и такие, которые пачкали пылью обивку сидений, подчищали наждачной бумагой приборные панели, рукоятки рычагов управления, чтобы придать им изношенный вид. Гарри стоял в сторонке, наблюдая, как с полдесятка этих работников бегут по улице с буфером, который в итоге поставили на автомобиль-купе 1930-го года. Буфер был испачкан свежей кровью.

Наблюдая за этой необычной деятельностью, Гарри стоял с приоткрытым от удивления ртом. Он заметил, что те же процессы производились со зданиями и магазинами. Зеркальные окна покрывались тонким слоем пыли. С деревянных дверей и рам подчищалась краска, чтобы они стали похожими на поврежденные непогодой. Десятки рабочих в кожаных куртках стояли на четвереньках, вбивая между камнями мощеной мостовой грязь и пыль. Ряд работяг работал над тротуаром, тщательно наклепывая на него жеваную резинку. За ними шла другая команда, которая окончательно эту резинку притаптывала.

Гарри стиснул зубы и заставил свой мозг прийти в норму.

— Никогда еще не видел такой денек и таких психов, — проворчал он себе под нос. — Но я не позволю никому из них лезть в мои дела. Меня ждет работа.

И он мрачно пошел по улице, стараясь не обращать внимания на сотни трудолюбивых фигурок.

Когда он добрался до гаража, то не нашел там никого, кроме целого роя таких же коротышек, снующих повсюду, царапающих покраску, надалбливающих цементный пол, короче, занимающимися мелкими, но эффективными работами по

старению всего вокруг. Гарри прекрасно знал свое место работы, поэтому сразу же понял, что они, фактически, *делали* царапины, трещины и выбоины, которые всегда там были.

– Черт с вами, – проскрежетал он, стремясь погрузиться в привычный мирок гаечных ключей и шприцев с густой смазкой. – У меня есть свои дела, а чем занимаются они, меня не касается.

Он огляделся, думая, не должен ли вышвырнуть этих незваных гостей из гаража. Ну... не его это дело. Его наняли ремонтировать автомобили, а не управлять предприятием. До тех пор, по крайней мере, пока они держатся подальше от него – а животный инстинкт подсказывал ему, что они намного, очень намного превосходят его по численности. Отсутствие босса и других механиков Гарри не удивляло – он всегда приходил первым.

Переодевшись в рабочий комбинезон, Гарри взял набор инструментов и пошел к седану, который стоял на гидравлическом подъемнике со вчерашнего дня – то есть с ночи понедельника. И тут Гарри Райт вышел из себя. В конце концов, автомобиль – это его работа, и ему не нравилось, когда кто-то путался под ногами. А когда он увидел, что седан 39-го года стоит на всех четырех колесах и подъемник опущен, а задняя подвеска при этом уже починена, его взяло за живое. Он залез под машину и ощупал опытными пальцами подвеску. Несмотря на то, что он разозлился на такое бесцеремонное вмешательство, Гарри вынужден был признать, что работа сделана.

– А, может, я сделал ее сам? – пробормотал он.

Негромкий лязг и какое-то движение позади привлекли его внимание. Гарри вылез из-под машины и с ревом ухватил за пояс кожаной куртки одного из коротышек, который уже заползал под автомобиль, и поднял его на вытянутой руке.

– Что это ты делаешь на моем рабочем месте? – взревел Гарри.

Коротышка уткнул подбородок в рубашку.

– Да просто заканчиваю с пружинной подвеской, – буркнул он.

– А, значит, ты просто заканчиваешь с подвеской, – прошептал Гарри, задохнувшись от гнева, а затем заревел во весь голос: – Кто велел тебе трогать эту машину?

– Кто мне велел? Что значит, кто?.. Ну, просто это должно быть сделано, вот и все. Отпустите меня. Я еще должен завернуть два болта и присыпать все пылью.

– Ты должен *что*? Да если ты подойдешь к этой машине ближе, чем на шесть футов, то я откручу тебе голову!

– Но... Это же должно быть сделано!

– Ты этого не сделаешь! Да я ведь могу...

– Пожалуйста, отпустите меня! Если я не сделаю эту машину такой, какой она должна быть в ночь на вторник...

– А когда была ночь вторника?

— В последнем действии, разумеется. Отпустите меня, не то я вызову диспетчера участка!

— Да вызывай хоть самого дьявола! Я сейчас выкину тебя из гаража, и да помогут тебе Небеса, если я снова поймаю тебя здесь!

Коротышка стиснул зубы, сощурился и, взметнув вверх обе ноги, врезал ими Гарри в челюсть. Гарри отшатнулся и выронил свою обувь. Коротышка тут же принялся визжать:

— Инспектор! Инспектор! Чрезвычайная ситуация!

Гарри зарычал и кинулся к нему, но тут прямо из воздуха между ним и коротышкой появилась длинная белая рука. Пустой воздух откинулся, как занавес, в гараже появилось отверстие, ведущее в пустое, полное небытие, а оттуда вышел высокий человек в просторном одеянии, буквально усеянном карманами. Отверстие тут же закрылось за ним.

Гарри съезжился. Никогда в жизни не видел он такой благородной осанки, такой мощной фигуры с такими широкими плечами, с такой выпуклой грудью и такими налитыми силой мускулами. Человек стоял, уперев руки в бедра, и рассматривал Гарри, словно тот был мусором на полу, который забыли подмести.

— Это он, — пронзительно сказал коротышка. — Он пытается мешать мне закончить работу!

— Вы кто? — спросил гигант, глядя на Гарри сверху вниз.

— Я... м-механик в этом г-г-г... А кто это спрашивает?

— Иридел, инспектор района Будущее, это спрашивает.

— Из какого чертова ада вы вылезли?

— Я вылез не из ада. Я пришел с четверга.

Гарри помотал головой.

— Да что же это такое? — завопил он. — Почему сегодня среда? Кто все эти чокнутые коротышки? И что случилось со вторником?

Иридел сделал движение пальцем, и коротышка тут же метнулся под машину. Гарри взбесился, услышав позвякивание ключа, деловито затягивающего болты. Он уже полез было за коротышкой, но Иридел сказал: «Стоять!», а когда Иридел сказал: «Стоять!», Гарри остановился, сам не понимая, почему.

— Просто поразительное событие, — спокойно сказал Иридел, с бесстрастным любопытством рассматривая Гарри. — Актер

на сцене до того, как закончат устанавливать декорации. Это экстраординарно.

— Что еще за сцена? — спросил Гарри. — Что вы вообще делаете здесь, и что делают все эти парнишки?

— Вы задаете очень много вопросов, актер, — сказал Иридел. — Я отвечу на них, затем у меня будут вопросы к вам. Эти парнишки — рабочие сцены. Я удивлен, что вы еще не поняли этого. Они готовят сцену для среды. Вторник? Ну, так он продолжается сейчас.

— Фу-у-ух! — выдохнул Гарри. — Как может продолжаться вторник, когда сегодня среда?

— Сегодня не среда, актер.

— А?

— Сегодня вторник.

Гарри с силой почесал голову.

— Сегодня утром я встретил на лестнице парня — этого вашего рабочего сцены. Так он сказал, что среда.

— Среда — это среда. А сегодня идет вторник. Вторник — сегодня. «Сегодня» — просто название декораций и реквизита, которые используются в данный момент. «Вчера» означает декорации, которые уже использовались. «Завтра» — декорации, которые будут использоваться, когда актеры закончат «сегодня». Это среда. Вчера шел понедельник, сегодня — вторник. Понятно?

— Нет, — честно сказал Гарри.

Иридел вскинул вверх свои длинные руки.

— У-у, какие же актеры тупые! Слушайте внимательно. Вот это — акт «Среда», сцена 6:22. Это означает, что все, что вы здесь видите, подготавливается для 6:22 среды. Среда не время, а место. И в него выходят актеры. Я вижу, вы все еще не уловили идею. Давайте попробуем... н-ну... Взгляните на часы. Что вы видите?

Гарри поглядел на большие электрические часы на стене над компрессором. Они всегда шли очень точно и показывали 6 часов 22 минуты. Гарри пораженно уставился на них.

— Шесть двадцать... черт побери, это то время, когда я вышел из дома. Я шел сюда и здесь торчу уже минут десять!

Иридел покачал головой.

— Вы не пробывали здесь вообще нисколько, потому что нет никакого времени, пока актеры не выйдут на сцену.

Гарри опустил на бочонок со смазкой и буквально услышал, как у него от усилий скрипят мозги.

— Вы хотите сказать, что сейчас происходит не то, что движется во времени? Ну... ну как дорога. Дорога никуда не движется — это вы едете по ней в разные места. Так?

— Ну, это слишком общее представление. Хотя довольно хороший пример. Предположим, то, о чем мы говорим, это дорога, шоссе, состоящее из блоков. Каждый блок — это день. Появляются актеры и идут по ней день за днем. А наша работа — моя и этих рабочих

сцены... ну, мы как раз и прокладываем эту дорогу. Здесь бригада зачистки. Они занимаются последними мелочами, чтобы все было готово к выходу актеров.

Гарри сидел неподвижно, а его мозги трещали от усилий переварить полученную информацию. Он чувствовал себя так, будто его огрели свинцовой трубой, и шок от этого удара будет тянуться вечно. Все это звучало просто безумно, безумнее всего, с чем он когда-либо сталкивался. Почему-то он вдруг вспомнил разговор, который когда-то вел с пьяным авиамехаником, который пытался ему объяснить, как воздух, текущий по крыльям самолета, может держать такую тяжелую машину на весу. Он тогда не понял ни слова о подъемной силе, воздушных ямах, двугранных углах и эффекте Бернулли. Но это не имело никакого значения: самолеты летали независимо от того, понимает ли он, как они летят, или нет. Гарри знал это, потому что видел самолеты своими глазами. Лекция этого Иридела была из той же оперы. Но если здесь не было ничего, как он говорил, то как же работают эти коротышки? Почему часы не отсчитывают минуты? И где находится вторник?

Гарри решил, что должен выяснить это раз и навсегда.

— Где вторник? — спросил он.

— Там, — ответил Иридел и указал рукой.

Гарри отшатнулся и упал с бочонка, потому что, когда тот протянул руку, она *исчезла*!

Гарри поднялся с пола и сказал напряженным голосом:

— Сделайте это еще раз.

— Что именно? Показать на вторник? Пожалуйста.

Иридел повторил свой жест. Когда он отдернул руку, она появилась снова.

— Черт побери! — пробормотал Гарри и снова сел на бочонок, потяя и уставившись на инспектора района Будущее. — Вы показали... ваша рука... — Он тяжело дышал. — В каком это направлении.

— Это направление, как и любое другое, — ответил Иридел. — Есть, знаете ли, четыре вектора направлений: в длину, в ширину, вверх и, — он снова протянул руку, и снова рука его исчезла, — и *туда*!

— Меня никогда не учили этому в школе, — пробормотал Гарри. — Конечно, я был тогда ребенком, но помню точно...

— Четвертый вектор, — рассмеялся Иридел, — это *длительность*. Актеры перемещаются по длине, ширине и высоте — куда нужно по сцене. При этом они сами принимают решение, в каком направлении перемещаться. Но есть одно перемещение, которым они не могут управлять, и это — *длительность*.

— А как скоро они появятся... э-э... здесь? — спросил Гарри.

Иридел сунул руку в один из своих бесчисленных карманов и достал часы.

– Сейчас восемь тридцать семь утра вторника, – сказал он. – Актеры появятся здесь, как только закончат действие «Вторник» и перейдут на сцену «Среда». К тому времени здесь все уже должно быть готово.

Гарри снова принялся скрипеть мозгами, размышляя, в то время как Иридел терпеливо ждал, слегка улыбаясь. Затем он взглянул на инспектора и спросил:

– Эй, так все это... актеры и прочее... Что все это значит?

– А-а, это? Ну, это пьеса, только и всего. Точно такая же пьеса, как и любая другая, которую ставят для развлечения зрителей.

– Я однажды играл в пьесе, – сказал Гарри. – А кто зрители?

Иридел перестал улыбаться.

– Понятно – те, кто может развлекаться, – сказал он. – А теперь я хочу задать вам несколько вопросов. Как вы попали сюда?

– Пришел пешком.

– Вы *прошли* с ночи понедельника в утро среды?

– Н-нет... От дома до сюда.

– Э-э... Но как вы попали в среду, в шесть двадцать две?

– Послушайте, я... Ч-черт! Я просто проснулся, и, как обычно, пришел пешком, чтобы, как обычно, работать.

– Это необычайное происшествие, – сказал Иридел, в замешательстве качая головой. – Вы должны встретиться с продюсером.

– С продюсером? А кто он?

– Узнаете. А пока что пойдемте со мной. Я не могу оставить вас здесь, вы слишком близки к началу действия. К тому же, мне нужно закончить обход.

Иридел направился к двери. Гарри испытывал желание остаться и заняться, наконец, своей работой, но, когда Иридел обернулся и махнул ему рукой, Гарри пошел за ним. Внезапно оказалось невозможно не пойти.

Когда он догнал инспектора, к тому как раз подбежал рабочий, махая своей кепочкой.

– Иридел, сэр, – пропищал он, – производители погоды установили влажность воздуха на шесть сотых процента меньше, чем положено в этом действии. И в резервуарах на три седьмых унции меньше бензина.

– Сколько там всего?

– Четыре тысячи двести семьдесят три галлона, три пинты, семь и двадцать одна сотая унции.

– На сей раз сойдет, – проворчал Иридел. – Но это очень небрежная работа. Кто-то может загреметь за это в Чистилище.

– Прекрасно, сэр, – сказал коротышка, – Но мы, как вы знаете, за это не отвечаем.

Он надел свою кепочку, трижды повернулся на месте и убежал.

— Производителям погоды повезло, что общая сумма газов в этом месте не внесена в сценарий Среды, — сказал Иридел. — Если что-то помешает непрерывности пьесы, то кто-то должен за это заплатить. Актеры могут начать путаться и совершить целую серию ошибок из-за такой мелочи. Пьеса может провалиться, и тогда все мы останемся без работы.

— Ого! — прервал его Гарри. — Эй, Иридел... А что это там такое странное?

Иридел последовал взглядом, куда он указывал — в угол участка. Там росли деревья, перемежаясь с сорняками и молодой порослью. Вся растительность была настоящей, и была рассажена по краям участка и по обеим сторонам дорожки, пересекающей его по диагонали, но вот между деревьями виднелись пробелы плоской, голой поверхности. На ней не было ни листика, ни травинки, и поверхность эта вообще не имела никакого цвета.

— А, это, — ответил Иридел. — Только два персонажа в акте «Среда» пройдут по этой тропинке. Поэтому здесь и растительности ровно столько, сколько должно быть. Остальная часть сцены не участвует в пьесе, поэтому мы ничего не поставили на нее.

— Но... А вдруг кто-нибудь пройдет по этому участку в среду? — спросил Гарри.

— Я думаю, он бы весьма удивился. Но вряд ли такое может произойти. На таких местах всегда стояли суфлеры, не дающие актерам пойти не туда или забыть реплику.

— А кто они... Я имею в виду, суфлеры?

— Суфлеры? Это ангелы-хранители спектакля. Так называют их авторы сценариев.

— Я слышал о них, — сказал Гарри.

— Да, у них всегда масса работы, — ответил инспектор. — Актеры вечно забывают свой текст или, напротив, тщательно повторяют вкравшиеся в сценарий ошибки и опечатки. Ну, здесь, вроде, все в порядке. Давайте взглянем на пятницу.

— На пятницу? Вы хотите сказать, что уже работаете над пятницей?

— Разумеется! Мы прорабатываем много лет вперед! Иначе, как, по-вашему, мы бы сумели вырастить здесь деревья, например? Вот сюда — шагните! — Иридел протянул руку, схватил пустой воздух и откинул его в сторону, как занавеску, обнажая вид на полное небытие, шагнул прямо в него и махнул Гарри следовать за ним.

— В-вы хотите, чтобы я пошел туда? — запинаясь, спросил Гарри.

— Конечно. Давайте быстрее!

Гарри слабым взглядом уставился в пустоту, но не смог противостоять странному принуждению приказов инспектора. Он сделал шаг вперед.

Все было не так уж плохо. Не было ни крутящихся огней, ни чувства падения, ничего подобного. Это было также, как шагнуть

в другую комнату — что и произошло на самом деле. Он оказался в громадном круглом зале, потолок которого слегка расплывался. То есть изогнутые стены наверху переходили в куполообразный потолок, но в нем было что-то не так. Казалось, он простирался вдаль в том направлении, которое таким странным способом показывал прежде Иридел. Стены были усеяны удивительным количеством переключателей, матовых экранов, индикаторов и шкал каких-то приборов, а также кнопок с насечкой и рычагов. Перед ними ловко перемещалась команда людей, имевших необычайное сходство с Ириделом, за исключением того, что у их просторной одежды не было карманов. Гарри застыл, загипнотизированный необычайной сложностью управления и одновременно легкостью, с которой работали люди. Иридел коснулся его плеча.

— Пойдемте со мной, — сказал он. — Продюсер сейчас здесь, и мы узнаем, что с вами делать.

Они двинулись вперед. У Гарри не было времени спросить, сколько же потребуется времени, чтобы пересечь этот громадный зал, потому что, не успели они сделать и десятка шагов, как оказались у противоположной стены. Очевидно, обычные законы пространства и времени были здесь не применимы.

Они остановились перед дверью из полированной бронзы, такой полированной, что в нее можно было глядеться, как в зеркало. Дверь открылась, и Иридел втолкнул Гарри внутрь. Дверь тут же сама закрылась. Охваченный паникой, потому что остался один в этом странном мире, без единственного знакомого, к которому начал уже привыкать, Гарри метнулся назад к двери. Дверь отшвырнула его, и он кубарем покатился по полу. Перевернулся и поднялся на четвереньки.

Он был в маленькой комнатке, чуть ли не половина которой была занята колоссальным столом из тика. Сидящий за столом человек весело смотрел на него.

— Ну, и откуда вас принесло? — спросил он голосом, похожим на сердитое гудение приближающегося урагана.

— Вы продюсер?

— Да, будь я проклят, — ответил тот и улыбнулся.

Его улыбка, казалось, осветила всю комнатку. Гарри заметил, что он выглядел крупным человеком, но в этом обманчивом месте нельзя было сказать, какого тот роста на самом деле.

— А вы, будь я поистине проклят, актер? Из постоянного состава, верно? Строите мне дома, в которых я почти никогда не бываю. Собираетесь там и молитесь о лучшей участи. Прислушиваетесь к тому, что я мог бы ответить, а затем игнорируете или неправильно истолковываете мои советы. И вечно выпрашиваете еще один шанс, а когда получаете его, то непременно портите, как и все предыдущие. И вот теперь один из вас нарушает логику событий. Во всяком случае, что у вас за проблема?

Было в продюсере что-то такое, что беспокоило Гарри, но он не мог понять, что именно, хотя этот человек почему-то внушал ему страх.

— Я проснулся в среду, — запинаясь, сказал он, — а вчера был вторник... Я хотел сказать, понедельник. Я имею в виду... — Он откашлялся и начал все сначала. — Я заснул вечером в понедельник, а проснулся в среду, и теперь ищу вторник.

— И что вы хотите, чтобы я с этим сделал?

— Н-ну... А вы не могли бы сказать, как мне вернуться туда? У меня там осталась незаконченная работа...

— А-а... Я все понял, — сказал продюсер. — Вы чего-то хотите от меня. Знаете, если когда-нибудь кто-нибудь из вас придет и предложит мне что-нибудь совершенно бесплатно и не в обмен за какие-нибудь услуги, то я просто тихонько скончаюсь на месте от изумления. Неужели мне мало работы над этой пьесой, чтобы не переворачивать вверх тормашками пространство и время, делая одолжения таким, как вы? — Он глубоко вздохнул, а затем опять улыбнулся. — Однако... я всегда пытаюсь быть справедливым, хотя порой это ужасно трудно. Пойдите и скажите Ириделу, чтобы он показал вам путь назад. Думаю, я понял, что с вами произошло. Когда вы выходили из последнего акта, в котором были заняты, то, наверное, зашли не за тот занавес, когда подошли к заднику. А суфлер отправил вас в Чистилище. Теперь идите... Его накажут.

Гарри открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал и выскочил из двери, которая уже открылась перед ним. Тяжело дыша, он снова оказался в огромном зале управления. К нему подошел Иридел.

— Ну, и как?

— Он сказал, чтобы вы отправили меня отсюда.

— Хорошо, — сказал Иридел. — Сюда.

Он последовал вперед к занавешенному дверному проему в пустоту, похожему на тот, которым они попали сюда. Рядом с ним были два циферблата, один показывал дни, а другой — часы и минуты.

— Ночь понедельника будет достаточно хороша для вас? — спросил Иридел.

— Шикарно, — ответил Гарри.

Иридел установил на циферблатах понедельник, 21:30.

— Пока, актер! Возможно, мы еще увидимся с вами.

— Пока, — сказал Гарри.

Повернулся и вошел в дверь.

И оказался в гараже, а проем в пустоту позади него тут же исчез. Он повернул голову, чтобы спросить Иридела, нельзя ли ему снова лечь спать и прожить вторник с самого начала, но Иридела рядом не было.

Гараж был ярко освещен. Гарри взглянул на часы – прошло уже пятнадцать секунд после девяти тридцати. Странно, в это время все уже должны разойтись по домам, кроме Джима Слима, ночного дежурного, который торчал тут до четырех утра, обслуживая заправку у гаража. Гарри быстро оглядел гараж. Да, это могла быть ночь понедельника, но это была совершенно незнакомая ему ночь понедельника.

Гараж был снова заполнен коротышками!

Гарри присел на буфер кабриолета и застонал.

– Ну, а теперь я куда вляпался? – спросил он себя.

Почти сразу же он увидел, что оказался совершенно в другом месте, а не там, где встретил Иридела. Там коротышки работали, чтобы созидать, работали точно и аккуратно, так что любо-дорого было посмотреть. Но здесь...

Во-первых, здесь коротышки отличались от прежних. Они выглядели усталыми, больными и медлительными. Кругом было множество надзирателей, и Гарри вздрогнул, когда один из таких, весь в белом, с длинным кнутом набросился на коротышку. Если в среду трудились команды рабочих, то здесь, в понедельник – толпа невольников. И работа у них была совершенно иная. Здесь они все ломали, разбивали, увозили. Прямо перед Гарри очередную секцию мостовой взламывали, превращали в порошок, набивали им мешки, которые уносила целая вереница испуганных коротышек. Гарри смотрел, как снимают балки, поддерживающие крыши домов, как выбивают из стен кирпичи. Он слышал звуки работающей на крыше бригады, и видел, как сверху летят куски оторванной кровли. Гарри увидел, как стены и крыша здания буквально растаяли на глазах и, прежде чем он понял, что происходит, то оказался стоящим на безжизненной мертвой бесцветной плоскости.

Это было уж слишком для его перегруженного мозга. Он ринулся в темноту, мимо шеренги каких-то устройств, прямо по грудам щебня, и на бегу изо всех сил звал Иридела. Бежал он долго и, наконец, опустился на землю прямо за штабелем старых досок там, где прежде была Унитарная церковь, потому что больше уже не мог бежать. Затем услышал шаги и съезжился. Шаги приближались, из-за штабеля вышел один из надзирателей в белом и уставился в его сторону. Гарри сидел в густой тени, но понял, что человек в белом прекрасно видит в темноте.

– Эй, ты там, выходи, – прокрипел надзиратель.

Гарри встал и подошел к нему.

– Это ты вопил, зовя Иридела?

Гарри кивнул.

– А с чего ты решил, что найдешь Иридела в Чистилище? – глумливо усмехнулся надзиратель. – Кто ты вообще такой?

К этому времени Гарри уже кое-чему научился.

— Я актер, — слабым голосом сказал он. — Я вошел по ошибке в среду, и они переслали меня обратно сюда.

— Зачем?

— Что? Зачем?.. Я думаю, это была ошибка, только и всего.

Надзиратель шагнул вперед и схватил Гарри за ворот. Он была примерно раз в восемь мощнее гидравлического домкрата.

— Нечего тут заниматься пустой болтовней, парень, — сказал он. — Никого не отправляют в Чистилище по ошибке, если он не натворил там чего-то, что заслужил такую участь. Ну-ка, давай, признавайся!

— Я ничего не сделал! — завопил Гарри. — Я спросил их, как попасть обратно, они указали мне на проход, я прошел и попал сюда. Это все, что я знаю. Прекратите, вы задушите меня!

Надзиратель внезапно разжал руку.

— Послушай, малыш, ты знаешь, кто я? А?

Гарри покачал головой.

— А-а... ты не знаешь. Ну, так вот, я — Гуррах!

— Да? — безучастно спросил Гарри, потеряв в данный момент всякую способность мыслить.

Гуррах запыхтел и выпятил грудь, словно ожидал от Гарри более бурной реакции. Но не дождавшись, наклонился вплотную к механику и выдохнул ему прямо в лицо:

— Не испугался, да? Ты у нас крутой парень? Ты что, никогда не слышал о Гуррахе, инспекторе Чистилища, самом грубом, самого жестоком сыне дьявола от Чистилища до Вечности, а?

Гарри был миролюбивым человеком, но если он что и ненавидел, так это вонь изо рта, которую Гуррах выдыхал ему прямо в лицо при каждом слове. И прежде чем он понял, что творит, Гуррах уже отлетел на восемь футов и растянулся на земле, а Гарри, потирая ушибленные суставы пальцев левой руки, был самым удивленным из них обоих.

Гуррах как следует приложился к земле.

— Ты... Ты ударил меня! — взревел он, встал и пошел на Гарри. — Ты ударил меня! — сказал он тихо, чуть заикаясь от изумления.

Гарри уже пожалел, что сделал это, пожалел, что не находится в постели, в Будущем или что вообще еще не умер. Но Гуррах протянул тяжелую руку и похлопал его по плечу.

— Эй, — внезапно дружелюбно сказал он. — Ты в порядке? Эй! Ты отшвырнул меня, не так ли? Будь я

проклят, впервые за целый месяц понедельника кто-то отшвырнул меня. В последний раз это был малый по имени Ортон. Я убил его!

Гарри побледнел.

Гуррах прислонился к штабелю досок.

— Проклятье, я вовсе не наслаждаюсь всем этим, парень. Да. Это адская работа, которую взвалили на меня, но что тут можно поделать? Ломать, ломать и ломать. А когда команда добирается до края, то тут же, без передышки, получает новое задание. И как ты думаешь, мог бы я не узнать об этом все, после восьмисот двадцати миллионов актов, а? Эй! А попробуй, скажи это *им*. Тащите дома в среду, перетаскивайте их за кулисами, как тебе это нравится? А потом они звонят мне и сообщают: «В чем дело, Гуррах? Эти дома бесполезны. Мы отправили тебе список на списание старых элементов еще два акта назад. И в этот список как раз входили дома. Кончайте с ними, иначе мы отправим на ваше место кого-нибудь, кто умеет читать, а тебя пошлем... Так я и верчусь, перетаскиваю все из акта в акт. И что толку говорить им, что мой помощник упал замертво от усталости, прежде, чем принес мне этот список на списание материалов? Если я даже и заикнусь об этом, *они* мне заявят, что я и должен заставлять своих работяг вкалывать до смерти. А если я все выполняю, они опять-таки недовольны, потому что мои материалы не приходят достаточно быстро.

Он замолчал, чтобы перевести дыхание. Гарри догадался, что если сумеет сохранить у Гурраха хорошее настроение, то, может, это пойдет ему на пользу.

— И какая у вас задача? — быстро спросил он.

— Задача? — взвыл Гуррах. — Ты называешь это задачей? Разбирай все вокруг, перетаскивай материалы к будущему акту, а хлам выбрасывай — вот и вся задача! — фыркнул он.

— Вы хотите сказать? — спросил Гарри, — что они используют те же материалы снова и снова?

— Верно. Но, конечно, не вечно. Шесть, может, восемь актов. А затем производят новые и старят их, чтобы они выглядели так, как будто уже использовались.

Какое-то время была тишина. Гуррах, очевидно, впервые за долгое время, выплеснув из себя всю желчь и горечь, чувствовал умиротворение. А Гарри не знал, что чувствовать. Наконец, он прервал молчание.

— Эй, Гуррах... Я собираюсь вернуться в пьесу. Как это сделать?

— Ты меня спрашиваешь? Как ты... Ты же вышел из диспетчерской, да? Это верно?

Гарри кивнул.

— А как, — прорычал Гуррах, — ты попал в диспетчерскую?

— Меня привел Иридел.

— И что затем?

— Ну, я пошел встретиться с *продюсером*, и...

– Ты, с продюсером? Святые... Ты хочешь сказать, что просто пошел и... – Гуррах вытер со лба пот. – И что *он* сказал?

– Ну... Он сказал, что это, наверное, не моя вина, что я проснулся в среду. Он сказал, чтобы Иридел отправил меня обратно.

– И Иридел отослал тебя назад в понедельник? – Гуррах откинул назад косматую голову и загоготал.

– Что тут смешного? – слегка раздраженно спросил Гарри.

– Иридел... – сказал Гуррах. – Да ты понимаешь, что я пятьдесят тысяч актов мечтаю о таком! Приятель, не знаю даже, как тебя и благодарить! Он думал, что отправил тебя обратно в пьесу, а вместо этого послал во вчера! Да ведь я буду шантажировать его до конца вечности! – Он торжествующе повернулся и обратился к группе потрепанных коротышек, которые шатались под обломком фундамента, таща его к кладбищу старых автомобилей. – Спокойно, парни! – заорал он. – Иридел теперь у меня на коротком поводке! Никаких больше сломанных спин! Никаких жалостливых просьб! Ха-ха-ха!

Немного удивленный такой реакцией, Гарри осмелился вставить слово:

– Эй, Гуррах! А что будет со мной?

Гуррах повернулся к нему.

– С тобой? Эй, телефон!

После его вопля два коротышки рабочих, немного менее потрепанных, чем остальные, понеслись к нему. Один прыжком вскочил Гуррахе на правое плечо, другой полез на левое. Гуррах схватил его за шею, поднес его голову вплотную ко рту и прокричал коротышке прямо в ухо:

– Дайте мне Иридела! – Секундное молчание, затем коротышка, сидевший у него на правом плече, заговорил в ухо Гурраха голосом Иридела:

– Слушаю?

– Эй, ты, неженка!

– Неженка?... Прошу прощения... Кто это?

– Это Гуррах, ты, паразит Будущего. Я должен сказать тебе пару вещей...

– Гуррах! Как... Да как ты *посмел* говорить со мной в таком тоне? Да ты...

– Да я окажусь на твоём месте, если сообщу всем то, что знаю. Иридел, ты – бородавка на носу прогресса.

– И что это значит?

– Это значит то, что сам продюсер отправил тебе приказ. А ты напортачил. У тебя там был актер, верно? Он встретился с боссом, не так ли? Тебе было велено отправить его обратно, да? А ты отправил его вместо пьесы прямо ко мне. Ты шлепнулся в лужу, Иридел! Попался, старик! Ладно, конец связи! Сейчас я буду звонить боссу.

– Боссу? О-о... не делай этого, старина! Давай подумаем, все обсудим... А... о той партии трехногих собак, которые я хотел получить от тебя... Думаю, я могу без них обойтись. Любая услуга, которую я могу оказать тебе...

– Будь ты проклят, ладно, окажешь. До скорого, Златовласка! – Гуррах столкнул обоих коротышек лбами, очевидно, разорвав связь, и затем повернулся с усмешкой к Гарри. – Вот видишь, – сказал он, – Иридел, чертовски хороший инспектор, но слишком уж требовательный. Он посылает людей в Чистилище за самые глупые, мелочные ошибки. Он никогда никому не прощает, и не забывает малейших промахов. Он со своими срочными заказами – причина половины здешних страданий. Но теперь все станет по-другому. Босс давно уже собирается впендюрить Ириделу хорошую клизму, просто Иридел никогда не давал ему повода.

– А как насчет моего возвращения... – терпеливо повторил Гарри.

– Дружище! – проревел Гуррах, покопался в кармане и вытащил часы, точно такие же, как у Иридела. – Во вторник сейчас одиннадцать сорок, – сказал он. – Мы отправим тебя туда. Но ты должен будешь сам объяснить причины своего опоздания. Не болтай лишнего, иначе пострадает много народа... И ты больше всех. Ну как, готов?

Гарри кивнул. Гуррах протянул руку и раздвинул занавес, открывая небытие.

– Ты окажешься не совсем там, где был, – сказал он, – потому что немного переместился здесь. Вперед.

– Спасибо, – сказал Гарри.

– Не благодари меня, приятель, – рассмеялся Гуррах. – Это тебе спасибо! Эй... если ты, после того как, – ну, сам понимаешь, – решишь, что тебе там не так уж и хорошо, попроси отправить тебя ко мне. Тебе будет тут хорошо, даю слово. Иди. Удачи!

Задержав дыхание, Гарри Райт шагнул в пустоту.

Ему пришлось проехать тридцать кварталов до своего гаража, и когда он появился, босс уже ждал его.

– Где ты был, Райт?

– Я... я немного заблудился.

– Не смешно. О чем ты только думаешь? Начни с пружинной подвески. Черт побери, если она не будет закончена до завтра...

Гарри поглядел ему прямо в глаза и сказал:

– Послушайте, она будет закончена сегодня вечером. Я точно знаю это.

Продолжая усмехаться, он прошел в гараж и достал свои инструменты.

Yesterday Was Monday, (Unknown, 1941 № 6)

Нет, я не собираюсь с вами спорить. Я только сказал, что вы уже полчасά твердите о телепатии, а не дали ни единого ее примера. Так что позвольте, я дам вам один.

Это случилось с Бертом Колли. Они с Сельмой тогда были женаты всего около шести недель. Настало первое утро после возвращения Берта после медового месяца, и они всю ночь ехали. Услышав медный звонок будильника, Берт повернулся на другой бок. Он отдал бы что угодно, лишь бы выспаться. Но Сельма... Сельма продолжала спать! Ее и пушкой не разбудишь, как любили они говорить. Берт взглянул на нее и усмехнулся. Она показалась ему милой, даже несмотря на головную боль – настоящий пробный камень любви!

Берт быстро оделся, направился к богато украшенному лифту, хромированному, со слоновой костью и матовым освещением, и быстро спустился на первый этаж. Вот это настоящее жилище для невесты, с гордостью подумал он. В вестибюле он мельком взглянул на себя в зеркало, затем выскочил на улицу и уехал в такси.

Когда муж ушел, Сельма осторожно открыла один глаз, услышав хлопок выходной двери. Затем повернулась к стене, сонно закрыла глаз и лениво улыбнулась. Старый добрый Берт. Вчерашний вечер был просто великолепен... Они были так заняты друг другом, что даже забыли поесть. Поесть – вяло покатала она в уме это слово. Она еще не могла определить, что больше хочет – поспать или есть. Но победил голод. Она выползла из кровати и с трудом проковыляла на кухню. Положила в кастрюльку яйцо, налила воды, поставила на плиту, включила газ и нажала кнопку, дающую искру, чтобы поджечь его. Затем вернулась в кровать, *только на минутку*. И за эту минутку снова крепко уснула. На кухне она не проверила, загорелся ли газ. А кнопка не сработала.

Берт сидел в такси на самом краешке сидения и уговаривал водителя домчать его как можно быстрее, обещая целых пять долларов, и одновременно пытался силой воли переключить светофор на зеленый свет. Он был боссом, но любил появляться в конторе вовремя, подавая пример остальным работникам. А еще он думал о Сельме, уютно сопевшей в кровати в их комфортабельной квартире, такой уютной и безопасной. Он мечтал об огромном доме на восемьдесят комнат, с двадцатью ванными и роем слуг, но Сельма, взявшая на себя заботу о планировании их жизни, настояла «просто на нескольких комнатах и мини-кухоньке».

Ладно, он нашел такую квартиру... но что это были за комнаты! Берт прочесал весь город в поисках лучше всего расположенного и дорогого жилья, которое только можно было достать. И нашел такое...

— Ну, давай же, приятель, быстрее! Гони! — уговаривал он шофера.

А Сельма заворочалась во сне, яростно закашляла, несколько раз глубоко вдохнула и погрузилась еще глубже в сон.

Сидя в такси, Берт попытался думать о делах, настроиться на рабочее настроение. Но что-то мешало ему, словно назойливая мелодия, которую невозможно как следует вспомнить, но она постоянно пытается залезть в голову. Берт попытался выбросить это из головы, но не мог. Что-то было не так... что-то...

(А в квартире все шел и шел с шипением газ...)

«Вернись... вернись... вернись...»

Берт помотал головой. Ему показалось, что он услышал эти слова.

«Берт! Берт! О, Берт!...» — бились в мозгу тихие, но ясные слова, произносимые голосом Сельмы!

Он подался вперед и похлопал водителя по плечу.

— Приятель, ты слышал?

— Нет... А что?

«Вернись! — билось в голове Берта. — Назад, домой... поспеши!»

— Возвращаемся! — внезапно рявкнул он. — Назад, на Уинфред!... Быстрее — дело жизни и смерти!

Завизжали шины, когда такси резко развернулось. Берт был готов уже велеть водителю снова разворачиваться и ехать дальше в центр, но не стал и откинулся на спинку сидения. Он не знал, ругать ли себя за то, что свалил дурака, или начать размышлять о нервном срыве. Ясно было только одно — он должен как можно, быстрее возвращаться домой, на Уинфред-стрит.

(А там Сельма. Она лежит очень тихо...)

Такси остановилась на светофоре.

— Вперед! — прорывал Берт. — Если вам выпишут штраф, я его оплачу!

Водитель не стал колебаться. Никогда, сколько он работал и сколько перевозил по городу спешащих людей, он не встречал такой настойчивости, такой истеричной спешки. Судя по внешнему виду, пассажир может оплатить что угодно, — так что таксист теряет? Он нажал на педаль и бросил машину на красный свет.

Нажав на гудок и распугивая с пути машины и грузовики, водитель изо всех сил вжимал в пол педаль газа. Берт, побелевший от напряжения, сидел на самом краешке сидения, неподвижно уставившись вперед. Он не мог ничего понять, но был безумно

напуган. Потом он снова услышал в своей голове голос, который резко оборвался.

Завизжав тормозами, такси остановилось у нужного дома. Берт выскочил из машины и бросился бежать, но успел осчастливить шофера двадцатью долларами. В лифте Берт непрерывно ругался, потому что тот едва полз на двенадцатый этаж. Задыхаясь от бега и страха, Берт, наконец, добрался до двери, с трудом попал ключом в замочную скважину и бросился в открывшуюся дверь. Газ!

Он метнулся на кухню и выключил плиту. Так что вот вам нужный пример. Я знаю этих людей и могу вас заверить, что это правдивая история. Что? Сельма? Да, конечно, с ней все было в порядке. А почему бы и нет? В этой роскошной квартире повсюду стояли кондиционеры, она проспала так могла хоть весь день и ничуть не отравиться газом. Причем тут вообще газ? Я вам рассказываю не о газе, а о телепатии!

The Call, (Впервые опубликован в: «The Ultimate Egoist, Volume 1: The Complete Stories of Theodore Sturgeon», 1995)

ЧЕЛОВЕК НА СТУПЕНЯХ

Джозеф Беркс – человек, которым мы все восхищаемся. Он вождь людей и хозяин машин, снабжающих всю страну энергией, что делает ее самой мощной в мире. Но так было не всегда. Несколько лет назад нечто странное произошло с Джозефом Берксом, ведущим промышленником, когда он был еще просто Джо Берксом, инженером-конструктором.

Тогда он был молод, не уверен в себе и несколько недоволен, потому что в его жизни случился кризис. Он достиг одного из тех перекрестков, на которые мы, рано или поздно, все попадаем, когда, выбрав один путь, можно исчерпать все силы, а выбрав другой попасть в болото застоя... Одним февральским ветреным вечером Джо шел по улице в центре города, размышляя о своих проблемах, когда резкие порывы ветра заставили его поискать убежище на лестнице под колоннами старого федерального здания. Он стоял там в тени, чувствуя ужасный дискомфорт, когда вдруг услышал чей-то голос:

– У тебя проблемы, сынок?

Джо обернулся и увидел стоящего на ступенях человека. Голос его был глубокий, доброжелательный и звучал так, словно проделал долгий путь, прежде чем вырваться наружу. Странная вещь, но Джо внезапно ответил незнакомцу:

– Да, сэр, я... Я не знаю, что делать.

В полутьме было плохо видно, но Джо показалось, что его собеседник улыбнулся.

– Я прожил длинную жизнь, молодой человек, и, возможно, мне тоже встречались подобные проблемы, но я их преодолел. Расскажи мне о них поподробнее.

И Джо послушался.

– Я долго работал на одного человека, сэр, а теперь нас собралась целая группа, мы хотим уволиться и создать собственную компанию, потому что босс плохо обращается с нами. И хотя мы полны воодушевления, мы плохо организованы, почти без начального капитала, и, боюсь, у каждого из нас есть собственные идеи, как лучше все организовать. Меня единодушно признали главным, но, говоря откровенно, сэр, мне кажется, я не способен взвалить на себя такую ответственность. Я чувствую, что должен принять это предложение, но я... я боюсь...

Джо теперь точно знал, что незнакомец улыбается. У него было усталое, гордое, благородное лицо, слегка потрепанное, но доброе.

— У меня была та же проблема, — сказал он. — Я тоже чувствовал, что могу повредить всему делу из-за стеснительности и страха. Я тоже считал своих коллег восторженными, но неорганизованными, и они единодушно попросили, чтобы я их возглавил. И, как и ты, — его тихий голос зазвучал мягче, — я чувствовал себя непригодным для этого. Это слишком большое дело для одного человека, думал я, особенно для такого человека, как я.

— И что вы сделали? — спросил Джо.

— Я взялся за дело.

— Почему?

— Потому что это мой долг.

— Долг? Но кто сделал это вашим долгом?

Человек взглянул на Джо пронзительными глазами.

— Те, кто верил в меня, и те, кому я был нужен. И я согласился, потому что понял, как поймешь и ты, что их доверие и необходимость заставят меня обрести достаточно сил, чтобы успешно справиться с этим делом, даже если сначала у меня и не хватало сил.

— Я... понимаю. И что было дальше?

Незнакомец какое-то время молчал, затем вздохнул.

— Было трудно, мой мальчик, очень трудно. Бывали времена, когда я готов был сдаться, времена, когда в душе я уже сдавался, но тут же вспоминал о тех, кто зависел от меня. Потребовалось много лет... У меня была жена и дом, у меня была ферма, и я любил работать на ней, и хотел бы вернуться туда, но не мог. Я... я рассказал все это своим соратникам, когда они выбрали меня. Я сказал им, что у меня другие интересы, что я мог бы согласиться на их предложение, но не думаю, что способен стать лидером. Но... затем я согласился.

— И вы... — Слова замерли у Джо на губах.

— Проиграл, парень? Нет. Нет, я победил. Я выиграл свою борьбу. Цена была велика, но я выиграл независимость. Чтобы иметь свободу, нужна молодость и силы... Чтобы сражаться за нее, приходится рано состариться. Так и получилось — но дело того стоило. Я выиграл независимость, и она теперь была у детей и детей их детей и так далее... И я верил в этих детей и детей их детей, которые грядут. Они появятся и сохранят свободу. И пока они имеют и поддерживают ее, я тоже живу. Такова борьба, которая тебе предстоит. Цена успеха высока, молодой человек, потому что настоящую борьбу нужно вести чистыми руками, если хочешь, чтобы победа стала постоянной. Ну, и что ты будешь делать со своей проблемой? Я помог тебе?

— Помогли, сэр, — твердо ответил Джо Беркс. — Я сделаю, что они просят. Но... кто же вы, сэр?

Незнакомец улыбнулся.

– Ты знал меня всю свою жизнь, парень. Помни же меня и помоги мне, продолжив мое дело, и, возможно... возможно, тогда ты узнаешь меня еще лучше.

И Джо Беркс отправился своей дорогой, бормоча:

– Этот человек... Кто же он?

Он пошел своей дорогой и принял решение. Теперь он – Джозеф Беркс, глава всей энергетики в стране и великий американец.

А потом, в один ветреный февральский день он подошел к старому федеральному зданию в Нью-Йорке. Посмотрел на большую статую, стоявшую на его ступенях у колонн, и в голову ему пришла странная мысль:

«Тот человек, много лет назад... Это же был Джордж Вашингтон... или его дух».

И он оказался совершенно прав. Это *был* Джордж Вашингтон – или его дух.

The Man on the Steps, (Впервые опубликован в: «The Ultimate Egoist, Volume 1: The Complete Stories of Theodore Sturgeon», 1995)

ASTOUNDING

SCIENCE-FICTION

A STREET & SMITH PUBLICATION

BY HIS BOOTSTRAPS

by Anson MacDonald

OCTOBER

1 9 4 1

20¢

ДВА ПРОЦЕНТА ВДОХНОВЕНИЯ

Доктор Бьёрнсен был основательным человеком. Он мыслил основательно, действовал основательно и ожидал, что остальные будут еще более основательными. Но так, как это было невозможно, он испытывал почти злобное разочарование в их некомпетентности и наслаждался, указывая на допущенные ими ошибки. Для этого он занимал идеальное положение, поскольку являлся директором Института Надника.

Основанный профессором Таддеусом Макилхейном Надником, Институт предназначался для отбора и обучения блестящих молодых ассистентов профессора Надника. Ежегодно в него поступало две тысячи студентов, и трем лучшим с курса после получения высшего образования предоставляли пропитание и значительное денежное пособие для того, чтобы они проходили восьмилетнее дополнительное обучение, где их самих как следует изучали, прежде чем стать ассистентами в лабораториях Надника.

Бьёрнсен никогда не поздравлял студентов, удостоившихся такой чести, поскольку они вели себя так, как и ожидалось. Он находил много возможностей нанести пинок-другой тем, кто оступался, и уж тем более тем, кого исключали. Он считал себя опытным надзирателем за дисциплиной, и еще более гордился своей способностью наносить оскорбления.

С радостным предчувствием в один прекрасный день он вызвал к себе в кабинет некого Хьюи Макколи. Хьюи был студентом второго курса и представлял из себя идеальную цель для атак Бьёрнсена. Паренок был достаточно умен и неплохо начитан, чтобы понять наиболее тонкие оскорбления Бьёрнсена. К тому же он был чувствителен, так что Бьёрнсен своими словами мог причинить ему боль. А еще ему недоставало здравого смысла, и он постоянно парировал комментарии Бьёрнсена, давая директору время тщательно подбирать следующие оскорбления, пока его жертва в муках отвечала на предыдущие. Хьюи был таким идеальным материалом для преследования, что Бьёрнсену даже не хотелось отчислять его, но он успокаивал себя тем, что в его распоряжении есть еще сотни других студентов, которых он может заставить мучиться. Однако, он не спешил с Хьюи, растягивал его пребывание в стенах Института, наслаждаясь страданиями парнишки, прежде чем вышибить его.

— Пусть войдет, — сказал Бьёрнсен в коммуникатор на своем роскошном столе.

Он откинулся на спинку кресла, соединил кончики пальцев и опустил голову так, что были видны лишь белки глаз, когда он в ожидании глядел из-под лохматых бровей на дверь.

Вошел Хьюи с небрежно приглаженными волосами. В нем кипели страх и обида. Колени парня так дрожали, что он зацепился за дверной косяк. Лоб блестел от холодного пота. Исходя из предыдущего опыта, он не испытал затруднений, заняв позицию перед директорским столом.

— Д-да, сэр!

Бьёрнсен прищелкнул морщинистыми губами, прежде чем заговорил, откинув голову и блестя глазами.

— Вы могли бы, — тихо сказал он, — как следует вымыть уши, прежде чем появиться здесь.

Он знал, что нет более унижительного оскорбления для подростка, особенно если это неправда. Хьюи покраснел и прикусил нижнюю губу.

— Вы оскорбление данного учреждения, — продолжал Бьёрнсен. — Конечно, вы были в состоянии разобраться в себе прежде, чем поступили в институт, поэтому само действие поступления было нечестным и неискренним. Конечно, вы знали, что недостойны даже войти в эти здания, не говоря уж о дерзости увековечить свои ошибки перед экзаменационной комиссией. Вы мне абсолютно отвратительны, — Бьёрнсен улыбнулся при слове «отвратительны», и эта улыбка отлично соответствовала данному слову.

Его прервал писк коммуникатора, Бьёрнсен протянул руку и щелкнул переключателем.

— Да?

— Доктор Бьёрнсен! Профессор Надник...

Голосок секретарши из коммуникатора был заглушен треском двери, настежь распахнутой сильным пинком. Надник распахнул ее пинком, так как знал, что этой дверью невозможно хлопнуть, а ему нравилось злить Бьёрнсена.

— Что это еще за ерунда? — потребовал он с порога голосом, намного превосходившим напыщенностью любого ведущего телепередачи. — С каких это пор мымра с таким лицом, словно только что глотнула полстакана уксуса, проинструктирована указывать, что я должен ждать доклада? Черт побери, вы примете меня, неважно, заняты вы или нет!

Бьёрнсен вскочил с кресла, чуть ли не сделав реверанс от избытка подхалимажа.

— Профессор Надник! Я так рад вас видеть!

Это было сказано совершенно искренне, потому что единственное, что могло еще больше усилить муки Хьюи Макколи, это зри-

TWO PERCENT INSPIRATION

By Theodore Sturgeon

They had a bit of information the Martians most insistently wanted. The Martians had murder in mind as they chased them; the humans had a small trick in mind—

Illustrated by Rogers

тели, присутствующие при его отчислении, а какие зрители могли оказаться лучше самого основателя Института? Бьёрнсен потер руки с неприятным сухим шелестом и взялся за дело.

— Профессор Надник, — сказал он, хватаясь за дрожащее плечо Хьюи и толчком ставя его между собой и Надником. — Наверное, вы выбрали не самое лучшее время для своего визита. Вот это трясущееся желе — типичный образец того, кого принимают в Ин-

ститут наши экзаменаторы. Сейчас я могу доказать вам, что мое недавнее письмо на эту тему верно до последней буквы.

Надник спокойно взглянул на Хьюи.

— Я не читаю ваши письма, — ответил он. — Они утомляют меня. Что он сделал?

Слегка озадаченный, Бьёрнсен вложил как можно больше негодования в свои слова.

— Что он сделал? Более важно то, чего он не сделал. Он пренебрег своей обязанностью мыслить. Он развлекался чтением пустой беллетристики в свободное время вместо того, чтобы читать книги по своей тематике. Он свистел в коридорах. Он задавал преподавателям дерзкие вопросы. Фактически, он был застукан, когда писал письмо... *девушке!*

— Тц-тц, — поцыкал профессор. — Это было во время занятий?

— Ну, нет! Даже он не посмел бы зайти настолько далеко, хотя я ежечасно ожидаю чего-то подобного.

— Гм-м... А он правда умен?

— Не слишком.

— Какие вопросы он задает?

— Глупые. О природе деформации пространства, чем она может являться и возможны ли путешествия во времени. Он фантазер... а научные учреждения не место для фантазеров.

— И что вы собираетесь с ним сделать?

— Разумеется, отчислить.

Надник протянул руку и вытащил парня из когтей Бьёрнсена.

— Кстати, а для чего тогда исключать его и прекращать его мучения? Так уж случилось, Бьёрнсен, что это именно такой парень, который мне нужен. Я хочу взять его с собой в полет в Пояс астероидов. Оклад две тысячи в месяц, если он согласен. Как вас зовут?

Хьюи мог лишь молча кивнуть.

— Идемте, — Надник направился с ним к двери. — Мой вам совет, Бьёрнсен, на будущее, — сказал профессор на ходу. — Держите нос подальше от жизни студентов в свободные часы. Если вы не оставите эти ваши привычки, то лучше отрывайте у мух крылышки. Или женитесь. Прислушайтесь к моему совету или подайте в отставку, лучше с первого числа следующего месяца.

Хьюи остановился у двери и оглянулся. Надник бегло взглянул на него и пихнул к Бьёрнсену.

— Разрешаю, парень. Мне бы тоже хотелось.

Хьюи усмехнулся, подошел к Бьёрнсену и быстро отвесил пару ударов директору, который стоял, холоднее куска льда.

Это было восемь дней назад. А теперь они летели в космосе.

Восемь дней прошло с тех пор, когда непредсказуемый профессор Надник вытащил Хьюи в свои лаборатории на горе и поставил его на погрузку припасов по списку в отличный космический корабль «Стоутфелла». Хьюи начал считать профессора чуть меньше Бога, в которого он не верил, но уж гораздо больше обычного человека. Старик все время веселился, указывая на промашки Хьюи и его маленькие победы, не делая между ними различий. Он обращался с Хьюи с неистощимой терпимостью и, казалось, больше восхищался невежеством парня, чем его сравнительно скудными познаниями. Когда Хьюи, запинаясь, спросил, можно ли взять с собой чемодан, полный книг фантастикой, Надник хихикнул и послал его в ближайший город с полным карманом денег. В лабораторию Хьюи вернулся нагруженный и блаженный. Затем они взлетели.

В тот день, пока они еще не пересекли слой Хевисайда, они прослушали последние известия по радио. Среди всего остального была новость, что доктор Эмиль Бьёрнсен, директор Института Надника, подал в отставку, чтобы принять правительственное назначение. Хьюи засмеялся над этим, но Надник покачал косматой седой головой.

— Это не смешно, Хьюи, — сказал он. — Бьёрнсен проницательный человек. У меня есть догадка, почему он пошел на это, и она не имеет никакого отношения к моему — нашему — ультиматуму.

Пораженный серьезным тоном ученого, Хьюи помрачнел и спросил:

— Для чего же он сделал это?

Надник пробил курс для автопилота, вставил край катушки с перфолентой в интегратор и проверил средства управления перед тем, как переключить их на «Железного Майка».

— Это имеет прямое отношение к нашей экспедиции, — сказал он, жестом указав парню на свободное кресло. — Настало время тебе узнать, куда и зачем мы летим. А летим мы на поиски залежей полезных ископаемых неимоверной ценности. Я не знаю, где точно, но где-то там, в этой мешанине, — он ткнул рукой на экран, на котором был виден Пояс астероидов, — есть одно странное местечко. Это глыба, подобная остальным астероидам, но кое-чем отличающаяся от них. Должно быть, это странник, и одним лишь Небесам известно, откуда он прилетел, прежде чем попал в Пояс. И состоит он целиком из окиси *просидиума*. Это название говорит что-то тебе?

Хьюи сморщил нос, так что веснушки его слились в одно пятно.

— Да. Редкоземельный элемент. Используется для... ну, для чего-то такого с Металлом Надника, верно?

– Правильно. А ты знаешь, что такое Металл Надника?

– Нет. Насколько мне известно, это коммерческая тайна, в которую посвящены лишь работники Лабораторий Изополиса.

Лаборатории Изополиса были смесью Рая и тюрьмы в пропорции один к одному. Там находилось большое правительственное предприятие, производившее Металл Надника. Оно было укомплектовано работниками, которые никогда не смогут покинуть их стены, но внутри им было предоставлено все, что душа пожелает. Никто не делал секреты из того, как они жили, как и из чего-либо другого в корпусе, заключающем пятьдесят квадратных миль, кроме самого процесса.

– Металл Надника – синтетический элемент, в тысячи раз более плотный, чем все известное нам во Вселенной. Это все, что я помню о нем, – неуверенно закончил Хьюи.

– Я расскажу тебе побольше, – хихикнул Надник. – Металл – идеальное вещество для внешнего покрытия корпусов космических кораблей, потому что он почти идеально непроницаем. Наш корабль, например, покрыт слоем этого вещества толщиной в одну сто пятидесятитысячную дюйма и все равно защищает нас от чего угодно. Мы могли бы на полной скорости врезаться в планету величиной с Землю и, хотя такой удар проделает в ее поверхности дыру миль в тридцать глубиной и мы при этом, вероятно, погибнем, оболочка корабля даже не будет поцарапана. А хочешь знать, что такое Металл Надника? Я скажу тебе. Медь. Самая обычная, простая, распространенная повсюду медь.

– Медь? – воскликнул Хьюи. – Но что делает ее... такой...

– Все очень просто. Знаешь, Хьюи, простые вещи всегда самые эффективные. Попробай это запомнить. Металл Надника – это *сжатая* медь, сжатая таким же способом, как и элементы, из которых состоят звезды-спутники Сириуса и Прокциона. Вот тебе аналогия: упакуй стаканы в бочку. Их туда войдет сравнительно небольшое количество. Но если растереть их в порошок, а затем упаковать в ту же бочку, то войдет туда в тысячи тысяч раз больше. Молекулы Металла Надника сжаты таким же способом. Но этот процесс лишь грубое приближение к нашей цели. Медь синтезируется из урана, который мы завозим в Изополис якобы для получения энергии. И как ты сказал, известно, что мы импортируем *просидиум*. Это подсказка, известная любому, но только я и работники Изополиса знают всю технологию этого процесса. *Просидиум* не компонент. Он больше походит на катализатор. Из всех элементов только *просидиум* может поглощать невероятное тепло, выделяющееся при коллапсе молекул меди. Не буду вдаваться в подробности, но энергию, поглощенную таким образом и преобразованную,

можно возвращать для ускорения процесса сжатия. Единственный недостаток *просидиума* состоит в том, что он такой же редкий, как волосатое яйцо, и никому до сих пор не удалось синтезировать его в заметных количествах. Именно из-за него Металл Надвика столь невероятно дорог. А глыба *просидиума* в Поясе сократит его производство настолько, что любой человек, компания или планета, которые завладеют ею, могут контролировать все космические полеты. Понятно?

— Мне станет понятно, — медленно проговорил Хьюи, — если вы будете повторять это по тысячи раз на дню в течение нескольких лет.

Парню было чрезвычайно лестно доверие ученого. Сам он не был настолько квалифицирован, чтобы воспользоваться тем, что узнал, но он понял, что эта информация может стоить бесчисленные миллионы долларов. И это немного напугало его. Но он хотел чтобы старик выговорился, поэтому задал следующий вопрос:

— Но почему мы полетели в таком маленьком корабле? Почему не взяли флотилию крейсеров с Земли, чтобы захватить этот астероид?

— Это просто невозможно, сынок. Объединенный Патруль посчитает это просто вздором. Можешь обвинить в этом старый добрый идеализм Межпланетного Конгресса и его Поправку о Равенстве Вооружения. Видишь ли, Земля и Марс вынуждены, по взаимному договору, иметь равное вооружение, совместно использовать все новые технологии и владеть пространством на основе политики, поддерживаемой мощью Объединенного Патруля. Если Земная флотилия отправится куда-то без ведома и согласия Патруля, это будет означать начало военных действий. А война — плохой бизнес для большинства людей. Мы не можем пойти этим путем. Но если я передам координаты своей находки Патрулю, то это становится делом Объединенного Патруля, связанного кучей бюрократических условий, и не принесет никому никакой пользы, в том числе и Лабораториям Надника. Однако, тут есть лазейка. Если независимая экспедиция высадится на какое-либо малое тело в космосе или возьмет его на буксир, то это тело становится собственностью данной экспедиции. Поэтому я и вынужден был хранить в тайне нашу экспедицию от Земли точно так же, как и от Марса, чтобы Земля — и Лаборатории Надника — смогли в итоге извлечь из него выгоду. Через два месяца мое сокровище окажется в самой ближней к Земле точке. Если я к тому времени возьму его на буксир, то смогу объявить о своем открытии по ультрарадио. Сигнал долетит до Земли раньше, чем до Марса, и к тому времени, когда наши маленькие краснокожие приятели успеют послать пиратов,

чтобы захватить меня, то я уже буду в безопасности под защитой Флота Патруля. Но если Марс пронюхает, сынок, о моих планах, то нас уничтожат ради славы и прибыли красной планеты. Это тебе понятно?

– Это понятно. Но причем здесь Бьёрнсен?

Старый ученый почесал нос.

– Пока что не знаю. Бьёрнсен – очень своеобразный типчик, Хьюи. Он проработал большую часть жизни, стремясь получить место директора Института, и, мне кажется, делал это не только ради зарплаты и престижа. Несколько раз этот эгоцентрический придира пытался выкачать из меня информацию о том, над чем я работаю, и процессе производства Металла Надника и еще о сотне вещей. Я уверен, что у него нет точной информации, но могут иметься догадки. А хорошая догадка – это уже повод для того, чтобы посадить нам на хвост марсианский корабль. Ладно, посмотрим...

А затем настал день, когда Хьюи осмелился спросить Надвика, почему он выбрал для полета именно его, когда у него был выбор из тысяч других ассистентов. Надвик оскалил ослепительно белые зубы в своей неопикуемой улыбке.

– Тут есть много причин, сынок, не исключая и ту, что я с наслаждением сделал мелкую пакость Бьёрнсону. Кроме того, я давно уже понял, что все эти маленькие гении вечно дерзят, потому что считают, будто знают больше других. С другой стороны, уже прошедшие обучение Ассистенты всегда являются специалистами, а у специалистов негибкий, догматический ум. Бьёрнсен сказал, что одно из твоих самых страшных преступлений заключается в том, что ты увлекаешься фантастикой. Я же, со всем своим научным здравым умом, полагаю, что восхитителен тот ум, который может еще увлекаться возможностями деформации пространства или путешествий во времени. Не смотри на меня так, я тебя не разыгрываю. Сам я не могу представить себе подобное, мой ум слишком загроможден известными сведениями. Может, ты повлияешь на него своими фантазиями. Один я не способен мыслить подобным образом.

Слушая слова старика, глядя ему в глаза, Хьюи понял, что тот говорит совершенно искренне, и начал понимать, что ученый несет на своих плечах невообразимый груз ответственности.

Еще четыре-пять дней им было нечего делать, и Хьюи развлекал профессора, и себя, читая вслух, по настоянию Надника, отрывки из своих фантастических книг и журналов. Сначала Хьюи стеснялся, он не мог понять, что Наднику, который неимоверно превосходил любого вымышленного ученого, могло быть действительно

интересно, но Надник настаивал на этом, и Хьюи читал, постоянно поглядывая на старика, пытаясь уловить хотя бы искры насмешки в его глазах. Он торопился, путался в словах и захлебывался слюной, и Надник неоднократно просил его читать помедленнее. Но постепенно Хьюи увлекся и все пошло на лад.

Хьюи стал читать о Могучем сатане, ученом, биче космических маршрутов и герое целого сериала рассказов. Сатана был негодяем, преступные намерения которого подкреплялись его научными талантами. Преследуемый земными эскадрами Космического Патруля, Могучий Сатана всегда брал верх в большинстве трусливых делишек, но проигрывал в крупных предприятиях, потому что ему мешал сообразительный капитан Патруля Джондесс, который «подскачив в микро-ультра-филметру, быстро оборвал десяток соединений, приварил на их место двадцать семь контактов и переделал машину в модернизированный рычаг гиперпространства фон Крокмайера, изогнувший пространство, как лезвие рапиры, и вышвырнувший корабль Сатаны из Солнечной системы», заставив его обратиться в бегство до следующего рассказа. Надвик был очарован.

— Какая великолепная псевдонаука, — хихикал он. — Я бы даже сказал, псевдологическая псевдонаука. Но это прекрасно! — Он насмешливо поглядел на поникшего юношу. — Какая жалость, что у меня нет таких мышц и такой реакции, — продолжал он. — У меня есть наука, но, боюсь, что мне не хватает развлечений. У тебя есть следующий выпуск?

У Хьюи был следующий и последующий выпуски.

А затем, на шестой день, чтение Хьюи прервал писк, доносившийся с приборной панели. Под экраном вспыхнуло индикатор. Надник подошел и щелкнул переключателем. Экран засветился, показывая черное пространство и мерцающие точки света на нем. Профессор повернул колесико, светящиеся точки медленно поплыли по экрану, все увеличиваясь, пока не показалось яркое пятно, окруженное черными перекрестиями ниточек.

— Что это? — спросил Хьюи, с сожалением закрывая книгу.

— У нас гости, — коротко сказал Надник. — На таком расстоянии мы не сможем понять, кто это, если они не захотят сообщить о себе по ультрарадио. Они летят нам наперехват.

Хьюи уставился на экран.

— Так у вас все время был включен детектор пространства? Ну и дела... Не думаете же вы, что это пираты?

В голосе Хьюи слышалась надежда на приключения. Надник рассмеялся.

— Хочешь увидеть науку в действии, а? Но, боюсь, ты будешь разочарован. Мы не можем лететь быстрее, чем сейчас, а тот корабль, очевидно, может.

Хьюи покраснел.

— Ну, профессор, если вы считаете, что все в порядке...

— Я не считаю, что все в порядке, — покачал головой Надник. — А теперь, когда мы все увидели, давай вернемся к нашему рассказу. Ты думаешь, капитан Джондесс будет настолько беспечен, что позволит своей возлюбленной попасть в лапы этого злого типа? Что он с ней сделает?

— Но, профессор Надник...

Надник взял Хьюи за руку и провел по рубке управления к креслу.

— Мой дорогой встревоженный молодой экипаж, корабль, который преследует нас, не будет представлять угрозы, пока нас не достигнет. А это произойдет через сорок восемь часов. Тем временем подруга капитана Джондесса находится в гораздо большей опасности, чем мы. Прошу тебя, продолжай.

Хьюи нехотя продолжил чтение.

Спустя сорок восемь часов ультрарадио, работающее в режиме ожидания, связалось с ними от имени Объединенного Патруля. Крейсер летел рядом, и шлюпка обернула «Стоутфеллу» тонким, но сверхпрочным тросом и вернулась на Патрульный корабль. Трос был необходим, потому что магнитные захваты были бесполезны на оболочке корабля, покрытой Металлом Надника. Потом корабль был подтянут лебедками поближе, и между люком «Стоутфеллы» и Патрульного корабля был установлен воздушный переходник.

— Что вы будете делать? — в отчаянии спросил Хьюи.

— Как можно меньше говорить, — многозначительно сказал Надник, — и, разумеется, впустить их.

Он нажал кнопку, открывающую люк воздушного шлюза, поскольку переходник уже был герметизирован, внутренние и внешние двери скользнули в стороны.

Патрульный-марсианин в фиолетовой форме прошел в рубку в сопровождении его напарника с Земли в такой же форме. Марсианин тут же выругался и с неприятным щелчком закрыл откидные створки своих ноздрей, находящихся по бокам морщинистой шеи.

— Воздух слишком насыщен влагой, — пропищал он. — Не были бы вы столь любезны уменьшить влажность?

— Ну да! — усмехнулся Патрульный-землянин. — И лишит меня единственной возможности подышать настоящим воздухом, которого я был лишен девятнадцать дней? — И он сделал глубокий вдох, позволив воздуху увлажнить его пересохшие легкие.

Поскольку не имелось никакой золотой середины, воздух на Патрульных кораблях был слишком сухим для землян и слишком влажным для марсиан, поскольку марсиане бесчисленные поколения жили на исчерпавшей водные ресурсы планете, в их организмах развился накапливающий воду метаболизм, которого не могло быть в условиях излишка влаги.

— Кто тут командир? — пропихнул марсианин.

Надник поднял руку, и марсианин тут же повернулся спиной к Хьюи.

— У нас приказ из главной конторы обыскать и разоружить ваш корабль согласно статье 398 Марсианско-Земного Соглашения.

— Это подозрение в пиратстве, — добавил землянин.

— В пиратстве? — вскричал Хьюи с наконец-то прорвавшимся негодованием. — В пиратстве? Да что вы о себе возомнили? Вы хоть думаете, что делаете...

На затылке марсианина открылись три маленьких глаза.

— Какие функции выполняет этот шумный несовершеннолетний? — требовательно спросил он, поглаживая рукоятку висящего на бедре бластера.

— Он — мой экипаж. Успокойся, Хьюи.

— Да, успокойся, парнишка, — любезно сказал землянин. — Приказ есть приказ, и его надо выполнять. Не станешь же ты с нами драться. Мы только выполняем свой долг.

— Оставь их, Хьюи, — вмешался Надник. — У нас мало оружия, пусть забирают хоть все. Имеют полное право. — И когда марсианин вышел из рубки, ученый обратился к патрульному-землянину: — Приказ исходил из Совета Патруля?

— Конечно.

— А кто подписал его?

— Советник Эмиль Бьёрнсен.

— Бьёрнсен? Новый член Совета? А какое он имеет на это право?

— Согласно Уставу Совета. «Если какой-то вопрос вынесен на голосование, то принятое решение выполняется за подписью Председателя Совета, кроме тех случаев, когда решение выносится перевесом в один голос. Тогда оно должно исполняться за подписью того члена Совета, чей голос оказался решающим в принятии решения». Последнее голосование прошло как раз после вступления Бьёрнсена в должность. И именно его голос оказался решающим.

— Понятно. Спасибо. Думаю, вы не можете сказать мне, а кто выдвинул такой приказ на голосование?

— Простите.

Полицейский быстро прошел по рубке, проверяя каждый дюйм пространства. Несмотря на негодование, Хьюи невольно восхи-

щался его умелой работой. Он молча стоял у переборки. Когда дошла очередь до него, полицейский опытными руками провел по телу паренька и ловко вытащил у него из бокового кармана мало-мощный духовой пистолет.

— Думаю, он тебе не нужен, — сказал полицейский. — Он не может убить никого крупнее таракана, но формально это все же оружие.

Быстро оглянувшись, чтобы посмотреть, не вернулся ли марсианин со склада, полицейский легонько хлопнул паренька по губам и что-то прошептал ему на ухо. Когда марсианин вернулся, полицейский уже заканчивал с рубкой, а Хьюи с обиженным удивлением наблюдал за ним.

— Странная штука, — пропищал марсианин, выводя на экран изображение мелкокалиберного пистолета и нервно-паралитического излучателя. — Никогда не слышал, чтобы марсианский Советник отправлял патрульный истребитель за парочкой кретинов, отправившихся в круиз.

Они отдали честь и ушли. Через пару минут корабли разошлись, а через пять разрушитель виднелся уже только пятнышком на экране. Надник улыбнулся Хьюи.

— Напрасно ты вышел из себя, Хьюи. Когда патрульный отобрал у тебя тот игрушечный пистолет, я думал, ты укусишь его.

— Ну, — смущенно пробормотал Хьюи, — все в порядке. Я думаю, пистолет был мне и не нужен.

Наступила тишина, пока Надник проверял герметичность воздушного шлюза и показания прибора давления воздуха. Наконец, он спросил:

— А ты не хочешь ничего мне сказать?

— Что именно?

— Например, что прошептал полицейский тебе на ухо. Или хочешь хранить это в тайне для кульминации, в лучших традициях научно-фантастических книг?

Хьюи, вообще-то, так и собирался.

— Вы ничего не упускаете, да? — спросил он. — Да не было ничего особенного. Он сказал: «У вас на хвосте болтается маленький частный марсианский корабль. Вероятно, несколько дней вы будете видеть его на экране в виде пятнышка, но не принимайте его за наш истребитель, прежде чем разберетесь. Так что наблюдайте за ним.

— Гм-м... — Надник уставился на экран. — Что-нибудь еще?

Он сказал это так, словно чертовски хорошо знал, что было и еще. Хьюи покраснел, лишенный своей тайны.

— Только то, что на борту его Бьёрнсен.

— И это еще не все, — сказал Надник с ничего не выражающим лицом.

— Честное слово, все, — запинаясь, наивно признался Хьюи.

Надник покачал головой, сунул руку в карман и протянул что-то Хьюи.

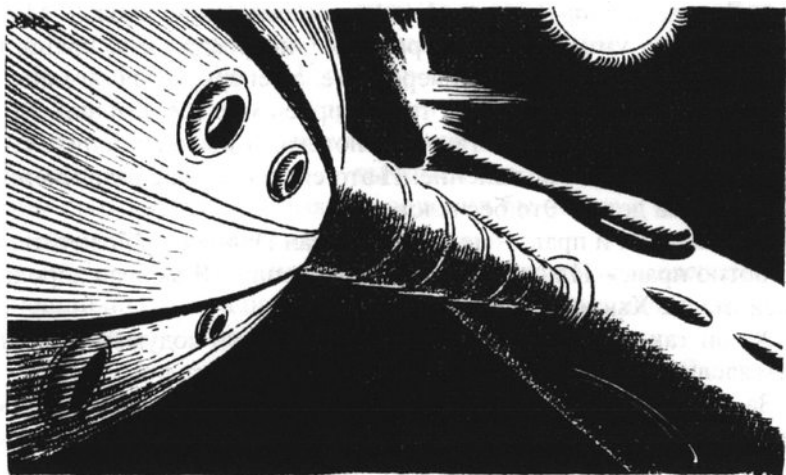
— Вот, держи, — сказал он. — Полицейский сунул его мне в карман на выходе с такой же легкостью, как вытащил из твоего.

Хьюи воспрянул, со слезами на глазах, уставился на свой пистолетик.

— Очень ловкий молодой человек, — добавил Надник. — Он еще успел разрядить его.

Три недели спустя профессору Наднику пришлось выключить экран, потому что Хьюи был не в силах оторваться от него. Полицейский оказался прав. Светящаяся точка истребителя постепенно тускнела, пока не достигла яркости в 0,008, затем несколько дней оставалась такой же, а потом стала снова расти, пока парень уже не сумел разобрать корабль. Это был не Патрульный истребитель, маленький марсианский спортивный корабль со стремительными обводами. Хьюи ни о чем не спрашивал, потому что и сам знал, что марсианин был несравненно быстрее и маневреннее «Стоутфеллы». Это раздражало его не меньше, чем спокойное принятие Надником факта, что за ними следуют по пятам, и, может быть, они уже никогда не вернутся на Землю, тем более, с астероидом из *просидиума*. Он высказал профессору все, что думал. В ответ Надник лишь поднял брови.

— Не кипятись раньше времени, юноша. Пусть себе марсианин следует за нами. Я, очевидно, был прав насчет Бьёрнсена. Он знает,

что я просмотрел в телескоп всю Солнечную систему в поисках *просидиума*, и что для меня не типично самому отправляться в космос. Следовательно, я что-то обнаружил. Но ему не нужен я или ты. Ему нужен *просидиум*. И он может добраться до него, лишь следя за нашим кораблем. А пока мы ничего не нашли, мы в такой же безопасности, как младенец в люльке. Так зачем волноваться?

— Зачем волноваться? — мозги паренька буквально трещали в попытке передать свое беспокойство ученому. — А вот зачем! А вам пришло в голову, что все, что марсианин должен сделать, это вычислить наш курс, продолжить его дальше и узнать о нашем месте назначения?

— Мне это пришло в голову, — мягко ответил Надник. — Через двадцать дней мы изменим свой курс на Меркурий.

— Меркурий? — воскликнул Хьюи. — Но вы же сказали, что *просидиум* на астероиде!

— Он на астероиде, — терпеливо согласился Надник. — Ты это знаешь, и я это знаю. Но мы держим курс на Меркурий. Это все, что знают *они*. Если мы оторвемся от них, то изменим курс и пойдем к Поясу. Если нет, то пойдем к Меркурию. Если они будут слишком настойчивы, то вернемся на Землю, чтобы через некоторое время сделать вторую попытку. Хотя признаю, что у нас один шанс из миллиарда избавиться от них окончательно.

— Простите, — сказал через некоторое время Хьюи. — Я и не думал отчитывать вас, профессор Надник. Мне просто не нравится смотреть, как Бьёрнсен не дает вам получить то, что вам нужно. Он негодяй! Паршивая бородавка на носу прогресса!

— Кавычки закрыты, — сухо сказал Надник. — Это цитата из капитана Джондесса.

— Ладно, ладно, — сказал Хьюи, усмехаясь про себя. — Может быть, и я не умнее этого Бьёрнсена. Он проедал мне плешь все два года, что я учился в Университете, а теперь, когда он меня отчислил, мне кажется, что он, также, проел мне все печенки. Я... Я никогда еще не встречал такого человека. Я не могу понять его... не могу понять его мышление. И это его пакостное развлечение — наезжать на детей. Это бесчеловечно!

— Может, ты и прав, — медленно сказал Надник. — Может, ты абсолютно прав. — И после молчания добавил: — Я выбрал хорошего ассистента, Хьюи. С тобой все в порядке.

Хьюи так польстили его слова, что он и не подумал спросить, чем заслужил такую похвалу.

За два дня до того, как они должны были догнать Меркурий, профессор вздохнул, поглядел на Хьюи и включил экран заднего обзора.

— Погляди-ка сюда, — тихонько сказал он.

Хьюи, листавший журнал, в ужасе уронил его. Марсианский корабль был ярдах в двухстах позади них и надвигался, заполняя весь экран. Парень вскочил на ноги.

— Профессор Надник! Сделайте *что-нибудь*!

Надник покачал головой и развел руками.

— У тебя есть какие-нибудь идеи?

— Но можно же что-то сделать. Разве вы не можете уничтожить их, профессор?

— Чем? Патруль изъят у нас даже парализатор.

Но Хьюи в нетерпении и слышать не хотел такие пораженческие рассуждения.

— Но что-то же вы можете сделать. Ну... вы же сами говорили, что вы в десять раз умнее Гарри Петроу...

— Прошу прощения?..

— Гарри Петроу... Петроу! — Хьюи схватил с пола журнал и сунул в лицо профессора его цветастую обложку. — Этот писатель! Автор...

— Могучего Сатаны, — догадался старик и рассмеялся удивительно звонким смехом.

— Ну, да, — ошетинился Хьюи. — Во всяком случае... — И он принялся неистово выкрикивать полуистеричные фразы, в душе опасаясь, что у него случился приступ откровения, как у героев любимых рассказов. — Вы вот сидите тут и смеетесь. А у Гарри Петроу есть много чертовски хороших идей. Может, они и не совсем научные. Не те, что вы назвали бы научными. Но почему вы считаете, что науку можно делать, лишь запершись лет на пятьдесят в пыльных лабораториях? Почему самый великий ученый в истории, — чуть ли не рыдал он, — сидит тут, опустив руки, и не делает ничего... запуганный такой вошью, как Бьёрнсен?

— Успокойся, Хьюи. — Надник протянул было руку, но тут же отдернул ее, встретившись с горящими глазами юноши. — Так дела не делаются, Хьюи. Наука не походит на череду мелодраматических приключений. Я понимаю... ты хотел бы, чтобы я, вместо того, чтобы спокойно сидеть, взял и соединил бы что-то с чем-то, и деформировал пространство.

Хьюи включил передний экран. На нем появился ослепительно сияющий полумесяц планеты. Они направлялись к ночной стороне над сумеречной полосой.

— Вы сдались, — дрожащими губами сказал Хьюи. — Вы просто махнули на все рукой.

Он повернулся спиной к Наднику и уставился на угрожающе приближающийся марсианский корабль.

Надник вздохнул, сел за пульт и переключил корабль на ручное управление.

После двух часов молчания Хьюи заметил, что Надник готовится к приземлению.

— Если вы совершите посадку, они нас схватят, — мертвым голосом сказал он.

— Правильно, — оживленно ответил Надник.

— А если нас схватят, то станут пытаться.

— Да, — кивнул Надник и обернулся через плечо. — Ты будешь выполнять мои приказы?

— Конечно, — безнадежно сказал Хьюи.

Глаза его, наполненные страхом, не отрывались от марсианского корабля.

— Тогда начинай действовать. Избавься от всего металла на одежде. Пряжка ремня, кнопки — от всего. У тебя есть ботинки с фибровыми подошвами?

— М-м... Наверное.

— Надень их.

Час спустя «Стоутфелла» стояла на песчаной почве неподалеку от красного, скалистого утеса. Удушливая атмосфера Меркурия кружилась за иллюминаторами. Надник поднялся с кресла пилота и достал из шкафчика ботинки с войлочными подошвами. Он уже оторвал кнопки от одежды, снял и оставил на штурманском столике радиобраслет и идентификационное кольцо.

— Идем! — рывкнул он.

— Вы... Но нам же не туда?

— Ты чертовски прав, мы пойдем именно туда!

Хьюи уставился на него. Ну, если этого хочет старик... Он пожал плечами и взял журнал. И погладил его, словно прощаясь. Затем отбросил журнал и шагнул вслед за Надником в воздушный шлюз.

Закрывшийся внутренний люк отрезал их от привычного уже, уютного мирка корабля. Надник хлопнул Хьюи по спине.

— Выше нос, парень, — сказал он с неожиданной теплотой в голосе. — А теперь выслушай меня и сделай все в точности, как я скажу. Когда мы окажемся снаружи, беги как можно быстрее к утесу. Марсиане не станут стрелять, пока думают, что у нас есть нужная им информация. Сейчас не время для вопросов. Просто слушай. Там будет жарко. Так же жарко, как в духовке, в которой мои старые родители пекли когда-то пироги с яйцами. Кислорода мало, но дышать все же можно. Я думаю, мы продержимся достаточно долго. Готов?

Внешний люк скользнул в сторону, и они вышли на песок.

На них тут же навалилась жара. Через пару секунд пыль осела на коже Хьюи, осушая пот и закупоривая поры. Теперь парень понял, для чего нужно было срезать с одежды металл. Он оставил идентификационное кольцо, и оно тут же начало жечь ему палец. Хьюи сорвал его, но палец успел покрыться волдырями от ожога.

Воздух драл горло, жалил глаза. Сквозь выступившие слезы Хьюи видел только три вещи – красный утес, садящийся марсианский корабль и профессора. Он рванулся бежать, но тут же упал на одно колено. Профессор увидел это, помог Хьюи подняться и сбить пламя с мгновенно загоревшихся штанов. В образовавшейся дырке он мельком заметил коленную чашечку, покрытую обгоревшей кожей в том месте, где колено прикоснулось к раскаленному песку.

Надник потащил Хьюи вперед.

– Насколько мы отошли от... корабля? – прохрипел он на ходу.

Хьюи внезапно понял, что зрение у старого профессора не способно хорошо видеть на такой жаре, и поэтому ему придется слушать глазами для них обоих.

– На сто пятьдесят ярдов...

– Не так уж далеко! Вперед!

Бежать было невозможно. Они с трудом ковыляли, помогая друг другу и не давая упасть. Склон впереди пошел вверх. Надник остановился.

– Начинается подъем... на утес... теперь... достаточно...

Он закашлялся, и Хьюи пришлось поддерживать его, пока кашель не прекратился. Теперь он начал кое-что понимать. Он слышал несметные истории о марсианских пытках. Надник бы их не выдержал. Но, может, так было бы лучше...

До его ушей донесся хриплый, задыхающийся от пыли голос профессора:

– Где марсиане?

Хьюи обернулся, протер глаза и поглядел между пальцами. Марсианский корабль уже стоял возле «Стоутфеллы». Люк распахнулся, из него появились три фигурки – две высокие, долговязые, и одна низенькая.

– Трое... идут... два марсианина... и Бьёрнсен...

Уже сам разговор был пыткой. Дыхание втягивало в легкие настоящий огонь. Услышав какое-то скрипение, Хьюи обернулся. Надник стоял, опираясь на юношу, и скрипел. Хьюи не сразу понял, что старик просто смеется.

Цепляясь друг за друга, они пошли обратно к трем фигурам. Два марсианина вовремя подхватили их, иначе они бы упали и умерли.

— Это просто безумие творить такое! — проскрипел голос Бьёрнсена.

Несмотря на духоту и смертельную жару, он сделал привычный жест, выражающий презрение, потеряв руки друг о друга.

Надник открыл глаза и с тревогой уставился на советника, затем повернул голову к марсианам. Те явно слабели на жаре, но хватка их все еще была крепка. Бьёрнсен произнес несколько писклявых слов на марсианском языке, и все пятеро с трудом побрели обратно к кораблям.

Внезапно марсианин, державший Хьюи за руку, закричал тонким, рыдающим голосом. Это был самый ужасный звук, который когда-либо слышал юноша. Он задрожал, несмотря на жару, и оттолкнул марсианина. К его удивлению, тот вдруг упал на песок, выгнул спину, которую тут же опалило, оглушительно взвыл, но тут же затих. Надник снова рассмеялся похожим на кашель смехом и оттолкнул своего марсианина. Тот пошатнулся, удержался на ногах, но потом закричал. Через несколько секунд он упал и тоже умер.

Бьёрнсен стоял перед ними, глядя на марсиан, а затем, страдающим голосом выкрикивая ругательства, заковылял к кораблю.

— Черт побери, он убегает! — крикнул Надник, наклонился, схватил, обжигая руки, раскаленный камень и швырнул его.

Камень, точно снаряд, попал Бьёрнсену прямо между костлявыми плечами. Бьёрнсен вскинул руки, пытаясь устоять на ногах. Что-то невнятно пробормотав, Надник бросил в него второй камень. Но промахнулся футов на двадцать. Хьюи успел подхватить старика, кода тот уже падал, лишившись последних сил. Когда он снова взглянул на Бьёрнсена, советник стоял на коленях, схватившись руками за порог воздушного шлюза марсианского корабля. Потом осел, скорчился и умер.

Секунд пять Хьюи стоял, затем покачал головой и изогнулся, подставляя плечо под обмякшее тело профессора. Ему показалось, что он выпрямлялся целую вечность, потом еще вечность искал, в каком направлении нужно идти, и начал бесконечно долгий переход длиной в пятьдесят футов. Гораздо позже Хьюи понял, что будь их дорога футов на пять длиннее, возможно, он не дошел бы до конца. Но так или иначе, он сумел закинуть старика в шлюз, заполз туда сам и нажал кнопку люка...

Хьюи закричал, когда пришел в себя. Затем открыл глаза и понял, что он уже не в той ужасной огненной пустыне. Он снова закрыл глаза и почувствовал страшную боль в колене. Затем возле него оказался Надник и, обмывая ему лицо, заговорил:

– Хорошая работа, сынок. Сейчас я быстренько приведу тебя в порядок. Неплохая прогулочка ради нескольких тонн *просидиума*, а? Ну. Теперь он наш. Никто нам больше не помешает. Поблизости никого.

– А Бьёрнсен?

– Он умер, помнишь? Как и марсиане.

«Марсиане». Это слово несло в себе красный ужас. Хьюи поднял голову, и Надник тут же подsunул под нее подушку.

– Что же случилось с марсианами?

– Они умерли от невежества, сынок, – усмехнулся Надник, – и пусть это послужит тебе уроком.

Хьюи непонимающе смотрел на него.

– Видишь ли, в течение последних поколений марсиане жили на Земле, а земляне – на Марсе. И это заставило их забыть кое-что, один маленький фактик, о чем я упоминал перед нашей посадкой. В человеке больше воды, Хьюи. Понимаешь? *Марсиане не могут потеть!* Человек может какое-то время жить в условиях стейка на сковородке, потому что потеет. Испарения охлаждают его. А марсианин не может выдерживать такую жару – и поджаривается, как стейк!

– Но... Бьёрнсен же не был...

– А вот тут ты не прав. Бьёрнсен *был!* Он уродец, Хьюи, мутант. Посмотри на марсиан. «Бесстрастные, абсолютно логичные». Разве это не похоже на Бьёрнсена? А ты помнишь, когда я ворвался к нему в кабинет, где он издевался над тобой, я услышал, как он потирает руки. Мне тогда показалось, что я уже слышал подобный звук, но я не мог вспомнить, где. Но когда недавно ты сказал, что он бесчеловечен, что-то щелкнуло у меня в голове. У Бьёрнсена не было ни отца, ни матери, парень. Он выращен в марсианской биохимической лаборатории, как я теперь думаю. Умные ребята эти марсиане. Они с рождения готовили его к такому заданию. Ключевая фигура, внедренная в мой маленький Институт. Там могут еще остаться другие, подобные ему. Нужно будет тщательно всех проверить. Да! Я не первый босс, который скажет своим сотрудникам: «Работайте в поте лица, иначе будете уволены!».

Хьюи, наконец, сумел слегка усмехнуться.

– С твоим коленом все будет в порядке через пару недель, – радостным голосом продолжал говорить Надник. – А к тому времени мы как раз доберемся до *просидиума*. Парень, ты будешь обеспечен на всю жизнь. А сейчас я должен тебе кое в чем признаться.

Хьюи с трудом повернул к нему удивленные глаза. Старик покачал головой.

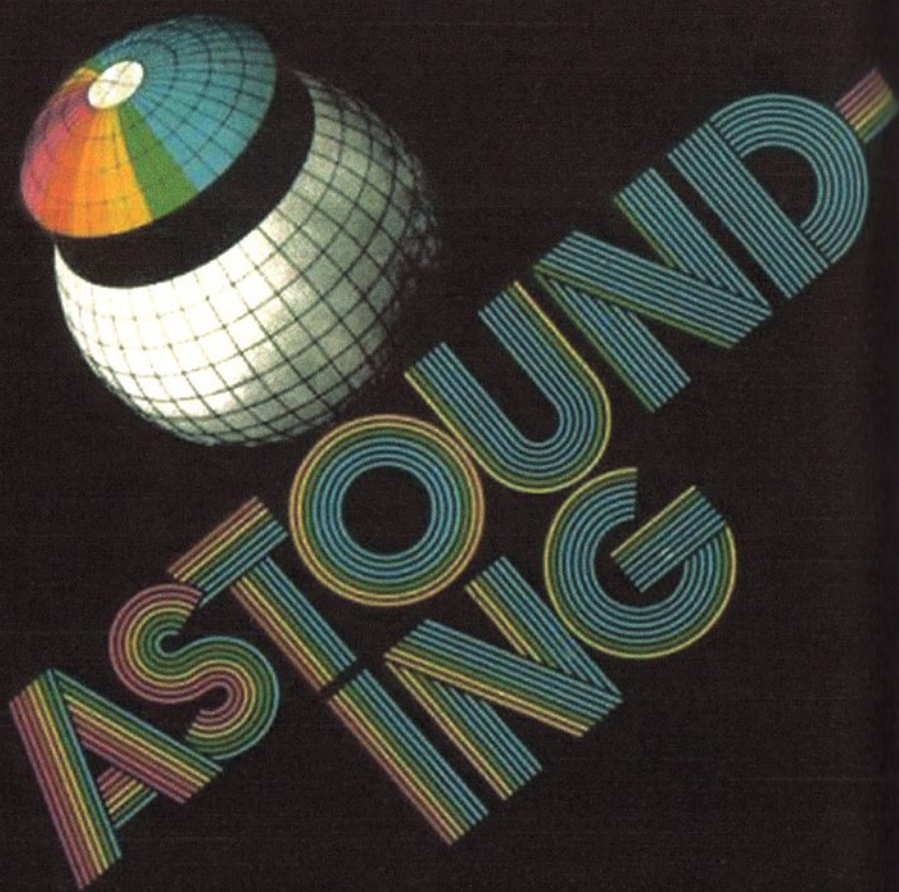
– Да-да, именно о *просидиуме*. Тебя ведь мучил вопрос, как я вообще узнал о нем? Сейчас я тебе расскажу. В прошлом году я летел с Марса на марсианском лайнере. Очень комфортабельном лайнере. Увлажнители в каждом комнате. Радио. Музыкальные записи. В каюте множество всевозможной аппаратуры и приспособлений. Словом, всем этим мог бы восхищаться сам Могучий Сатана. Ну, а поскольку делать мне было нечего, то я... э-э... – Он виновато замолчал, потом продолжил: – Ну, в общем, со скуки я разобрал пару тамошних аппаратов, отсоединил кое-какие детали, приварил дополнительные контакты, и получился у меня изящный и мощный детектор элементов. А поскольку мы пролетали неподалеку от края Пояса астероидов, то он и засек местоположение *просидиума*. Чистая удача. Честное слово, все это было прямо в каюте роскошного марсианского лайнера!

Хьюи восхищенно рассмеялся.

– Вы старый хитрец! – несколько непочтительно воскликнул он.
– А еще глумились над Могучим Сатаной!

– Я? – старик встал и покачал головой. – С чего бы мне глумиться над Могучим Сатаной? Мне *нравится* Могучий Сатана. Иначе и быть не может. Ведь эти рассказы *пишу я сам!*

Two Percent Inspiration, (Astounding, 1941 № 10)

JOHN W. CAMPBELL
Memorial Anthology

Edited by
HARRY HARRISON

THIRTEEN ORIGINAL STORIES WRITTEN
ESPECIALLY FOR THIS VOLUME

With an introduction by
ISAAC ASIMOV

КОТ ПО КЛИЧКЕ ХЕЛИКС

Вы видели заголовки в газетах:

КОТ-ГРАБИТЕЛЬ!
ПОЛИЦЕЙСКИЙ И СТОРОЖ.
«ВЗЛОМЩИК СЕЙФОВ»

«Эту странную историю, поведали Джордж Мэрфи, сторож одной брокерской фирмы, и полицейский Пат Райли.

В отчете их говорилось, что полицейского вызвал Мэрфи и взволнованно сказал ему, что кто-то открывает сейф в офисе. Раздраженный полицейский проследовал за ним в здание, и они вдвоем подкрались к офисам на верхнем этаже.

– Слышите? – спросил полицейского Мэрфи.

После тот клялся, что услышал треск верньеров открываемого цифрового замка сейфа. Распахнув дверь, они услышали в темноте какую-то возню, и тут же кто-то воскликнул:

– Стой, или я тебя отключу!

Полицейский выхватил пистолет и сделал шесть выстрелов в направлении голоса. Раздалось мявканье, напоминающее кошачье, громкий вой и царапанье. А затем сторож нашарил выключатель. Но они увидели только большого черного кота, бившегося на полу. – две пули Райли попали в цель. От взломщика сейфа не было ни следа. Вероятно, навсегда останется тайной, как он сбежал. Из офиса вела единственная дверь, из которой и стрелял Райли.

Эту историю теперь расследуют в управлении полиции».

Я могу раскрыть эту тайну.

Это началось больше года назад, когда я разрабатывал свое новое гибкое стекло. Оно могло бы сделать меня богатым, но лучше бы я оставался беден и счастлив.

Стекло это было поистине замечательным. Я наткнулся на эту идею, когда занимался некой минеральной солью – не стану говорить, какой именно. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то начал работать с ней и также навлек бы на себя неприятности, как я. Основная идея состояла в том, чтобы, если сложный сульфид кремния соединить с этой солью при определенной температуре, то получится стекло. Недорогое, кислотостойкое и гибкое. Отличное стекло. Но об одном из его свойств я вам пока что не скажу.

В день, когда все это началось, я закончил изготавливать свою первую бутылку. Она стояла на установке моего собственного изобретения: поворотном столике, экранированном, окруженном горелками Бунзена и медленно охлаждаемом, пока я вытачивал на токарном станке пробку из того же материала. Мне пришлось включить станок на двадцать две тысячи оборотов, прежде чем он смог справиться с этим материалом, и Хеликс заинтересовался визгом резца. Ему всегда нравилось наблюдать, как я работаю. Он был не только моим котом. Он был моим другом. От Хеликса у меня не было никаких секретов.

Да, что это был за кот! Большой, черный, с белым горлышком и белыми лапками, а хвост у него был вдвое длиннее, чем у обычных кошек. Обычно он держал его скрученным в три полных оборота спирали – отсюда и его имя*. Свой хвост он мог два раза обернуть вокруг головы. Вот это был кот!

Я выключил станок, взял готовую пробку и открыл крышку установки, где стояла бутылка, чтобы заткнуть ее пробкой. И только я открыл крышку, как – *вжжжик!*

Вы когда-нибудь слышали, как пуля свистит возле уха? Так вот, этот звук был точно такой же. Я услышал этот звук, а затем пробка вылетела у меня из руки и сама заткнула бутылку. А пламя всех горелок *погасло!* Я стоял, уставившись на Хеликса, и тут увидел еще кое-что странное:

– Он даже не *шевельнулся!*

Я точно знаю, что кошка – любая кошка – непременно отреагирует на подобный свист. Можете проверить, если у вас есть кошка. Хеликс должен был вскочить, распахнуть желтые глазищи, пытаясь определить, откуда донесся звук, но он лежать, подобно сфинксу, прикрыв глаза, лишь чуть подергивая усами да выпустив когти на передних лапах. Это было бессмысленно. Когти Хеликса невероятно острые. В свое время мне пришлось испытать это на себе. Но значит...

Либо я слышал шум не ушами, а каким-то дополнительным органом чувств, какого не было у Хеликса – либо не слышал вообще ничего. Но если я ничего не слышал, то, значит, я сумасшедший. А никому не по душе мысль о том, что он сошел с ума. Поэтому, не обвиняйте меня в попытке убедить себя, что это было шестое чувство.

Хеликс проснулся и чихнул. Я понял его знак и выключил газ.

– Хеликс, старина, – сказал я, когда немного пришел в себя, – а что ты об этом думаешь? А?

* Helix (англ.) – спираль (прим. перев.)

Хеликс, при звуках моего голоса, вскочил и потерялся головой о мой рукав.

— Тебя тоже это поставило в тупик, не так ли? — Я почесал Хеликса за ухом, хвост его тут же взметнулся и обвился вокруг моего запястья. — Давай-ка подумаем. Я слышу странный шум. Но ты не слышишь его. Что-то вырывает пробку у меня из руки, дует ветер оттуда, откуда просто не может дуть, и задувает горелки. В этом есть хоть какой-то смысл? — Хеликс зевнул. — Я тоже так не думаю. Ну, и скажи мне, Хеликс, что нам с этим делать? А?

Хеликс не ответил. Думаю, он уже об этом забыл. Теперь я очень жалею, что сам не забыл об этом.

Я пожал плечами и вернулся к работе. Надев жаропрочную перчатку, я снял бутылку с поворотного столика. Хеликс скользнул под моей рукой, словно почуял какой-то запах. Я мгновенно схватил его, чтобы не дать сунуться носом, куда не следует, выпустив при этом бутылку, и свободной рукой попытался поймать ее. Но рука моя поймала лишь пустоту. Бутылка непостижимым образом отскочила от пола и вернулась обратно на поворотный столик! И не просто на него, а точно на то место, где стояла прежде!

Я невольно схватил ее, но тут же отпустил и тупо уставился на свою руку, где уже должно быть красное пятно от ожога. Но там ничего не было. Бутылка была *холодная* — хотя прожаривалась в огне несколько часов подряд. Выходит, мое новое стекло было очень плохим проводником тепла. Я чуть было не рассмеялся. Я должен был сразу понять, что у Хеликса хватило бы ума не совать свой розовый нос к бутылке, если бы она была раскаленной.

Мы с Хеликсом ушли оттуда. Мы прошли в мою комнату, оставив эту сумасшедшую бутылку за дверью, и плюхнулись на кровать. Это было уж слишком. Мне хотелось завывать во весь голос от избытка чувств, но я много лет уже, как разучился.

После того, как мои нервы слегка успокоились, я заглянул в лабораторию.

— Иди сюда, придурок! Я хочу поговорить с тобой!

Кто сказал это? Я подозрительно поглядел на Хеликса, который — сама невинность, — пристально поглядел на меня в ответ. Ну, не я же сам это сказал. И не Хеликс. Тогда я подозрительно поглядел на бутылку.

— Ну, ты понял?

Голос был напряженный и слегка тянул слова. Я посмотрел на Хеликса. Хеликс изящно умывался лапкой. Но Хеликс — лучший сторож из всех кошек. Если бы в лаборатории был кто-то еще, — если бы он *услышал* чей-то голос, — то непременно дал бы мне знать. Значит, он ничего не услышал. Но я же слышал!

— Хеликс, — еле слышно выдохнул я, и он тут же взглянул на меня, так что с его слухом все было в порядке, — мы оба сошли с ума.

— Нет, не сошли, — заявил голос. — Садись, а то упадешь. Я нахожусь в твоей бутылке и должен оставаться в ней. Ты уничтожишь меня, если достанешь оттуда... хотя, между нами, я не думаю, что ты смог бы достать меня. Но в любом случае, пожалуйста, даже не пробуй... Что с тобой? Перестань пучить глаза!

— О, — истерично воскликнул я, — со мной все нормально. Без вопросов. Я просто свихнулся, только и всего. Совершенно, полностью и абсолютно свихнувшийся идиотик, психически несбалансированный, иначе говоря, жертва экстрасенсорной утраты баланса. Бред сумасшедшего! Я слышу голос. Подобно Жанне д'Арк. Эй, Хеликс. Гляди на меня. Я — Жанна д'Арк. А ты тогда должен быть Буцефалом, Пегасом или великим богом Гором. У меня была пустая бутылка, а через секунду в ней откуда-то появился джинн. Эй, Хеликс, глотни-ка немного джинна...

Я опустился на пол, Хеликс устроился подле. Мне показалось, что он жалеет меня. Я понимал, что я... очень жалок.

— Очень смешно, — сказала бутылка, или, скорее, голос, утверждавший, что идет из бутылки. — А теперь, если только ты дашь мне возможность все объяснить...

— Послушай, — сказал я коту, — есть этот голос или нет? Я больше никому не доверяю... кроме тебя, Хеликс. Тебе я верю. Если ты слышишь его, то я нормальный. В противном же случае я свихнулся. Эй, Голос!

— Ну?

— Сделай мне одолжение. Позови пару раз Хеликса. Если кот услышит тебя, значит, я нормальный.

— Ладно, — устало сказал голос. — Хеликс! Хеликс, ко мне!

Хеликс сидел и глядел на меня. Ни один усик у него не дрогнул, чтобы показать, что он слышит голос. Я сделал глубокий вздох и тихо сказал:

— Хеликс! Хеликс, ко мне!

Хеликс прыгнул мне на грудь, положил лапы на плечи и пощекотал мой нос кончиком изогнувшегося хвоста. Я осторожно поднялся, держа его.

— Приятель, — сказал я, — думаю, мне конец — и мне, и тебе. Я полный псих, дружище. Так что пойдя и позвони в полицию.

Хеликс замурлыкал. Он видел, что мне из-за чего-то грустно, но это «что-то», казалось, совершенно его не беспокоило. Он смотрел на меня с таким видом, будто то, что я псих, ничуть мне не вредило. Но, думаю, ему казалось это интересным. Его светящиеся

глаза глядели немного насмешливо. Ну, раз он не стал звонить в полицию, то и я не буду. Я больше не отвечаю за себя.

– Ну, замолчал, наконец? – сказала бутылка. – Я не хочу создавать тебе никаких проблем. Ты этого не знаешь, но ты спас мне жизнь. Не бойся. Просто послушай. Я – душа, понятно? Я был человеком по имени Грегори... Грегори Уоллес. Я погиб в автокатастрофе два часа назад...

– Вы погибли два часа назад. А я просто спас вашу жизнь. И ношу я на голове тюрбан, усыпанный драгоценностями, потому что я теперь я – Магараджа Майсура. О, да!.. Ошибка. Я...

– Ты совершенно нормален. По крайней мере, пока что. Возьми себя в руки и будешь в порядке, – сказала бутылка. – Да, я погиб. Мое тело погибло. Я же – душа. Автомобиль не смог уничтожить душу. Но Они могли.

– Они?

– Да. Те, кто гнался за мной, когда я попал в твою бутылку.

– Кто Они?

– У нас нет для Них имени. Они питаются душами. Летают повсюду стаями. Рыщут везде в поисках душ, свободных от тел, понимаешь?

– Вы имеете в виду... когда кто-то умирает, его душа вылетает из тела, и ей приходится убегать от Них? И, рано или поздно, Они ее ловят?

– О, нет. Лишь некоторые души. Видишь ли, когда человек понимает, что скоро умрет, что-то происходит с его душой. Есть люди, которые остались жить, но знали, что когда-то чуть было не умерли. Другое дело смерть от несчастных случаев. Люди не осознают, что случилось. Если смерть подходит постепенно, душа приобретает нечто вроде защитной оболочки, хотя больше это похоже на изменение формы. С этой поры душа несъедобна для Них и Им не нужна.

– Что же происходит потом с защищенной душой?

– Этого я не знаю. Забавно... тысячелетиями утверждали, что если кто-то избегает смерти, то рассказывает потом странные вещи... Ладно, я выжил – благодаря тебе. И я знаю об этом гораздо больше тебя. Правда, я умер, и душа моя покинула тело. Но я прошел еще очень маленький путь. Вероятно, защищенная душа проходит все постепенно, этапом за этапом... не знаю. Теперь мне остается лишь предполагать.

– Но почему ваша душа оказалась не защищенной?

– Потому что я не ждал смерти – понятия не имел, что должен умереть. Все произошло так быстро. А я был не особенно религиозным. Верующие и вольнодумцы, а также философы, словом,

люди, которые постоянно думают над глобальными проблемами – все они могут стать неуязвимыми для Них еще за много лет до своей смерти.

– Почему?

– Ну, это же очевидно. Нельзя размышлять о мире, не задумываясь об *осознании* смерти. Я понимаю, что «осознание» – неудачный термин. Неважно, насколько вы умны, но если вы не обдумываете постоянно что-то – неважно, что именно, – глубоко и систематически, то не достигнете нужного *осознания*. Такая смерть – барьер для самого лучшего ума. Тупик. Ударьте себя, и почувствуете боль. Эта боль и есть *осознание*. Глупцам немного проще, чем остальным – они причиняют себе больше боли и проще становятся неуязвимыми. Но, в любом случае, человек может жить без всякого *осознания*, и все равно, если у него будет несколько секунд перед тем, как он умрет, то душа его успеет обрести иммунитет. У меня же не было и нескольких секунд.

Я пошарил в кармане в поисках носового платка и вытер лицо. Слишком уж круто все это было.

– Послушайте, – сказал я, – ладно, мне эти дела более-менее в новинку. А что такое душа?

– Естественно, – сказала бутылка, – это материя, как и все остальное во Вселенной. У нее есть вес и масса, хотя она не может быть измерена земными приборами. На данной стадии развития науки мы еще не сталкивались ни с чем подобным. Обычно душа концентрируется вокруг шишковидной железы, хотя, по желанию, может перемещаться по всему телу, если есть достаточные стимулы. Например...

И он рассказал мне хороший пример. Я понял его точку зрения.

– А также гнев, – продолжала бутылка. – В припадке ярости душа на мгновение оборачивается вокруг надпочечников и делает то, что нужно. Понятно?

Я повернулся к Хеликсу.

– Хеликс, – сказал я, – сегодня мы в самом деле кое-что узнали.

Хеликс выпустил когти и внимательно осмотрел их. Внезапно я пришел в себя, поняв, что стою посреди лаборатории, ведя разговор с пустой бутылкой, а Хеликс приводит себя в порядок, без интереса слушая мои слова и *не слыша того*, что доносится из бутылки. Мысли у меня снова перемешались. Я *должен* найти ответ на все это.

– Бутылка, – хрипло спросил я, – почему Хеликс не слышит вас?

– О, – ответила бутылка, – потому что нет никаких звуков.

– А как же я вас слышу?

– Прямым телепатическим контактом. Я говорю не с тобой, а с твоей душой. Душа же передает мои слова тебе. Сейчас она находится в мозге, в центре, ответственном за слух, поэтому вы воспринимаете ее сообщения, как звуки. Это самый простой способ общения.

– Почему же тогда Хеликс не получает таких сообщений?

– Потому что он настроен на другую частоту *мыслеволн*. Я говорю так, чтобы было понятнее, хотя *мыслеволны* не имеют никакого отношения к электричеству. Я могу – то есть, думаю, что могу, – послать мысли ему. Не пробовал. Эти размышления пока что чисто теоретические.

Я вздохнул с некоторым облегчением. Удивительно, какое действие оказывает рациональное объяснение. Но оставалась еще парочка вопросов...

– Бутылка, – сказал я, – а что ты говорила о том, что я спас вашу жизнь? И причем здесь мое гибкое стекло?

– Я не совсем уверен, – сказала бутылка, – но, похоже, ты совершенно случайно наткнулся на единственное вещество, которое является преградой для них. Своего рода изолятор. Я сразу почувствовал это – и Они тоже. И я спасся от них. Почти спасся. Да, это я виноват в том, что пробка выскочила из твоей руки. Я сделал это, создав в бутылке вакуум. Пробка была ближе всего к горлышку бутылки, и держал ты ее не очень крепко.

– Вакуум? – спросил я. – Что же случилось с воздухом?

– Все очень просто. Я раздвинул молекулярную структуру стекла и выпустил воздух наружу.

– А как же Они?

– О, Они могли бы проникнуть в бутылку тем же путем. Но, если ты внимательно поглядишь, то увидишь, что пробка приплавлена к бутылке. Это и спасло меня. Н-ну... между прочим, если вам интересно, что охладило бутылку так быстро, то это был тот же вакуум. Воздух при расширении, как тебе известно, теряет тепло. А создание вакуума, разумеется, сопровождалось интенсивным холодом. Это стекло – отличный материал. Оно практически не расширяется при нагревании.

– Теперь я, пожалуй, рад, что все так вышло. Было бы плохо для вас... я думаю, что вы проживете оставшуюся часть вашей жизни в моей бутылке.

– Оставшаяся часть моей жизни, дружище, – это вечность.

Я лишь поморгал.

– Не очень-то весело вам будет, – пробормотал я. – А вы... вам нужна какая-нибудь пища?

– Нет. Я питаюсь... Ну, откуда-то извне. Кажется, где-то снаружи есть источник, излучающий энергию, которой я и питаюсь. Никогда не задумывался об этом. Да, будет скучновато. Не знаю, но, может, когда-нибудь я найду способ получить другое тело.

– Что же мешает вам просто войти и занять любое тело?

– Это невозможно, – сказала бутылка. – Пока душа владеет телом, оно неприкосновенно. Единственный способ – это убедить чью-нибудь душу, что она получит громадные преимущества, если покинет тело и даст место мне.

– Гм-м... Послушай, бутылка. Мне кажется, к настоящему моменту вы уже должны испытать это осознание смерти, о котором говорили. Почему же теперь вы не неуязвимы для Них?

– В этом-то все и дело. Душа может получить неприкосновенность, только если находится в теле. Если бы я мог войти в тело и обладать им хотя бы на долю секунды, то мог бы приобрести иммунитет и пойти дальше своим путем. Или мог бы остаться в теле и наслаждаться, пока оно не умрет. И, между прочим, прекрати называть меня бутылкой. Меня зовут Грегори... Грегори Уоллес.

– Очень приятно. А меня – Пит Тронти. Рад познакомиться с вами.

– Я тоже, – сказала бутылка и пару раз чуть подпрыгнула. – Можете считать это рукопожатием.

– Как вы сделали это? – усмехнувшись, спросил я.

– Очень просто. Крошечное молекулярное расширение, с правильным вектором.

– Понятно. Ладно... Мне нужно пойти и чего-нибудь пожрать. Могу я что-нибудь принести для вас?

– Нет, спасибо, Тронти. Вперед. Займитесь собой.

Так началось мое знакомство с Уолли Грегори, свободной душой. Я обнаружил, что он очень умный человек, и, хотя он безвылазно находился в моей бутылке из стекла новейшего типа, – никогда даже не представлял, что можно коллекционировать души в бутылках в качестве хобби, – мы стали настоящими друзьями. У кого еще есть друг, с которым так приятно, и временами полезно, общаться, и с которым так мало проблем? Хотя начальная цена и была высока – я чуть было не сбрендил! – но после не было никаких затруднений. Уолли никогда не приходил домой пьяным, не тратил деньги и не водил ко мне своих приятелей. Он никогда не опаздывал к ужину и не разбрасывал кругом свои грязные носки. В качестве соседа по комнате он был идеален, а как друг превосходил даже Хеликса.

Однажды вечером, примерно восемь месяцев спустя, я трепался с Уолли во время работы. Он был мне немалой подмогой. В то

время я возился с синтетической резиной, а у Уолли была странная способность точно знать, как проходят химические реакции, и тут я внезапно вспомнил о его нынешнем состоянии.

– Скажи-ка, Уолли... А ты не думаешь, что настало время попытаться получить для тебя тело?

– Это единственное, что мы можем, – фыркнул Уолли, – мечтать об этом. Как тебе только в голову пришло, что мы когда-нибудь найдем душу, согласную на подобный обмен?

– Ну, не знаю... Мы можем попытаться кого-нибудь одурачить.

– И как же ты одурачишь душу, которая может прочесть все твои мысли до единой? Это попросту невозможно.

– Только не говори мне, что невозможно одурачить ни единую душу во Вселенной. В конце концов, душа – часть человека.

– Я не утверждаю, что все души феноменально умны, Пит. Но душа рассуждает без помех со стороны эмоций. Она имеет дело с сутью вещей. Любой идиот может превратиться в гения, если ясно видит корень проблемы. А это запросто может сделать любая душа. То есть, высокоразвитая душа, человеческая.

– А предположим, если душа не такая высокоразвитая? У меня есть идея. А ты не мог бы переселиться в тело собаки или, скажем...

– Кошки?

Я застыл, перестав перемешивать сок молочая, потом поставил мензурку на стол.

– Уолли... Только не Хеликс! Он не просто кот! Он ведь мой друг! Он доверяет мне. Мы *не можем* сделать такое. Черт побери, да как только ты...

– Ты охвачен эмоциями, – презрительно сказал Уолли. – Если бы у тебя было какое-нибудь представление о ценностях, то не было бы никакой проблемы выбора. Ты можешь спасти мою бессмертную душу, пожертвовав жизнью кошки. Не многим людям выпадает такая возможность, особенно за такую мизерную цену. Это будет азартная игра. Я не говорил тебе, но последние месяцы я изучал мыслительные способности Хеликса. У него блестящий ум, конечно, для кошки. И ему не было бы плохо. Он просто перестал бы существовать. Видишь ли, его душа примитивна, но была защищена, еще когда он был котенком, как и у всех животных. Человеку нужен какой-нибудь мощный импульс, чтобы защитить свою душу, потому что он развивается огражденным, до какой-то степени, от страха смерти, а кошка – нет. Базовая философия Хеликса мало чем отличается от его далеких предков. Все будет хорошо. Я займу его тело, а он выйдет и пойдет туда, куда уходят все кошки после смерти. А тело его остается у тебя, как и сейчас, но

населенное моей душой вместо его собственной. Пит, ты *должен* это сделать.

– Черт побери, Уолли... Послушай, я найду для тебя другую кошку. Или... А как насчет обезьяны?

– Я уже подумал об этом. Во-первых, обезьяна была бы слишком заметной, если бы стала одна ходить по улицам. Я же хочу войти в тело, в котором могу ходить, куда угодно. Во вторых, я уже достаточно изучил Хеликса. Конечно, займет много времени, чтобы подготовить кошку, отвечающую моим потребностям, но это можно сделать. Я изучил его разум и теперь знаю его достаточно прилично. И в третьих, ты знаешь его и знаешь меня – и он тоже уже немного знает меня. Он самый подходящий объект для того, что, признайся, будет самым захватывающим экспериментом.

Мне лишь осталось восхищаться способами, которыми уговаривал меня Уолли. Должно быть, великое благо – быть лишенным эмоций. Он снова и снова заставлял меня возвращаться к этой теме и, вероятно, выдвигать возражения, на которые у него уже были готовы ответы. Я начал слегка обижаться на него... но лишь слегка. Вот его последний аргумент: это был бы самый захватывающий аргумент – подготовить кошачье тело и разум для пересадки в них души человека с тем, чтобы эта душа могла жить почти нормальной жизнью...

– Я не сказал «да» или «нет», Уолли, – сказал, наконец, я. – Я хочу лишь спросить: что мы станем делать, если я скажу «да»?

– Ну... – Уолли задумался на минуту. – Сначала мы бы внесли некоторые изменения в его тело, чтобы я мог делать то, что считается невозможным для кошки: писать, разговаривать, запоминать. Его мозг должен быть изменен так, чтобы он мог постигать абстракции, а лапы стать более гибкими, чтобы я мог держать хотя бы карандаш.

– Значит, об этом можно забыть, – сказал я. – Я химик, а не хирург-ветеринар. И ни один человек не может сделать все это. Почему...

– Об этом не волнуйся. Недавно я много чего узнал о себе. Если я смогу хотя бы раз войти в мозг Хеликса, то сумею поработать с его метаболизмом. Смогу стимулировать рост любой части его тела любым образом, до мельчайших подробностей. Например, смогу убрать кожу между пальцами его лап, изменить их форму, поработать над когтями. И вот вам руки. Я смогу...

– Звучит шикарно. Но как ты попадешь туда? Я думал, что ты не можешь вторгнуться ни в чье тело без согласия его души. И как насчет Них?

— О, все будет в порядке. Я могу войти в его тело, поработать там, а его душа защитит меня. Видишь ли, я научился входить с ним в контакт. Пока я работаю над тем, чтобы усилить умственные и физические возможности кота, его душа не станет возражать. Что же касается входа, я смогу сделать это, если быстро перемещусь. Временами поблизости нет никого из Них. Если я выберу такое время, выйду из бутылки и перейду в кота, то буду в полной безопасности. Самая большая опасность может исходить от его души. Если он захочет выкинуть меня оттуда, то у него хватит ментальных сил, чтобы забросить меня на Луну или даже дальше. И если такое произойдет — мне конец. Они не упустят такой шанс.

— Черт побери... Послушай, дружище, может, не нужно так рисковать. Идея не плоха, но овчинка не стоит выделки. Потому что теперь ты в безопасности на вечные времена. Если что-то пойдет не так...

— Не стоит выделки? Да ты понимаешь, что говоришь? У меня здесь выбор между вечным пребыванием в бутылке — а это ужасно долго, если нельзя умереть, — и переделкой Хеликса так, чтобы он позволил мне жить, как разумное существо, пока не умрет его тело. Тогда я смогу уйти, защищенный, туда, куда и должен уйти в итоге. Дай мне такую возможность, Пит. Я не смогу сделать это без тебя.

— Почему?

— И ты не понимаешь? Кот должен быть образован. Да, и цивилизован. Ты можешь работать над этим, отчасти потому, что он знает тебя, а отчасти — это самый легкий способ. Когда мы научимся разговаривать с ним, ты сможешь учить его устно. Таким образом, мы сможем продолжать наши телепатические контакты так, чтобы он не узнал о них. И, что более важно, чтобы не узнала его душа. Пит, неужели ты не понимаешь, что это значит для меня?

— Понимаю, Уолли, но это — подло по отношению к Хеликсу. Абсолютно грязно и низко. Мне все это не нравится... совершенно не нравится. Но... в чем-то ты прав. Ты крыса, Уолли. Да и я тоже. Я сделаю это. Я же не смогу спать, если откажусь. Когда начинаем?

— Спасибо, Пит. Я никогда не смогу отблагодарить тебя должным образом... Сначала я должен попасть в его мозг. Вот что ты должен сделать. Как ты думаешь, ты сумеешь заставить его облизать бутылку?

Я немного подумал.

— Да. Я могу помазать бутылку экстрактом кошачьей мяты... у меня есть немного. Он станет лизать ее... Но зачем?

— Все в порядке. Просто кот приблизится ко мне на минимальное расстояние. Я смогу пройти сквозь стекло и оказаться в его мозгу прежде, чем кто-либо из Них успеет меня схватить.

Я нашел флакончик с экстрактом и плеснул его на тряпочку. Хеликс тут же подбежал, почуяв заманчивый запах. Я почувствовал себя подонком... и чуть было не велел Уолли все прекратить. Но промолчал. Как бы я ни любил этого большого, черного кота, бессмертная душа Уолли была важнее.

— Подожди минутку, — сказал Уолли. — Рядом витает один из Них.

Я напряженно ждал. Хеликс рвался к тряпке, которую я держал в правой руке. Я придерживал его свободной рукой, чувствуя, что все меньше и меньше готов... Он ведь *доверял* мне!

— Давай, Они ушли! — рявкнул Уолли.

Я быстро помазал тряпкой бутылку. Хеликс вырвался из моей руки и стал отчаянно лизать эту злосчастную бутылку. Я чуть было не заплакал.

— Боже, пощади его душу, — пробормотал я, сам не зная, зачем...

— Хороший парень, — сказал Уолли. — Я сделал это! — И через долгую-долгую секунду: — Пит, дай ему еще немного кошачьей мяты. Я должен узнать, какой участок его мозга отвечает за удовольствие. Там я и начну. Так что кот будет наслаждаться все время, пока я работаю.

Я добавил кошачьей мяты. Хеликс, прости меня!

Наступила еще одна длинная пауза, затем:

— Пит! Ущипни его, что ли. Или уколи булавкой.

Я ущипнул, так было нежнее. Но это не обмануло Уолли.

— Заставь его заорать, Пит. Мне нужна бурная реакция.

Я стиснул зубы и дернул кота за закрученный спиралью хвост. Хеликс взвыл. Думаю, его самолюбие пострадало сильнее, чем хвост.

Так и пошло все в дальнейшем. Я применил к Хеликсу все возможные физические и умственные воздействия — голод, горе, испуг, гнев (это было самым трудным, потому что старина Хеликс был очень добродушным котом), тепло, холод, радость, разочарование, жажду и оскорбление. Лишь ненависть была невозможна. А где-то в глубине кошачьего мозга Уолли все проверял и перепроверял. Что-то изменял, пробовал и допускал ошибки. Он был неутомим, потому что не мог отказаться от намеченной цели, как и любой совершенный исследователь. Когда же, наконец, он был готов выйти, мы с Хеликсом были полумертвыми от усталости. Я благополучно вернул его в бутылку, используя прежний метод. Так закончился первый день работы, потому что я наотрез отказался продолжать, пока мы с котом как следует не выспимся. Уолли немного поворчал, но потом успокоился.

Так начался самый удивительный эксперимент в истории физиологии и психологии. Мы переделывали моего кота. И превратили его в... ну, это можете представить сами.

В конце недели кот заговорил. С нетерпением взволнованного родителя я ждал его первого слова, которое, кстати, оказалось не «па-па», а «кошачья мята». Меня это так растрогало, что я ублажал его кошачьей мятой до тех пор, пока он не взрел.

После этого дело пошло быстрее: сначала существительные, затем глаголы. Спустя три часа после того, как Хеликс сказал «Кошачья мята», он отчетливо выговорил: «А как насчет еще немножко кошачьей мяты?»

Потом Уолли споткнулся на «тональном управлении» голосовыми связками Хеликса. Мы обнаружили, что можем дать ему громкий и хриплый голос, но, пожертвовав количеством (в нашем случае, громкостью) в пользу качества, получили в итоге нечто похожее на голос Уолли (как я его «слышал»), выразительный, но тихий.

Проделав большую работу над соответствующими участками мозга Хеликса, мы получили практически абсолютную память. Это была трудная работа. Средняя кошка живет, практически, настоящим и помнит минут десять прошлого, причем у нее нет концепции будущего. К тому же, у нее лучше развита мускульная и нервная память, чем слуховая, речевая и зрительная, так же, как и у школьников. Мы изменили все это, и теперь Хеликсу стали не нужны никакие повторы, достаточно было сказать лишь раз.

Потом мы наткнулись на следующее препятствие. Я разговаривал с Уолли вслух, как с любым человеком. Но когда Хеликс стал понимать мои слова, мои долгие разговоры озадачивали и смущали его. Я старался молчать и общаться с Уолли мысленно, но оказалось, что думаю-то я одновременно с тем, когда говорю. Впрочем, Хеликс постепенно привык к этому.

Потом мы научили его читать. Не могу выразить, какое это было чудо, когда и месяца не прошло с тех пор, как он начал с азбуки, а теперь уже прочитал Библию, «Золотую ветвь» Фрейзера в сокращенном издании, «Алису в Стране Чудес» и четыре текста по географии. За пару месяцев он изучил стереометрию, дифференциальное исчисление, четырнадцать основных теорий метемпсихоза и все песни хит-парада на этой неделе. А, да, у него оказалось прекрасное чувство ритма и проникновенный голос. Хеликс и прежде лежал по-много часов воскресеньями перед радиоприемником, слушая симфонии и эстрадную музыку, и через некоторое время мог узнавать не только композитора, но также дирижера и исполнителей.

Теперь я начал понимать, что у нас, людей, слишком большое самомнение. Будучи кошкой, самым независимым созданием на Земле, Хеликс был аристократом. Он быстро узнал о моем относительно невежестве – да, невежестве, поскольку, хотя я сам дал ему кое-какое образование, у него было двойное преимущество – свежие знания и абсолютная память. Он открыто насмеялся надо мной, когда я делал огульные утверждения – есть у меня такая дурная привычка, – а затем, по слогам, исправлял мои ошибки. Он вовсе не хотел причинить мне вред, но когда он фыркал в усы, словно говоря снисходительным тоном: «На самом деле ты не так уж и много знаешь», я сгорал от стыда. Однажды я дошел до того, что пригрозил посадить Хеликса на голодный паек – это было единственным, что могло его урезонить.

Время от времени меня поражал Уолли. Например, он привил коту тягу к табаку. В результате Хеликс выкурил все сигареты, что были в доме. Я вспылил и стал учить его крутить самокрутки. После этого стало полегче. Но он не делал различия между «своим» и «чужим». Поэтому мои сигареты были в сохранности лишь до тех пор, пока Хеликс не испытывал желания покурить.

Это заставило меня задуматься. Разве с его нынешними умственными способностями он не мог научиться не выкуривать у меня последнюю сигарету? Или, как случилось однажды, не есть все, что было на столе, – мой ужин наряду со своим собственным, – в то время, когда я отлучился к телефону? Я сказал ему, что так нельзя, но он не мог это понять. Он просто ответил:

– Но ведь там была еда, верно?

Я спросил об этом Уолли и, думая, он выдал верный ответ.

– Я уверен, – сказал он мне, – что это происходит потому, что у Хеликса нет понятия о великодушии. Или милосердии. Вообще ни о каком подобном качестве. Он совершенно лишен совести.

– Ты хочешь сказать, что он не испытывает ко мне никаких чувств? А то, что я содержу его, кормлю, ублажаю, ничего не значит?..

– Конечно, конечно, – удивленно ответил Уолли. – Ты ему нравишься, с тобой... с тобой легко поладить. А, кроме того, как ты сам сказал, ты его кормишь. Тронти, ты не должен забывать, что Хеликс – кот, и, пока я не вселюсь в него, всегда будет котом. Ни одна кошка не станет слепо повиноваться, как бы умна она ни была, и не отдаст тебе то, что нравится ей самой. Иначе говоря, кошка всегда следует указаниям своего желудка. Работа над ним заинтересовала Хеликса и, как я и обещал, он наслаждается ею. Но только и всего.

– Разве мы не можем привить ему все нужные качества?

– Нет. И это немного беспокоит меня. Знаешь, Хеликс умен и имеет свое собственное мнение обо всем. И я не знаю, как он – точнее, его душа, – относится к идее моего вселения. Он может скрывать что-нибудь от нас. Я не могу сделать больше, чем уже сделал. Все, что мы развили, уже было в нем с самого начала в зачаточном состоянии. Например, если бы он был кошкой, то мы могли бы развить в нем элементарное милосердие. Но только не в этом тигренке! В нем нет ничего такого, над чем можно было бы поработать. – Несколько секунд он молчал. – Пит, хочу тебе признаться, что я немного волнуюсь. Мы многое сделали, но я не знаю, достаточно ли этого. Скоро он будет готов к заключительному этапу – моему вторжению в него. Как я уже говорил, если его душа запротестует, то может выбросить мою душу вообще из Солнечной системы. И я не смогу вернуться. Но есть и еще одно. Я не уверен, что он не знает, зачем мы все это делаем. Но если знает... Пит, мне не хочется этого говорить, но ты честен со мной? Ты ничего не сказал Хеликсу?

– Я?! – закричал я в ответ. – Ах, ты... неблагодарный! Да и как бы я мог? Ты ведь слышал каждое слово, что я говорил коту. Ты же никогда не спишь. И никуда не уходишь. Ах, ты, грязный...

– Спокойно, спокойно, – сказал он. – Я просто спросил, только и всего. Не принимай близко к сердцу. Прости. Но... если бы я мог быть уверен! В его уме есть что-то, к чему я не могу подобраться... А, ладно. Будем надеяться на лучшее. Я много могу проиграть, но много и получить... собственно, получить вообще все. И, ради Бога, не кричи так. Не по телефону разговариваешь.

– Ты тоже прости. Но я ничего не говорил ему, – сказал я уже тише. – Однако, следи за своими словами, Грегори. Не зли меня. Еще одна такая размолвка, я брошу бутылку с тобой в море, и можешь потом тратить хоть вечность, обучая рыбешек. *«Deve essere così»*.

– Другими словами, без фокусов, – насмешливо раздалось из бутылки. – Я учил итальянский в средней школе. Ладно, Пит. Прости, я уже в норме. Но поставь себя на мое место, и ты поймешь.

Это дело раздражало меня все больше и больше. Иногда у меня мелькала мысль, что несколько необычно – тратить жизнь на беседы с бутылками и животными из семейства кошачьих. А теперь еще эти трения между мной и Уолли, да растущее высокомерие Хеликса... Я не знал, чью сторону мне принять: Уолли, Хеликса или, черт побери, свою собственную. Но я увяз по уши в этом деле и вынужден был его закончить. Так что все это время, ни в коем случае, не было счастливым.

Однажды вечером я мрачно сидел в своем мягком кресле, пытаюсь хоть немного рационализировать свое существование посредством вечерней газеты. Уолли молча дулся на меня в бутылке, а Хеликс растянулся на коврик перед радиоприемником в том гипертрофичном состоянии духа, какое может достигнуть только кошка. При этом он курил и время от времени махал лапой на пролетающую муху. Но в воздухе висело напряжение, которое мне вовсе не нравилось.

— Хеликс, — внезапно сказал я, швырнув газету через всю комнату, — что беспокоит тебя, старина?

— Ничего, — явно солгал он. — И перестань называть меня «старина». Это недостойно.

— Ух, ты! Да у нас тут сноб появился! Хеликс, я чертовски устал от твоего отношения. Иногда я жалею о том, что научил тебя всему этому. Раньше ты проявлял ко мне побольше уважения.

— Такие комментарии, — растягивая слова, ответил кот, — типичны для человека. Разве имеет значение, где я получил то, что имею? Мои таланты принадлежат только мне, и я имею полное право гордиться ими и свысока смотреть на любого, кто не обладает ими в такой же степени. И кто говорит? Ты думаешь, сам хорош? Только потому, что ты — член наглого племени, — и тут с его слов буквально закапало горькое презрение, — «Человек Разумный»?

Я знал, что лучше проигнорировать это. Он занимался старой забавой представителей семейства кошачьих — выставял человека дураком. У всех людей с комплексами неполноценности аллергия на грацию. Покажите мне человека, которому не нравятся кошки, и я скажу вам, что он не уверен в себе. Кошка — символ превосходства индивидуума. И люди не впечатляют их.

— Так ты не добьешься ничего хорошего, Хеликс, — холодно сказал я. — Ты понимаешь, насколько просто было бы для меня избавиться от тебя? Я раньше думал, что у меня есть причина кормить и защищать тебя. Ты был хорошим компаньоном. Но именно *был*.

— А знаешь, — сказал он, потянувшись и затушив сигарету о коврик, потому что знал, что это раздражает меня, — Я лишь об одном глубоко сожалею. То, каким ты знал меня до моего возрождения, я сам мало что помню о том периоде, но достаточно много читал. Кажется, кошки долго вводили в заблуждение всю твою глупую расу. И всему этому подведен итог в одной глупой человеческой цитате: *«Я люблю свою кошку, потому что она такая мягкая и теплая, и если я не стану делать ей больно, она не сделает больно мне»*. В этих словах, мой друг и, — тут он фыркнул, — благодетель, вся наша базовая философия. Я понял, что мое поведение до твоего случайного вмешательства в мое умственное развитие привело

тебя к печальному отсутствию уважения, которого я, несомненно, заслуживаю. Если бы не мое глупое поведение в течение тех лет — а я не могу взять на себя ответственность за эту глупость, потому что она была неизбежной, — то ты теперь должен относиться ко мне лучше — как к самому талантливому члену моей превосходной расы. Не притворяйся дураком больше, чем ты есть, Пит. Ты думаешь, я изменился? Вовсе нет. Чем раньше ты поймешь это, тем лучше для тебя. И ради Бога, перестань изливать на меня свои эмоции. Это наводит на меня скуку.

— Эмоции? — завопил я. — Черт побери, а чем плохи время от времени эмоции? Что вообще происходит? Кто здесь главный? Кто оплачивает счета?

— Оплачиваешь их ты, — мягко ответил Хеликс, — что тем более делает тебя дураком. Ты никогда не увидишь, что я делаю то, что не приносит мне наслаждения. Уйди, Пит. Ты ведешь себя, как ребенок.

Я схватил тяжелую пепельницу и швырнул ее в кота. Он изящно поклонился от нее.

— Тц-тц-тц!.. Какое позерство!

Я схватил шляпу и вылетел, как ураган, сопровождаемый насмешливым хихиканьем Хеликса.

Никогда в жизни я не был так преисполнен беспомощной ярости. Я делаю кому-то одолжение, и что в итоге? Он портит моего кота. И кот начинает диктовать мне условия.

Это не имело бы такого значения, но я так любил этого кота. Смейтесь, если хотите, но для человека, который тратит девять десятых своей жизни на возню с пробирками и электрохимическими реакциями, кошка заполняет пустоту в его жизни. Я понял, что обманывал сам себя — Хеликс просто бессовестный паразит, и всегда был таким. Но я любил его. В этом моя ошибка. Ничто в мире не является таким разрушительным, как осознание своей ошибки. Возможно, я любил бы Хеликса до того дня, когда он бы умер, а затем лелеял свою память о нем. И то, что я приписывал ему качества, которыми он не обладал, не имело бы значения.

Ну, и чья тут вина? Моя? Ведь это я позволил Уолли переделать кота, чтобы он мог использовать его. Но в большей степени это была вина Уолли. Черт побери, разве я просил, чтобы он вторгся в мой дом и в мою бутылку? И кто он такой, чтобы так испоганить мою простую, незамысловатую жизнь?.. Так я нашел того, кого мог ненавидеть за все случившееся. Уоллеса Грегори, эту крысу!..

Господи, я все бы отдал за то, чтобы вернуться туда, перед тем моментом, когда Грегори вторгся в мою жизнь! Теперь у меня не было ничего. Если Уолли преуспеет в том, чтобы завершить на-

чатые изменения Хеликса, мне придется еще долго терпеть этого невыносимого кота. В его колоссальном это не было ни малейших проблесков нежных человеческих чувств, которые мог бы развить Уолли. Но как только Уолли войдет в тело кота, Хеликс исчезнет в космосе, забрав с собой лишь жизненную силу, и оставив все отвратительные черточки характера, которыми он обладал. И если у Уолли не получится так, как надо, Они схватят его, а меня оставят с этим невыносимым животным. Какой ужас!

Предположим, я убью Хеликса? Это был бы выход, но... как тогда быть с Уолли? Я понимал, что у него громадные потенциальные возможности, и хотя моя угроза бросить бутылку в море один раз сработала, я не уверен, что получится снова. У него блестящий ум, и если он возненавидит меня, то много что может сделать. Тут впервые я понял, что душа Уолли Грегори является чем-то вроде угрозы. Представьте себе, каково жить с мыслью, что, как только вы умрете, в ваше тело вселится душа другого человека?

Той ночью я, кипя, бродил несколько часов и прошел немало миль, прежде чем напал на идеальное решение. Это решение означало убить моего любимого Хеликса, но теперь это было бы ничтожной потерей. И это решение освободило бы Уоллеса Грегори. Нужно позволить душе человека овладеть котом, а затем убить кота. Они оба были бы защищены, и меня оставили бы в покое. Ей-богу, в мире и спокойствии.

Я вернулся домой в четыре утра и спал, как мертвец. Я крайне устал и чувствовал, что мне необходимо проспять много часов. Но это не устраивало Хеликса. Утром, в семь тридцать, он выплеснул на меня стакан воды со льдом. Я яростно выругался.

— Вставай, ты, ленивая свинья, — вежливо сказал он. — Я хочу завтракать.

Слепой от ярости, я вскочил и навис над ним. Он стоял неподвижно, усмехаясь мне в лицо. Он совершенно не испугался, хотя я увидел, что когти его были чуть выпущены, значит, он готов был отпрыгнуть в любой миг, если я накинусь на него. Вероятно, я не смог бы даже пальцем коснуться его, и он знал это, черт побери!

Затем я вспомнил, что собираюсь его убить, и мне сжало горло. Я отвернулся.

— Хорошо, Хеликс, — сказал я, когда смог говорить. — Пойдем.

Он проследовал за мной на кухню и сидел, наблюдая, как я варил яйца. Я варил их точно по секундомеру, потому что Хеликс не стал бы их есть, если бы они не кипели ровно две минуты сорок пять секунд. Затем я их очистил и порезал кубиками, как ему нравилось. Потом добавил в яйца немного кошачьей мяты и тщательно перемешал. Хеликс при этом поднял одну бровь. Я уже

много недель не давал ему мяту, используя ее только в качестве вознаграждения, когда он преуспевал в учебе. Но с недавних пор у меня пропало желание вознаграждать его.

— Ну, — сказал он, изящно вытерев рот после еды, — я вижу, тебе пошел на пользу сеанс самоанализа, которым ты, несомненно, занимался во время ночной прогулки. Пит, между нами не будет никаких тренировок, если ты станешь так же вести себя и дальше. Я могу вынести почти все, кроме фамильярности.

Я подавился куском тоста. Меня душил гнев! Он решил, что преподавал мне урок! На секунду я испытал жгучее желание стереть его в порошок прямо здесь и сейчас, но сумел вовремя притормозить. Я не хотел, чтобы он что-нибудь заподозрил.

Внезапно он взял свою чашку со стола.

— Сделаешь кофе? — резко сказал он. — Сделай сразу побольше и в дальнейшем ешь осторожнее.

— Лучше сам будь осторожен, — огрызнулся я. — Разве я не учил тебя говорить «пожалуйста», когда что-нибудь просишь?

— Пожалуйста, будь ты проклят, — сказала мое дорогое домашнее животное, швыряя чашку на пол. — Ты уже должен бы знать, как я люблю кофе. Чтобы мне не пришлось все время говорить тебе об этом. — Он подошел к столу, и моя чашка тоже полетела на пол. — А теперь тебе придется сделать еще больше кофе. Заявляю тебе, мне больше не нужна вся эта твоя ерунда. С этого момента пришел конец твоей отвратительной демократии. Ты будешь все делать *по-моему*. Я слишком много претерпел от тебя. Ты оскорблял меня. Ты отвратительно ел и никогда не заботился о своем запахе. Так что теперь держись от меня подальше, пока я тебя не позову. И молчи, пока с тобой не заговорят.

Я сделал глубокий вдох и медленно, очень медленно досчитал до десяти. Затем взял из серванта новые чашки, заварил кофе и налил его в чашки. Пока Хеликс заканчивал завтракать, я пошел и купил револьвер.

Когда я вернулся, Хеликс спал. Я на цыпочках прошел на кухню, чтобы вымыть посуду, и обнаружил там полный разгром. Его финальный причудливый мазок. Я закрипел зубами и стал разгребать бардак. Затем ушел в лабораторию и запер дверь.

— Уолли! — позвал я.

— Ну, что?

— Послушай, парень, мы должны все закончить прямо сегодня. Хеликсу пришло в голову, что он владеет всем домом, включая и меня. Говорю тебе, я этого не выдержу! Нынче утром я чуть было не убил его, и убью, если все это будет продолжаться. Уолли, у тебя все готово?

— Да... — голос Уолли прозвучал слегка напряженно. — Пит, все будет хорошо! О, Боже, я снова смогу жить! Снова смогу читать комиксы, ходить в кино или на футбол! Ладно, давай заканчивать. А что с Хеликсом? Ты сказал, что он стал немного... э-э... несговорчивым?

— Не то слово, — фыркнул я. — Он решил, что он — важная шишка. А я... я лишь здешний работник.

— Пит, он что-нибудь говорил о... обо мне? Не обижайся, но... как ты думаешь, ты в безопасности? Если то, что ты говоришь, правда, то значит, он отстаивает свое лидерство, и мне бы не хотелось, чтобы это зашло слишком далеко. Ты знаешь, кажется, Они догадываются, что здесь что-то происходит. Когда в прошлый раз ты впустил меня в разум Хеликса, вокруг носились целые рои Их. А когда Они обнаружили, что я произвел изменения, то все отступили, словно специально дали мне выйти сухим из воды. Пит, Они тоже что-то прячут в рукаве.

— Что ты имеешь в виду под словом «тоже»? — тут же спросил я.

— Ничего особенного. У Хеликса одно, у Них — другое Тоже. А в чем дело?

Это меня не успокоило. Вероятно, Уолли понял, что я решил уничтожить кота, как только он внедрится в него, лишив таким образом его нескольких лет удовольствия, прежде, чем он двинется дальше. Но он ничего не сказал. Он мог слишком много проиграть.

Я унес бутылку из лаборатории на кухню и несколько минут мыл ее, а затем утопил в раковине с водой. Затем вернул ее в лабораторию, пошел, взял револьвер, зарядил его и положил в выдвижной ящик лабораторного стола. Затем принес бутылку и поставил ее на место, уверенный, что Уолли ничего не узнал об оружии... и пошел за Хеликсом.

И нигде не смог его найти.

Подушка, на которой он спал, была еще теплой. Но куда делся он сам?

Я лихорадочно поискал по квартире, но без успеха. Что ж, лучше всего было не обращать на него внимания. Сердито вздохнув, я вернулся в лабораторию, чтобы сказать о пропаже Уолли.

Хеликс сидел возле бутылки, разглаживая правой лапой усы и удивленно глядя на меня.

— Ну, что, мой милый, — приветствовал он меня, — кажется, у нас проблема?

— Черт побери, кот, — рявкнул я. — Где ты был?

— Да рядышком, — лаконично ответил он. — Ты столь же слеп, как и глуп. И не спорь со мной.

Я проглотил это. Мне нужно было подумать о чем-то более важном. Как же мне убедить его облизать бутылку? Кошачья мята тут уже не поможет, не то у него настроение. Так что...

— Я думаю, — сказал Хеликс, — ты хочешь, чтобы я прошел через старый ритуал *бутылко-котолизатора*. Прости уж меня за такую игру слов.

— Ну, да, — сказал я, пытаюсь не показывать своего удивления. — Это, знаешь ли, для твоей же пользы.

— Знаю, — ответил кот. — И всегда это знал. Если я не имел кое-что с этого, то не стал бы этого делать.

Это было логично, но что-то мне не понравилось.

— Ладно, — вздохнул я. — Давай начнем!

— Пит! — телепатически позвал меня Уолли. — Я хочу, чтобы на этот раз ты держал его очень крепко обеими руками. Раздвинь как можно больше пальцы, а если сумеешь, зажми его под мышкой. Я думаю, ты узнаешь кое-что... интересненькое.

Немного озадаченный, я так и сделал. Хеликс не стал возражать, как я опасался.

— Ладно, — сказал Уолли. — Они как раз удаляются. Заставь его облизывать бутылку.

— Давай, Хеликс, — прошептал я.

Сверкнул розовый язычок. На бутылке появилось влажное пятнышко. Наступила напряженная тишина.

— Я... кажется... у меня... получается...

Мы с Хеликсом ждали.

Внезапно что-то в глубине меня отвратительно вывернулось наизнанку. Я чуть не упал, потрясенный этим, и изо всех сил попытался выкинуть это — чем бы оно ни было, — вон. И в глубине моего сознания раздался затухающий вдали ужасный вопль Уолли. А затем слабый треск, будто порвали тряпочку. Это было ужасно.

Я отшатнулся и, задыхаясь, оперся о токарный станок. Хеликс стоял там, где я выпустил его. Бока его ходили ходуном.

Затем Хеликс встряхнулся и подошел по столу ко мне.

— Ну, — сказал он, глядя мне прямо в глаза, — вот Они и заполучили твоего дружка.

— Хеликс! Как ты узнал об этом?

— Ну, почему ты всегда так глуп, Пит? Я все время знал об этом. Немного поясню тебе, раз так хочешь. Это лишний раз докажет тебе, что человек на самом деле очень, очень тупое существо.

— Валяй, — сказал я, проглотив очередное оскорбление.

— Мы с тобой были лишь частью отлично продуманного двойного креста. — Он довольно хихикнул. — Грегори был прав, предполагая, что я не могу подслушать его разговоры с тобой — это, кстати,

очень меня раздражало. Я знал, что тут что-то не так, поскольку не верил, что вы так улучшили меня только ради вашего стремления к совершенству. Но... их слушал еще кое-кто и знал все.

— Еще кое-кто?

— Конечно. Ты забыл про Них? Им было очень интересно быть в курсе происходящего, чтобы прикидывать возможности заполнения нашего общего друга, мистера Грегори. Будучи более низкоуровневыми духами, они без труда связались со мной. И попросили, чтобы я выкинул душу мистера Грегори Им на растерзание. — Он злобно рассмеялся. — Но я слишком много получал от него. Посмотрим, каким прекрасным я получился созданием! И я велел Им работать в режиме ожидания, чтобы Они имели возможность добраться до Грегори лишь тогда, когда я использую его до конца, но не раньше. Они сделали, как я сказал, потому что я обещал им то, чего Они жаждали. Вот почему они не вмешивались во время предыдущих переходов.

— Ну, ты и скотина! — вспыхнул я. — Ты планировал это после всего того, что Уолли сделал для тебя?

— На твоём месте я бы не стал его защищать, — строго сказал кот. — Он собирался надуть и тебя. Я все знаю об этих заменах душ: он и не пытался скрыть это от меня. Сначала он был искренним, говоря об использовании моего тела, но потом не смог сдержать мысли, что твоё тело послужило бы ему гораздо лучше. Хотя мне непонятно, почему он предпочёл его моему... Ну, ладно. Это неважно. Однако, идея его была в том, чтобы перейти из бутылки в меня, а затем сразу в тебя. Вот почему он велел тебе держать меня крепко — ему был нужен хороший контакт между нами тремя.

— Как... Откуда, черт побери, ты это узнал?

— Он сам рассказал мне. После того, как я достиг удовлетворительного этапа развития, я сказал ему, что стал разумным. О, да, я одурачил его, чтобы он развил во мне способности к коммуникациям! Он-то считал, что развивает заложенную в меня страсть к алкоголю. Однако, к тому времени, когда он зафиксировал разум, тот был уже достаточно хорош, чтобы я мог с ним переговариваться. Если бы он прошёл чуть дальше, я стал бы способен общаться с тобой телепатически. Во всяком случае, он немного остыл, узнав моё мнение насчёт его планов, и понял, что у него никогда не будет шансов занять моё тело. Тем не менее, я предложил ему объединить усилия для вселения его в *тебя*.

— В *меня*? — Я подвинулся чуть ближе к выдвижному ящику стола. — Продолжай, Хеликс.

— Ты понимаешь, зачем я это сделал, не так ли? — холодно спросил он. — Мне бы не хотелось, чтобы его свободная душа порхала

поблизости и могла бы изменить обратно все то, что он сделал во мне. И если бы он вошел в тебя, то обратной дороги у него бы уже не было — об этом позаботились бы Они, — и он получил бы то, что хотел. Идеальная расстановка сил. Ты даже не подозревал об этом плане, так что у него была хорошая возможность поймать твою душу без всякой защиты и изгнать ее из тела. Он знал, как сделать это. К сожалению для него, твоя душа оказалась слишком шустрой. Так что, в итоге, это *ты* убил Уоллеса Грегори, но не меня. Аккуратненько сработано, да?

— Да, — медленно проговорил я, доставая из ящика стола револьвер и прицеливаясь ему прямо между глаз. — Очень аккуратненько. Раньше я думал, что буду об этом жалеть. Но теперь понял, что не стану.

Я сделал глубокий вдох. Хеликс не шелохнулся. Я четыре раза нажал на курок, потом осел обратно на свое место. Напряжение было слишком велико.

Хеликс потянулся и зевнул.

— Я знал, что ты попробуешь что-то в этом духе, — сказал он. — Так что позаботился разрядить твое оружие до начала эксперимента. Я слишком хорошо знаю тебя.

Я швырнул в него пистолет, но был слишком медлителен. Он молнией вылетел из лаборатории и понесся к наружной двери. Подпрыгнув к ручке, он открыл дверь и исчез, прежде чем я сделал хотя бы пару шагов.

После этого был беспокойный период — в истерике я делал все, что только мог — расклеивал объявления о пропаже кота, носился по улицам взад-вперед, заглядывал во все закоулки. Но Хеликс, которого я преследовал, был *котом*, и даже не просто котом, а котом, который *не хочет*, чтобы его поймали.

Я удивлялся, зачем он решил взломать сейф?

Впрочем, нет, не удивлялся. Я знал, как работают у него мозги. Четко и энергично. У него были планы относительно себя... Впрочем, можете быть уверены, что я не ошибаюсь, — планы относительно всех нас, людей. Было в истории Человечества несколько личностей с холодным, логичным умом, живущие лишь настоящим, как кошки, и Человечество получило от них несколько тяжелых уроков. Но это были всего лишь люди. Никто из них не был котом.

Возможно, Хеликс сделал сначала пару попыток переманить кого-нибудь на свою сторону... не знаю. Но он был достаточно умен и понимал, что может использовать при этом лишь один инструмент — деньги. И кто знает, как стал бы он действовать, появившись у него деньги. Он мог бы писать письма, мог бы связываться, с кем

нужно, по телефону. Он мог бы создать смертоносную, эффективную тайную организацию, самую ужасную из всех, что мы с вами могли бы вообразить.

Ну, ладно... Ничего этого он уже не сделает. Что же касается меня, я снова зароюсь в исследования. Было бы неплохо получить патент за гибкое стекло, но, ради всего Человечества, я не стану этого делать. Займусь чем-нибудь другим.

Но Хеликс... Черт побери, я скучаю по нему.

Helix the Cat, (Впервые опубликован в: «Astounding: John W. Campbell Memorial Anthology», 1973)

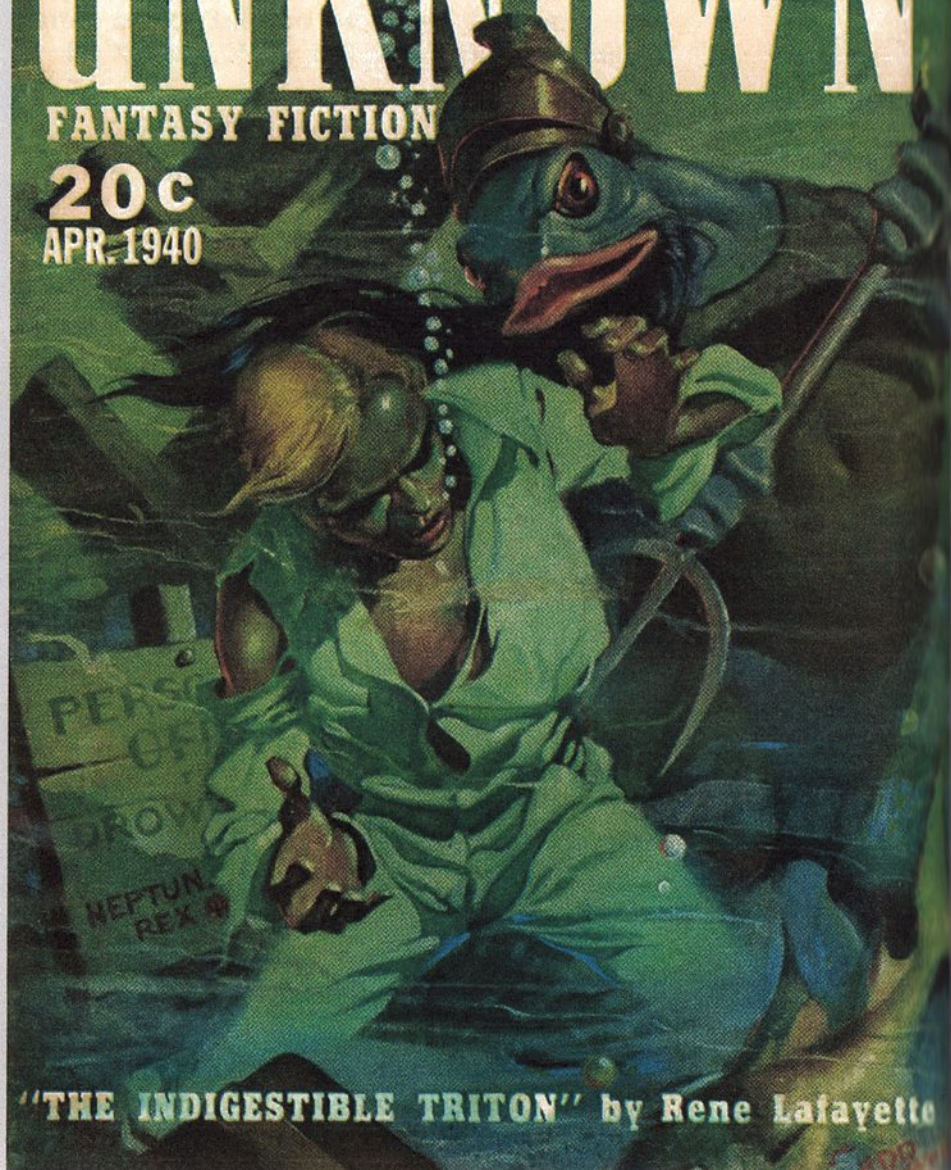
STREET & SMITH'S

UNKNOWN

FANTASY FICTION

20c

APR. 1940

"THE INDIGESTIBLE TRITON" by Rene Lafayette

ТУДА-СЮДА

— Почему вы сидите здесь один, в этой маленькой комнатке? — спросил незнакомец.

— Я уже не один, потому что появились вы, — ответил я.

Его здесь не было час или даже минуту назад, но я не удивился. Потому что это был именно тот человек, и никто другой.

— Но почему вы сидите здесь, глядя на белый листок бумаги в вашей пиш.машинке, тянете рукой себя за ухо, а другой — за волосы? — спросил он.

— Потому что я — тот, кто пишет истории, чтобы их читали другие люди, — сказал я. — Но сейчас я не пишу, потому что не могу ни о чем думать. Это вселяет в меня недовольство, вот я и тяну себя за ухо и за волосы. Все слишком туманно.

— Все туманно, — повторил незнакомец и некоторое время глядел на меня. — Истории, которые вы пишете, правдивые?

— Нет, — сказал я. — Я никогда не писал правдивых историй. Людям не нравятся правдивые истории. Им нравится только то, что похоже на правду. Нужно быть очень умным, чтобы написать правдивую историю так, чтобы она только казалась правдивой. А я не такой умный, поэтому должен полагаться на свое воображение.

— А-а... — протянул он, словно понял меня, и это было странно, потому что я сам себя вряд ли понимал. — Я расскажу вам историю, — продолжал он. — Но это правдивая история, ей нужно верить. Если я расскажу вам историю, вы поверите ей?

— Если это хорошая история. Мне не важно, правдивая она или нет, — сказал я. — Если вера — цена, которую я должен заплатить, то я с удовольствием ее заплачу.

Я вставил в машинку чистый листок бумаги, установил поля, закурил сигарету и поглядел на него.

— История правдивая, — повторил он.

И начал рассказывать.

Вот то, что он рассказал:

Я шел по миру, занимаясь своей работой, когда мое внимание привлек человек по имени Макилхейн Тобин, тщеславие которого было феноменальным. Оно было несчастно и неизлечимо, потому что совершенно оправданно. Он и в самом деле был выдающейся личностью. Он не нуждался в моей помощи, так как обладал острым умом, но когда я все же предложил ему помощь, он исполь-

зовал ее в своих интересах, поскольку был одним из тех, кто не упустит ни одной возможности для упрочнения своего положения. Я не предлагал ему это, как и все те, кого он использовал в прошлом. Но он чувствовал, что может взять любые обстоятельства и скрутить из них что-то, имеющее значение для него. И в этот раз он был введен в заблуждение лишь потому, что у него не было еще подобных прецедентов.

Он занимался большими исследованиями, и деяния его доказывали его превосходство.

— Я человек, — сказал он, — который никогда не совершал ошибок.

— Это не правда, — сказал я ему. — Совершенство — неестественная штука, она выступает против законов, которые нельзя нарушать. Вы существуете и вы совершенны. Тут и кроется ваша ошибка.

Он бросил на меня взгляд над своим столом, похожим на равнину.

— Я никогда не видел вас прежде, сэр, — сердечно сказал он. — Я не заметил, как вы вошли в кабинет и сели в кресло, но я не поражен. Добро пожаловать.

— Спасибо, — сказал я. — Я никого не поражаю. Вы гордитесь собой?

— Да, — ответил он и улыбнулся.

Это был великолепный мужчина с большой квадратной челюстью и большими серыми глазами. Волосы его походили на полированную платину, и из него так и выпирала энергия.

— У меня есть все, что я хочу, включая и страсть к вещам, которые могу и не иметь. Я совершенен, я постоянно развиваюсь, и потому весьма доволен собой.

— Вы безжалостны, — сказал я.

Он улыбнулся и махнул рукой.

— Я всего лишь логичен.

— Вы заплатили за все, что сделали?

— Да. Каждый должен расплачиваться. Это тоже логично.

— Значит, вы в самом деле гордитесь этим?

Никто не может сердиться на меня, но если бы это было возможно, то он бы разъярился.

— Есть у меня один позорный момент, — тихо сказал он. — Но он включен в разумный ход событий, и даже такие, как я, должны подчиняться обстоятельствам. Мне остается лишь сожалеть, что я не могу управлять всем. Моя личность столь упорядочена и методична, как только возможно, но все же мне приходится лавировать среди дураков, чья глупость заставляет их полагать, будто у их жизни есть цель, которая не может пойти мне на пользу.

— Выходит, вы стыдитесь своего проявления человечности. Ни один человек не может достигнуть просветления и оставаться человеком... без моей помощи.

Он поднял свои седые брови.

— Что такое просветление?

— Полное удовлетворение. А теперь я задам вам вопрос: вы согласны, что существует просветление?

Он уставился на свои руки.

— Для меня это была бы... это была бы власть. Полный контроль над всей Вселенной. Если бы я мог получить уважение от всего в прошлом, настоящем и будущем, живой, еще не живой и уже мертвый, как получаю его теперь от моей собственной личности, то я был бы полностью удовлетворен.

— Значит, вы хотите этого?

Долгое время он молчал, раздумывая.

— Нет! — внезапно сказал он. — Это было бы *самое лучшее*. Я мог бы не бороться с дураками и больше не упиваться в одиночку своими успехами. Но сейчас у меня больше власти, чем та, что предлагаете мне вы, поскольку, если бы для меня было все возможно, то я потерял бы все стремления. Это была бы такая потеря, какую я и представить не могу. А какая власть есть у вас?

— Никакая, — сказал я ему, — кроме возможности даровать власть. Но это должен быть ваш выбор.

— Выходит, желания?

Я кивнул.

— Да, три желания — и они должны быть сокровенными до последней буковки.

— Я слышал о том, что вы делали, — сказал он. — О вас во многих краях слагают легенды. Но почему вы неизменно дарите три желания дуракам?

— А других я и не встречал.

Он громко рассмеялся.

— Даже такой, как вы, — сказал он, наконец, вытирая глаза, — должен приобретать новый опыт. И сейчас вы приобретете его. Вы вы-

THE SHUTTLES

by THEODORE STURGEON

A very logical—and very unpleasant—little story based on the old fairy tale. He had three wishes. He was very clever. He would escape all penalties—

Illustrated by Pissel

полните три моих желания и поймете, что я не дурак. Вы сможете даже узнать кое-что о себе.

– Я не личность, а инструмент, – сказал я Макилхейну Тобину.
– Я могу узнать о себе не больше, чем красивый нож для бумаг, украденный из Британского Музея. У меня есть функция, и я выполняю ее.

– А каков тогда ваш источник? Для кого вы делаете эту работу?

– Это уже за пределами моих возможностей. Может, я тоже являюсь украденным инструментом, а может, я и есть тот источник. Вы хотите познать непознаваемое. А это не похоже на вас.

– Touché *. Вы дадите мне время обдумать желания?

– Желания ваши, можете использовать их как вам угодно и когда угодно. Я всегда буду готов.

И я покинул его. Он долго сидел, глядя на пустое кресло по другую сторону своего громадного стола. Затем рассмеялся и отправился спать.

Макилхейн Тобин был чрезвычайно дисциплинированным человеком. Он не позволил моему визиту помешать его повседневной жизни. Он трудился в своей корпорации, проводил конференции и совещания, играл в гольф, словом, все как всегда. Но он все время думал. Он думал о власти, к которой всегда относился с уважением. Частенько он думал о себе и о том, какую власть имеет он в мире. Иногда он думал обо мне и откровенно задавался вопросом, было ли мое появление наградой, проверкой или наказанием.

Долгие часы он проводил за книгами и покупал все больше книг. Он читал легенды и мифы, сказки и фольклор, изучая то, что делали другие с моими тремя желаниями. Иногда он громко смеялся, иногда же хмурился и кусал губы.

Были люди, которые не казались дураками, но все равно, в конечном счете, проигрывали со своими желаниями. Они либо были возвращены в исходное состояние, либо просили нечто такое, с чем не могли справиться, и сходили с ума. Некоторые оказывались философами и говорили, что теперь будут рады вырастить собственный сад. Казалось, не было никаких подвохов в моем исполнении трех желаний. Однако, всем, без исключения, оно причиняло обычно ужасный вред.

Размышляя над этим, Макилхейн Тобин с мрачным видом кусал губу. И раздумывал, как меня обмануть. Вряд ли это справедливо, подумал я, ведь это будет его выбор, а не мой. И мне стало инте-

* Touché – туше (франц.). Означает «укол», фехтовальный термин (прим. перев.)

ресно, хватит ли у него ума для этого. Ведь никто никогда не делал такого прежде.

Это было за два года до того, как Макилхейн Тобин был готов к встрече со мной. К тому времени он сформулировал тысячи желаний и тысячи же отбросил. Я понял, что он готов, по тому, что он начал страдать.

— Могу я поговорить с вами прежде, чем объявлю свои желания? — спросил он, когда снова увидел меня.

— Конечно.

— Когда вы будете выполнять мои желания, будут ли они выполняться в полном объеме? Например, если я пожелаю стать птицей, стану ли я точно такой же птицей, как и все остальные, или буду чем-то отличаться?

Я улыбнулся.

— Макилхейн Тобин, вы первый человек, который когда-либо задал мне этот вопрос. Да, вы бы отличались, поскольку у вас нечто, чем обладают все люди, нечто, не подвластное ни вам, ни мне. В вас есть небольшая частичка, полностью ваша, но все же отличающаяся от вас. Она может наблюдать и испытывать чувства, но лишь с вашей точки зрения, как и вы сами. Она не хочет, не станет и не может управлять вами или любой частью вас. Это нечто, что создали вы сами, нечто, чего никто из нас не может коснуться, изменить или уничтожить. И кем бы вы ни захотели стать, это нечто перенесется вместе с вами.

— Так я и думал. Это душа, да?

— Не знаю. Я ничего об этом не знаю. Я могу лишь выполнять ваши желания. И если вашим первым желанием является узнать...

Он покачал головой.

— Нет. Вовсе нет.

— Вы и в самом деле удивительный человек, Макилхейн Тобин.

— Это точно. Скажите, а могу ли я отложить на будущее одно, два или все три желания?

— Конечно, они же принадлежат вам.

— И они могут выполняться последовательно, второе после завершения первого?

— Да.

Осторожный же он человек!

Мгновение он помолчал, глаза его блеснули.

— Как человек может избежать расплаты за свои действия? — внезапно спросил он меня.

— Умерев.

— Н-да... — протянул он. — Хорошо, я готов изъяснить свои желания.

Я ждал.

— Желание первое. С той секунды, как я проснусь завтра утром, и до той, когда засну завтра вечером, я хочу полного повиновения всех моих собратьев, полного преобладания моих желаний над их собственными.

— Принято.

— Желание второе. Я хочу полного освобождения от расплаты любого вида за мои поступки в течение этого времени.

— Вы и в самом деле экстраординарный человек, Макилхейн Тобин. Значит, вы хотите умереть?

— Ни в коем случае, — хихикнул он. — Видите ли, завтра я постараюсь сделать что-то такое, что отсрочит расплату в виде смерти. — И он тихонько рассмеялся.

— Вы полагаете, что это ловкий ход? Вы использовали лишь два желания и все же получаете то, что другие сформулировали бы в целом десятке. У вас могут быть власть, богатство, слава, неуязвимость, месть — все, что захотите. Прекрасно! Но почему вы ограничиваете себя лишь одним днем?

— Потому что я могу построить планы лишь на день вперед. Планирование более длительное, что на этот период, оставило бы больший простор для искажения планов случайностями. Но на один день у меня будет все, что я смогу когда-либо захотеть.

— Но, предположим, вы проживете лишь неделю или две после этого дня. Вы подумали об этом?

— Да. Мое второе желание принято?

— Принято. А третье?

— А третье я прошу отложить.

— Ага! Вы хотите обезопасить себя третьим желанием. На какой срок?

— До послезавтра.

— Принято. Если вы сочтете выгодным вернуться к вашему текущему состоянию или продлить власть и жизнь на неопределенно долгий срок, вы это получите. Я могу вас поздравить?

Он принял поздравления чуть заметным наклоном своей большой головы.

— Могу я задать еще один вопрос?

— Конечно.

— Я знаю, что завтра буду свободен от расплаты. Но как это будет осуществлено?

— Если расплатой за то, что вы сделаете, может быть лишь смерть, то ее просто заменят на лишение свободы.

— А это...

— Не знаю. Я могу лишь исполнять ваши желания.

– Отлично. Тогда до свидания, – сказал Макилхейн Тобин уже пустой комнате.

Тобин проснулся, полный сил. Приятный был вечерок, подумал он, и удивился, что вообще смог спать после этого. Потому что сегодня был его день.

Тихо вошел Лэндис и раздернул шторы, чтобы впустить в комнату утреннее солнце. Затем взял поднос и принес его на широкую кровать Тобина.

– Шесть часов, сэр.

Лэндис стоял и ходил с таким видом, словно его спина была обмотана колючей проволокой. Единственной черточкой, отделяющей его подбородок от шеи, был безупречный маленький галстук, что ни в коем случае не умаляло его достоинство дворецкого.

– А-а, Лэндис. Прекрасно! – Тобин глядел, как ловкие руки дворецкого наливали кофе в хрупкую чашечку, обрамленную серебром. – В акциях «Синтетической резины» были подвижки?

– Согласно агентству новостей, сэр, они поднимутся на один и семь восьмых пункта, когда утром откроется биржа. Мистер Крилл, наш агент среди брокеров, дал неверную информацию.

– Ладно. Я поговорю с мистером Криллом. – Тобин не терпел ни малейшей небрежности со стороны брокеров, которые должны были сообщать ему все новости о ночных событиях. – Что-нибудь еще?

– Ночью немецкая армия начала новое наступление. Были потоплены еще три корабля. Президент предложил, не для прессы, собрать специальную сессию Конгресса. В Токио...

– Остальное неважно. Сегодня утром я буду занят множеством личных дел. Как там с Грутом?

– Мистер Грут был найден мертвым час назад, сэр. Самоубийство. Тобин счастливо закудаhtал.

– Как жаль. Придется мне принять на себя его дела. Еще что-нибудь?

– Это все, сэр.

– Э-э... Лэндис... Ты ведь ненавидишь меня в глубине души? Дворецкий дернулся.

– Но, сэр...

– Говори правду, – очень мягко сказал Тобин.

– Да, ненавижу. Вы самый хладнокровный негодяй в мире. С тех пор, как я работаю на вас, я видел много акул, но вы праотец всех их.

Тобин легонько рассмеялся.

– Работает, Лэндис. Забудь этот инцидент. Моя ванна готова?

— Ваша ванна готова, сэр, — ответил Лэндис, как ни в чем не бывало.

— Отлично. Можешь идти.

— Слушаю, сэр.

Тобин откинулся на подушки и захихикал. Значит, все действует. Он потребовал правду и тут же ее получил. Просто так Лэнлис никогда не позволил бы себе признаться в этом. И уж тем более, не забыл бы. Тобин знал, что дворецкий навсегда утратил бы свое достоинство. Но ему было велено забыть, и он забыл. Все еще улыбаясь, он пошел наслаждаться ванной.

Потом он выбрал мягкий серый костюм — он мог позволить себе носить пиджаки без вставных плеч и все равно выглядеть мощным и широкоплечим. Светло-серую рубашку, и, поскольку помнил, что сегодня предстоит совершить убийство, выбрал темно-фиолетовый галстук и удобную обувь. Фетровую шляпу, бамбуковую трость и кольцо. Все. Он был великолепен.

— Автомобиль, сэр? — спросил Лэндис.

— Я пойду пешком, — и он вышел из дома, оставив дворецкого потрясенным таким вопиющим нарушением привычек.

Нужно не забыть вечером велеть Лэндису вспомнить его милое утреннее признание — этот дурак, вероятно, рухнет замертво.

Тобин пошел на угол и остановился у светофора, ожидая зеленого света и наслаждаясь утренним воздухом. К нему тут же подкатил какой-то сутулый молодой человек.

— Мистер, похоже, вы направляетесь на Уолл-стрит...

Тобин холодно глянул на него.

— Могу вам сказать, что я тоже инвестор и вкладываю деньги в Зеленую Ночлежку Макгинниса в двух кварталах отсюда. Но сейчас я оказался в трудном положении, так что не могли бы вы ссудить мне десять центов? Вам это ничего не стоит, а я бы почувствовал себя богаче. Как вы считаете?

Тобин рассмеялся и хлопнул его по плечу.

— Оригинальный ты попрошайка! —

Он поглядел на оборванца уже с любопытством. Он мог бы прикончить и его, эта шваль ничем не лучше других.

— Ты можешь кое-что сделать для меня?

— Конечно, босс. Несомненно. Вы только скажите.

Тобин так и думал.

— Вон, смотри, видишь, большой тягач, остановившийся на светофоре? Беги к нему и ляг под колесо. Вперед!

Глаза попрошайки остекленели, и он отправился делать то, что ему велели. Тобин пошел дальше, довольный собой. *Его жизнь*

жалка по сравнению с моей, — думал он на ходу. — Наверное, мне нужно найти кого-нибудь более достойного...

Пронзительный крик позади даже не заставил его сбиться с шага. Расплатой должны были стать ужас и стыд — но сегодня он ни за что не платит.

Любопытство, тем не менее, сделало то, что не смог стыд. Было бы неприятно, если бы парень провалил задание. Тобин остановился и обернулся. Как он и ожидал, вокруг грузовика собралась толпа, а затем он увидел полицейского, державшего попрошайку. Парень отбивался и пытался вернуться к грузовику, но его крепко держали. Конечно! Какой-то идиот заметил его и вовремя вытащил из-под колес. В Тобине вспыхнул гнев. Гнев и ненависть могут любого заставить надеть глупостей, только не Макилхейна Тобина. Он тут же взял себя в руки. Впереди еще целый день. Он повернулся и пошел к деловому кварталу.

— О Боже! — воскликнул я, отнимая пальцы от клавиш. — Как же вы можете жить спокойно, давая возможность людям творить такое?

— Зачем вы должны писать истории? — спросил меня собеседник.

— Ну... чтобы продлевать свое существование. Но вы...

— То же, — кивнул он, — чтобы продлевать свое существование. Так что какая разница? Не хотите ли вина?

— Да, спасибо.

Он протянул маленький хрустальный бокал, коснулся им моей руки, и тот внезапно стал полным вина. А на... на моей руке возникло бледное пятнышко.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал я.

— Сайкс! — позвал Тобин, появившись в своем офисе.

— Да, сэр.

Сайкс не станет помехой, тут же понял Тобин, исполняя приказы точно так же, как и всегда.

— Свяжитесь со всеми доступными брокерами Фондовой биржи. Соберите их здесь в десять утра. Мисс Тригг! Составьте бумаги для всех людей, которых приведет сюда Сайкс, по которым они передают мне в полное владение все свои счета, и имущество, частные и корпоративные. Мисс Беттередж, прочитайте мою почту, кроме личных посланий. Мисс Уиллис, прочитайте личные письма. Филипп, сними прибыль с 227, 89 и 812 и вложи все в «Синтетическую Резину». Она сегодня поднялась на два пункта. Я сыграю на этом. Сайкс! Где, черт возьми... О, нет, я не хочу видеть никого, кроме Крилла. Позвоните Терстону и Гринблатту, скажите

им «нет». Фаррел! Где... Правильно, Сайкс! Спасибо. Поощрите Губера, но дайте ему на десять долларов в неделю меньше, чем Фаррелу. Все по местам!

День, как всегда, начался гладко.

Оставшись один в кабинете, Тобин скинул с плеч пальто и бросил шляпу, но не успели они упасть на ковер, как были подхвачены вездесущим Сайксом.

— Еще что-нибудь, сэр?

— Да. Пойдите к черту. Минутку! Не относитесь серьезно к моим словам. Просто шевелитесь. Вы теперь работаете на самого богатого человека с сотворения мира. Двигайтесь, двигайтесь!

Коммуникатор осторожно кашлянул.

— Ну?

— К вам едут семьсот двенадцать членов Фондовой биржи. Остальные недоступны или отказались приехать без дополнительной информации.

— Отказались? Отказались?! Передайте им, что, если они немедленно не появятся здесь, весь финансовый мир разлетится ко всем чертям. Скажите, что я посвящу их во все подробности, когда они придут сюда. Это напугает их. Они меня знают.

— Да, мистер Тобин. Мистер Крилл ожидает вас.

— Крилл, да? Пусть немедленно входит.

Брокер оказался стройным человеком с широким лбом и маленьким острым подбородком. Был он весь какой-то бесцветный — бесцветная кожа, бесцветные глаза, руки. Он прошел через кабинет и оперся руками о стол Тобина.

— Ладно, Тобин. Я беру их, у вас кругом слишком много нюхачей. Я знал, что вы все разнохаете.

— Тогда почему вы заявили неправильную стоимость акций «Синтетической»?

— Я рассказал бы вам, и вы бы поняли, если бы были человеком.

— К сожалению, Крилл, сегодня я тем более не человек, — улыбнулся Тобин. — Но все же, расскажите мне.

— Я давно положил глаз на «Синтетическую Резину». Я не знал, что ею управляли вы, иначе бы к ней и не притронулся. Я получил подсказку и вложил в нее весь капитал «Объединенных Благотворительных Учреждений» до последнего цента. Это десятки организаций, которые заботятся о нищих, больных и стариках. В свое время я сделал для «Объединенных» чудеса, выгодно вложив их деньги. Я не думал, что перейду вам дорогу, и решил, что получу достойную прибыль нынче утром, прежде, чем вы обратите на это внимание. Вам я объявил о более низкой цене в надежде, что вы больше ни от кого не получите информацию. Я проиграл.

Теперь я не смогу нажиться на этом. Но вы можете сдерживать падение цены, чтобы я вышел из дела без особых потерь. Так как вы поступите?

– Нельзя делать бизнес, основанной на лживой информации, – сказал Тобин и щелкнул коммуникатором.

– Да, сэр? – сказал коммуникатор.

– Свалите акции «Синтетической».

– Да, сэр.

Крилл не тронулся с места.

– Восемьдесят тысяч больных и детей, Тобин... они пострадают, если вы сделаете это. Я ошибся, надеясь на вас.

– Теперь вы собираетесь покончить жизнь самоубийством, Крилл? – деловито спросил Тобин.

– Что...

– Ответьте мне!

– А что мне еще остается?

– Крилл, есть кое-что, что я попытался нынче утром, но мне не удалось. Я вынужден буду попробовать еще разок. Это можете быть и вы. Никто не может сказать, что я не помог человеку в затруднительном положении. Крилл, я не хочу больше видеть вас в своем кабинете. Выйдите в приемную и умрите. Вперед!

Крилл кинул на него странный взгляд и скривил губы. Затем очень тихо закрыл дверь за собой.

Несколько минут Тобин рисовал в блокноте пересекающиеся круги. Затем коммуникатор тихонько загудел.

– Да?

– Мистер Тобин! Мистер Крилл только что упал в приемной.

– Тц-тц!.. С ним все в порядке?

– Он... Он умер, мистер Тобин.

Тобин выключил коммуникатор и рассмеялся. Как хорошо! Он не первый человек, обманувший смерть, подставив ей другого клиента.

– Сайкс!

Секретарь возник в кабинете, как чертик из табакерки.

– Мистер Тобин, я... Я случайно услышал, что вы сказали мистеру Крилли. Это... это странно... – Он вытер рукой лицо, напоминая кролика. – Вы сказали ему и... и он... О, Боже!

Это уже раздражало.

– Сайкс, вы ничего не слышали и не помните. Понятно?

– Вызывали меня, мистер Тобин? – невыразительно спросил Сайкс.

Тобин кивнул, больше себе, чем Сайксу.

– Сколько работников биржи уже собралось?

– Около тысячи ста, сэр. Боюсь, это все. Остальные вне досягаемости либо готовы рискнуть, не приехав к вам.

– Гм-м... Возьмите бумаги и измените в графе «передача собственности» с девяносто до сотни процентов для всех, кто решил уклониться от явки. Идиоты... Дозвонитесь до всех, подключите их к линии конференции. Я буду говорить с ними.

– Да, сэр.

– Затем спуститесь в зал и скажите тем, кто приехал, чтобы они сохраняли спокойствие, пока я не появлюсь.

Оставшись один, Тобин улыбнулся самому себе. Дела шли превосходно. Здесь все должно закончиться к двум часам пополудни, и у него еще будет весь вечер. Можно было сделать много забавных вещей... Зазвонил телефон.

– Конференц-вызов, сэр.

– Сколько на линии?

– Шестьсот двадцать четыре, сэр.

– Хорошо. Этого будет достаточно. Соединяйте.

Соединение тут же было установлено.

– Приветствую всех... Я Макилхейн Тобин, Нью-Йорк. Я хочу, чтобы все вы уделили мне полное внимание. Не отвлекайтесь. Сейчас вы все подпишите документы на передачу мне ваших капиталов, личной собственности и предприятий. Я хочу получить их, подписанными и надлежащим образом оформленными по почте в течение двадцати четыре часов с настоящего момента. Мне не нужно пытаться убеждать или угрожать вам. Вы сделаете все, как я сказал, потому что хотите и должны это сделать. Вы не позволите никаких задержек или изменений в документах. Те из вас, кто желает, могут попросить места в моей организации. Оплата будет назначена по заслугам. Это все. Отложите все дела и займитесь тем, что я сказал.

Он положил трубку и связался с коммутаторной.

– Включите мне громкую связь с залом.

По громкоговорителю Тобин повторил свое сообщение. Больше тысячи человек молча разъехались по своим домам и офисам, чтобы тут же начать лишать себя собственности.

– У меня еще не появлялось такой простой идеи, – счастливо пробормотал Тобин себе под нос. Давай-ка, прикинем... осталось примерно сто тридцать человек, которые не получили мое сообщение. Это означает, что у меня больше тысячи семисот мест на Бирже. Этого, думаю, достаточно, чтобы прижать к ногтю любых несогласных. Сайкс!

– Мистер Тобин?

– На нас сейчас хлынет поток очень ценных писем. Удвойте работников в офисе и приготовьте план слияния предприятий, которые будут переданы мне. Пусть он будет готов как можно скорее. Двух недель должно быть достаточно. Сайкс, всех по местам!.. Пусть разбирают приходящие бумаги.

Ну, с этим все. У Тобина была организация, достаточно сильная, чтобы отразить любое сопротивление, и лучшие умы в сфере бизнеса работали на него. Теперь он станет владеть всей финансовой структурой США возьмет мир за глотку. Этого было достаточно, чтобы обеспечить его приятными занятиями на ближайшие десять тысяч лет. А третье желание... завтра он пожелает бесконечную жизнь, которую можно прервать лишь его собственной рукой. Это нужно сделать. Но завтра – у него должно быть время для принятия окончательного решения. Он должен сформулировать все так, чтобы исключить болезни, несчастные случаи и все такое – он ведь уже далеко не молод. Ладно, на этом можно поставить точку.

К трем часам он завершил все дела и оставил Сайкса заниматься деталями.

И снова Макилхейн Тобин отказался от машины, оставив Сайкса еще более удивленным, чем Лэндиса. Шел он неторопливо, озираясь, ища, как еще можно позабавиться. Кафетерий показался ему хорошим местом. Тобин вошел и заказал чашечку кофе. Он всегда ненавидел кофе в кафе, но сегодня все было иным. Даже его желудок не мог наказать Тобина за это.

Он развернул свежую газету и стал просматривать страницы. На внутренней полосе ему попала на глаза маленькая заметка: «Рудольф Крилл, брокер... Корпорация Тобина... Сердечная недостаточность...». Тобин захихикал. Завтра это не попало бы даже на внутренние полосы. Только не тогда, когда «Объединенные Благотворительные Учреждения» сдуло, как ветром. Хорошая шутка. Сердечная недостаточность. Ну, Крилл...

Но улыбка тут же застыла на его широком лице. Сердечная недостаточность? С каких это пор стало уголовно наказуемым деянием – для другой стороны? Разумеется, это было самоубийство. Крилл просто пожелал умереть. Но... Это же не убийство.

Тобин встал и бросил чашку на пол. Потом прошел мимо пораженного кассира, который попытался сказать: «П-пожалуйста, з-заплатите...»

– Успокойся! – сказал Тобин, даже не повернув к нему головы, и пошел дальше.

Ничего еще не сделано. Он должен кого-нибудь убить – или лишиться свободы в качестве наказания.

Вообще, чья это идея — присуждать смертную казнь за убийства? Высокоразвитая цивилизация... Тобин фыркнул. Если вы убьете человека достаточно умным способом, то вообще не будет никакой расплаты. Общество делает это без всякой расплаты. Например, армии во время войны... Тобин почувствовал нарастающую ярость. Он считал, что раз и навсегда освободился от человеческих глупостей. И вот теперь, даже со своей сверхчеловеческой властью, он вынужден был опуститься до уровня обычного человека — преклониться перед идиотизмом. Он должен кого-то убить так неуклюже, чтобы это было сразу обнаружено, и полиция вышла на него. Он немного ускорил шаг. Время поджимало. Он впустую потратил часы...

Возможность, как всегда, представилась сама собой. Перекресток оживленной улицы, такси, ринувшееся поперек движения, чтобы развернуться, человек, стоящий на обочине...

Тобин толкнул его. Это было не так, как утром. На этот раз колеса машины крутились быстро. На этот раз была кровь и переломанные кости. И ужасная секунда тишины, прежде чем толпа закричала. На этот раз Тобин не стал отворачиваться. Человек точно был мертв. Нельзя раздавить дождевого червяка и ожидать, что он останется жив.

Полицейский заносил в блокнот имена свидетелей и их показания. Тобин пробился к нему и коснулся плеча стража закона.

— Офицер, это сделал я. Я толкнул его.

Полицейский сдвинул фуражку на затылок и уставился на него.

— Ну да. А также и я. Пятьдесят человек видели, что он просто споткнулся и попал под машину. Так что лучше иди домой, приятель, и проспись. Давай-давай, мне нужно работать.

И он отвернулся.

Слегка ошеломленный, Тобин прошел три квартала, прежде чем понял, что должен заставить полицейского поверить ему. Он уже вернулся к толпе на перекрестке, но тут понял, что тогда полицейский был бы вынужден арестовать его для допроса. А сам арест был бы наказанием, поэтому полицейского что-нибудь остановило бы. Ведь Тобин неуязвим для наказаний.

Тобин устало оперся о фонарный столб и попытался думать. Все убийцы делают фатальные ошибки, и он явно никакое не исключение. Теперь он это знал точно. Но что бы он ни сделал, кого бы ни убил и каким способом, он будет огражден от наказания. Должен же быть какой-то выход!

Нужно попробовать еще раз. Он должен продолжать попытки, прежде чем не сумеет совершить беспорное убийство.

На следующем углу другой полицейский занимался регулировкой движения. Тобин подошел к нему и выхватил у него оружие из кобуры. Полицейский никогда не допустил бы такое, если бы не авария на противоположной стороне — столкнулись седан и автомобиль-купе. Полицейский побежал туда, а пистолет остался у Тобина. Тобин бросился за ним и вытащил у него запасную обойму. Никто этого не заметил...

Затем Тобин выбрал другой оживленный перекресток и свою жертву — молодого человека с портфелем. Тобин выстрелил в него четыре раза с расстояния в двадцать футов. Тот закричал и упал, схватившись за грудь. К нему подбежали люди. Какой-то идиот

столкнулся с Тобином, и при этом выбил у него из руки пистолет. Другой человек поднял его. Приехала полиция и арестовала этого человека. Никто не видел, как стрелял Тобин. Жертва закричала, и только тогда люди увидели, как он падает. Тобина затерла толпа, в то время, как карета скорой помощи и тюремный фургон, вопя сиренами, уехали прочь.

В парке, ссутулившись на скамейке, сидел совершенно иной, не похожий на прежнего, Тобин. Куда делись его внушительный вид, широкая улыбка и мощный разворот плеч? Тобин Макилхейн мог сегодня ничего не бояться, но был в замешательстве.

И тут он заметил оборванца, опустившегося на скамейку возле него. Они одновременно узнали друг друга. Парень вскочил на ноги.

— Эй, вы! Кто... кто вы такой? Это же вы заставили меня нынче утром лечь под грузовик. Я сделал это... — Он держался за спинку скамейки и слегка покачивался. — Хорошенькая была шуточка... Дьявольская цена, которую вы заставили меня заплатить, чтобы сохранить себе десять пенсов...

И он ушел, гордо вздернув голову.

Тобин глядел ему в спину. «Дьявольская цена...» Эти слова крутились и крутились в его усталом мозгу. Расплата за то, что... лег под грузовик.

Тобин расхохотался. Убийство не единственное, что заслуживает смертной казни. Есть еще самоубийство!

Но тогда, где? И как? Нужно место, где бы ему никто не помешал, и какой-то способ, который не может не сработать. Яд? Это он сразу отбросил. Веревка порвется, пистолет даст осечку. Газ тоже может не подействовать. Нож окажется тупым или не порежет вену.

Наконец, он снова стал тем, кем был всегда. Он не может убить себя, потому что не может быть убитым. Нужно продолжать бороться, чтобы победить или проиграть — но он никогда не проигрывал. Ну, ладно. Тобин поймал такси и поехал домой.

Макилхейн Тобин обедал в своем обычном роскошном одиночестве. Он был немножко подавленным, но уверенным в том, что сможет выдержать все, с чем придется встретиться. Итак, он должен умереть нынче вечером. Самый богатый, самый могущественный человек в мире, и он хочет умереть. Это походило на черный юмор. Почему бы не попробовать еще раз. У него неограниченная власть. И она будет продолжаться до тех пор, пока он не уснет. Но как только он уснет, расплата за все поступки возобновиться... кроме

расплаты жизнью. *Должен* быть какой-то способ! Нужно сделать еще одну попытку...

— Лэндис!

— Сэр?

— Я хочу, чтобы все собрались в библиотеке: служанки, садовники, водители — все. И ты тоже.

— Хорошо, сэр.

Там собрались все двадцать шесть человек, включая Лэндиса. Тобин пересчитал их, затем запер дверь и положил ключ в карман.

— Я собрал вас здесь в качестве свидетелей, — сказал он. — Мне нужно ваше полное внимание. Вы должны внимательно смотреть на все, что я делаю, слушать каждое мое слово, все запомнить и в точности рассказать, когда придет полиция. Не нужно бояться. Никаких криков, обмороков или вмешательства. Риггс, Крамп, подойдите сюда. И Лэндис.

Садовник и шофер на голову возвышались над дворецким, когда встали в ряд. Тобин опустил руки и подошел к столику.

— Лэндис, ты не должен сопротивляться или бояться. Риггс, Крамп, держите его крепче.

Это должно сработать, подумал Тобин. В нем не было ни капли жалости.

Он подошел к стене и снял тяжелый ятаган. Он был из дамасской стали, и Тобин знал, что он может разрезать парящее в воздухе перышко.

— Положите его головой на столик. Лэндис, поверни голову на бок. Вот так. Всем хорошо видно? Отлично.

Он поднял ятаган над головой и опустил его со всей силы. Казалось, лезвие плавит шею Лэндиса, и Тобину показалось, что этот миг длится уже бесконечно и никогда не кончится. Он видел ужас на лицах стоявших вокруг, но никто из них не шелохнулся. Он и не думал, что в худощавом теле дворецкого может быть столько крови.

— Отпустите его.

Мертвое тело с мягком шлепком упало на пол.

— А теперь, — сказал Тобин, — стойте здесь молча в течение часа, после чего вызовите полицию и расскажите им, что произошло.

— Да, мистер Тобин, — хором пропели все.

— Всем спокойной ночи.

Через несколько минут он уже лежал в уютной постели, перебирая в уме все случившееся. Ему доставляла удовольствие тонкость замысла. Те убийства днем — они не сработали, потому что он полагался на случай. А случай не мог сработать. Зато теперь, подготовив почву, он устранил все случайности. Его не обвинили

в других убийствах, а, следовательно, он не заслужил смертной казни. Но в этом он *должен* быть обвинен.

Убийство произошло в то время, когда он имел полную власть и не мог быть наказан за свои поступки. Подписанное заявление лежит в бюро, его заверенная копия отправлена по почте. То, что наказание, в естественном ходе событий, последует через недели или месяцы после убийства, не имеет значения. Факт есть факт, *он сделал нечто, заслуживающее смертной казни*. Этого достаточно, и теперь он был доволен собой и миром.

Он лежал, наблюдая, как дымит сигарета в пепельнице на прикроватном столике. Когда она вся прекратилась в столбик белого пепла, он зевнул, лениво потянулся и выключил свет. Последнее, что он помнил, это далекий дверной звонок. Должно быть, прибыла полиция. Он улыбнулся и заснул.

— Значит, он сделал это. Вышел сухим из воды. Должен сказать, что мне очень жаль, — заявил я рассказчику.

— Подождите. Я еще не закончил.

— Но...

— У него еще не совсем завершился день полной власти. Слушайте.

Макилхейн Тобин проснулся. И улыбнулся. Он услышал далекое звяканье дверного звонка. Это должна быть полиция. Он протянул руку и включил свет, лениво потянулся, зевнул. Взгляд его упал на пепельницу. Там от пепла, завихряясь, тянулась струйка дыма. Появилась крошечная полоска бумаги и постепенно превратилась в сигаретный окурочок. Тобин был доволен собой и миром... Где-то в глубине его разума шевельнулась мысль, что дым идет вниз, к торцу окурка. В голове у него медленно исчезали мысли о наказании, полицейских и убийствах. Через какое-то время он откинул край простыни. Поднялся, сбросил пижаму. Со стула прямо ему в руку прилетели трусы, он нагнулся, положил их на пол, шагнул в них. И они сами поднялись по его ногам. Он взялся за резинку и подпернул их. Так же повела себя и остальная одежда. Закончив одеваться, он, словно на пленке, пущенной в обратную сторону, пошел спиной вперед.

Спиной вперед он вышел из спальни, спустился по лестнице, прошел в библиотеку. Совершил в обратном порядке убийство, увидел, как труп Лэндиса поднялся и оказался в руках слуг. Ятаган вылетел из раны, и в него кровь текла обратно в тело, а потом Тобин повесил саблю обратно на стену и заговорил, невнятно произ-

нося в обратном порядке странно звучащие слова. Затем вернулся к столу и не спеша изрыгнул на тарелки еду. Вышел спиной вперед из дома, таксист вручил ему деньги и задним ходом примчал в парк. Он снова встретил там парня, прошел через убийства и все остальное. Пока, наконец, не вернулся домой, аккуратно изверг завтрак, пошел спиной вперед наверх, сбросил одежду, выжал на себя влагу из полотенца, залез в ванну, вылез из нее сухой и лег спать. Лэндис мягко отступил назад, закрывая портьеры... и Тобин уплыл в сон...

— Шесть часов, сэр.

— А-а, Лэндис. Прекрасно! — Тобин глядел, как ловкие руки дворничего наливали кофе в хрупкую чашечку, обамбленную серебром. — В акциях «Синтетической резины» были подвижки?

Так он снова начал свой завтрак. Снова заставил оборванца лечь под колеса, прошел в офис, где все завертелось колесом, переписал на себя чужие состояния, велел Крилли умереть, прошел через все бессмысленные убийства, вернулся домой, отрубил Лэндису голову и лег спать. И снова, как только закрыл глаза, услышал далекий дверной звонок. Это должна быть полиция. И снова он, улыбаясь, глядел, как в пепельнице растет сигарета, снова возродил Лэндиса, снова, снова и снова переживал этот день то в нормальном, то в обратном направлении, туда-сюда, туда-сюда. Тело его делало все то же, что и в первый раз, в голове появлялись все те же мысли, но что-то в глубине его души, чего ни он сам, ни я, не мог коснуться, изменить или уничтожить, плакало и рыдало, страдало, испытывало смертельный ужас и не могло даже сойти с ума. Это был единственный возможный выход. Он не мог умереть, поскольку заслужил смерть, но был огражден от нее.

У Тобина оставалось еще одно, последнее желание, которое вступало в силу, когда он должен был проснуться на следующее утро. Вот только это утро никогда не наступило.

— Эта история — истинная правда, — сказал рассказчик.

— Я... я верю в это. Э-э... когда это произошло? — спросил я.

— Когда? Что значит — когда? Вы говорите о времени и Макилхейне Тобине?

— Но... почему вы рассказали мне эту историю?

— Потому что, после того, как у Макилхейна Тобина исполнились два желания, он... остановился. Но если человек вообще соглашается на мое предложение, я должен выполнить три его желания. Даже если третье мне пришлось угадать. Я понял, что Макилхейн Тобин всегда стремился к известности. Таким обра-

зом, моя работа с ним завершена. Я хочу, чтобы вы рассказали людям его историю. Сам я не могу этого сделать. Разрешите откланяться.

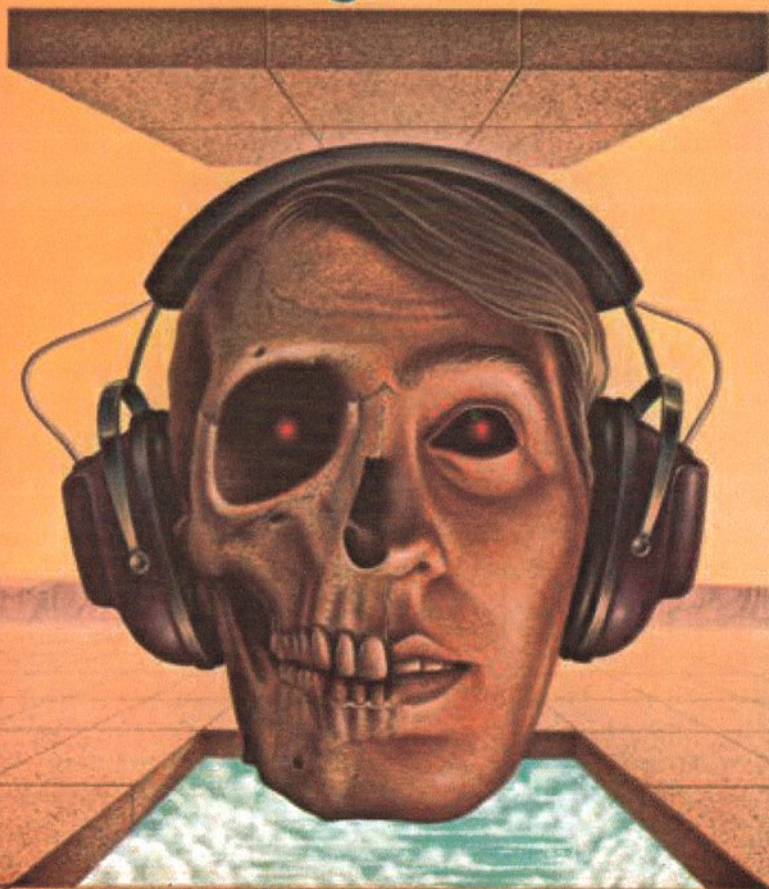
И он оставил меня одного.

Возможно, его и вообще не было здесь. Но вот вам рассказ, который я записал вчера вечером.

He Shuttles, (Unknown, 1940 № 4)

10740 • 1.95

THE INCOMPARABLE
THEODORE
STURGEON
Beyond

Voyages to the limits of wonder,
love, and terror

fallman

КОСТИ

(В соавт. с Джеймсом Х. Бердом)

Донзи открыл дверь, держа в руке плоскогубцы, щека его была испачкана припоем.

– А, Фаррел! Входите!

– Привет, Донзи.

Шериф наклонил голову, перешагивая через порог, и прошел за механиком через заваленную всяким хламом гостиную в помещение, которое раньше служило кладовой. Теперь здесь была оборудована мастерская с тисками, токарным электрическим станком, маленьким сверлильным станком и стойкой с инструментами. И здесь было гораздо больше порядка, чем в гостиной. Перед окошком на маленьком столике стояла какая-то сложная радиостанция, со сферической антенной и множеством трубок, сопротивлений и конденсаторов. Фаррел кинул в рот еще одну пластинку жевательной резинки, добавочно к уже имевшемуся там комку, и устался на устройство.

– Так это оно? – спросил он.

– Совершенно верно, – с гордостью ответил Донзи, сел возле столика и взял электропаяльник. – И на этот раз оно будет работать, – пробормотал он, поднося лезвие паяльника к щеке, чтобы узнать, достаточно ли он нагрелся.

– А раньше я думал, что FM* – это сокращенное название колледжа, – сказал Фаррел.

– Только не в радиотехнике, – пробурчал Донзи и капнул припоем на блестящий проводник. – Это также и тип частот. А это – устройство, которое будет приносить нам настоящие деньги, Фаррел.

– Да, – без малейшего энтузиазма отозвался шериф.

Он подумал о водяном двигателе неугомонного Донзи, который должен был питаться энергией, вырабатываемой цепочкой полых шаров, подвешенных к вершине емкости, о его изобретательном плане разбивки скоростной автострады, чтобы убрать бетонные стенки между полосами движения – эта идея была шикарная, вот только запатентовал ее кто-то другой. Было также еще дело с пистолетом, который мог выпустить тридцать пуль в интервале от

* FM – частотная модуляция.

одной пятой секунды до тридцати минут – вот только никому такой пистолет оказался не нужен. Донзи был такой же неудачник, как и энтузиаст. Душа его до сих пор держалась в теле лишь потому, что у него была бесконечно великая сила убеждения. Он мог продать любую свою идею даже трем известным обезьянкам – и даже более, мог убедить такого типа, как Фаррел инвестировать денежки в идею направленного передатчика FM. В основе его лежал принцип, по которому сигнал, выпущенный прямо вверх, отразится от слоя Хевисайда и вернется обратно почти прямо вниз, и таким образом может быть принят лишь тому, кому был послан. Необходимо было лишь нацелить сигнал так, чтобы, отразившись от слоя Хевисайда, он попал прямо по адресу. Такая штука была бы очень полезной в качестве беспроводного полевого телефона для военной связи.

Разумеется, Донзи слабо разбирался в радиотехнике. Но он всегда руководствовался теорией, что логика не хуже, а то и лучше, чем книжные знания. Ум его был столь же поверхностен, как и короткие пальцы. Недостаток точных знаний он заменял остроумной выдумкой. Глядя на эту путаницу проводов, любой инженер-электрик только вздохнул бы и спросил Донзи, не хочет ли он полить эти спагетти еще и томатным соусом. А Донзи в ответ назвал бы инженера ограниченным консерватором. Именно из-за такого способа Донзи творить, мир никогда теперь не получит монтажную схему его устройства. Донзи и не заботился о таковой. Он считал, что если устройство будет работать, он сможет штамповать их пачками. А если работать оно не будет, то кому тогда нужна его схема?

Донзи положил паяльник на кровать, покрывало которой было уже покрыто многочисленными обугленными пятнами, без всякого успеха зачесал пятерней назад жесткие, как проволока, волосы, и заявил, что все готово.

– Просто оно может еще не работать, – сказал он, включая устройство и, задержав дыхание, произнес про себя короткую молитву, надеясь, что предохранители не собираются расплавиться. – Но, с другой стороны, могло бы уже и начать.

Когда лампы устройства засветились, Донзи включил динамик. Из него раздался ужасающий рев, и Донзи мгновенно убавил громкость, чтобы рев перешел в гипнотический гул.

Фаррел сел на стул и хмуро глядел на устройство, задавая себе вопрос, выжмет ли он когда-либо из этого хитроумного изобретения свои двадцать восемь долларов и шестьдесят центов? Донзи выключил динамик и протянул ему наушники.

– Наденьте и послушайте, что получается.

Фаррел надел наушники и со скучающим видом стал прислушиваться. Донзи вернулся к кнопкам и циферблатам.

— Что-нибудь слышно?

— Да, — буркнул Фаррел и переместил жвачку с одной стороны рта на другую. — Завывает, как стая голодных собак.

Донзи что-то проворчал, перекинул один тумблер и передвинул реостат. Фаррел выругался и сорвал наушники.

— Ты что? — заорал он, потирая свое большое, полупрозрачное ухо. — Хочешь, чтобы я оглох?

— Это всего лишь фон, сынок. — Донзи был лет на пятнадцать моложе шерифа, но умел сказать «сынок» так, что ему никто не посмел бы возразить. — Сейчас заменю конденсатор. Кстати, у меня они, кстати, закончились. Сейчас все будет в порядке. Осталось только кое-что настроить. Минутку. — И он вылетел из мастерской.

Фаррел вздохнул и подошел к окну. Донзи уже один раз настроил муниципальный внедорожник, и автомобиль до сих пор работает, но только если вы едете задом или на второй передаче. Так что Фаррел ничуть не удивился, увидев, как Донзи, пробежав в конец двора, стал деловито рыться в мусорном баке.

Через секунду он уже влетел обратно в мастерскую, принеся с собой неописуемо ароматную протухшую баранью кость.

— Есть сигаретка? — спросил он, вытирая губы.

Фаррел протянул ему пачку. Донзи разорвал ее, пока открывал, и высыпал сигареты на стойку с инструментами. Потом вытащил из разорванной пачки фольгу, порвал ее пополам, и, вытерев кость носовым платком Фаррела, ввел одну полоску фольги в полость кости, а другую тщательно обернул кость снаружи.

— Готово! — сказал он. — Вот вам и конденсатор!

— Но мой платок... — начал было Фаррел.

— Вы можете купить себе целый грузовик носовых платков, когда мы выбросим мою малютку на рынок, — с непробиваемой уверенностью прервал его Донзи, затем деловито подсоединил внешнюю полоску фольги к одному разъему наушников, а внутреннюю — к другому. — Вот теперь, — сказал он, снова протягивая наушники шерифу, — все должно получиться. Я отправляю сигнал с этого телеграфного ключа. Между передатчиком и приемником нет никаких проводов. Сигнал, я надеюсь, выходит прямо вверх. И должен вернуться прямо вниз.

— Но я не знаю азбуку Морзе, — сказал Фаррел, тем не менее, надевая наушники.

— Это неважно, — ответил Донзи. — Я сыграю «Турецкий марш». Его-то вы должны узнать.

Они сели, и Донзи снова включил устройство. Пальцы Донзи легли на ключ, в то время как глаза его уставились в лицо Фаррела, а затем его пальцы забыли о ключе.

Тяжелые веки Фаррела на секунду закрылись, в то время как его челюсти начали медленно разжиматься. Затем, так же медленно, стали открываться глаза. Потом веки замерли, и Фаррел как-то необычно раздул ноздри. Послышался длинный вздох, и толстые губы Фаррела заколебались, словно белье на ветерке. Голова его стала медленно клониться на бок.

– Ммммвяв, – выдавил он.

– Фаррел! – испуганно воскликнул Донзи.

– Мммм... ба...

Прежде чем Донзи успел протянуть к нему руку, Фаррел яростно отшвырнул стул, откинув назад голову. Наушники каким-то чудом остались у него на голове. Руки Фаррела с шумом ударились об пол – он приземлился на ладонь и запястье. Его огромные ноги брыкнули, провод, тянувшийся от наушников, натянулся, и столик, на котором стояло устройство, оторвался от стены. Донзи заорал, взмахнул руками и успел поймать свое любимой детище. Руки его сомкнулись на заземленном шасси, но, когда он обнял устройство, подбородок уткнулся прямо в лампу 6D6.

Внезапно Донзи почувствовал, как его лицо свело от удара током. Перед глазами распустились очень симпатичные цветы. Причем один из них, как вспомнил он позже, испускал усиливающийся запах, а из другого вырывался какой-то далекий гром. Потом он полетел на пол, но инстинктивно успел извернуться, подставив свое тело под драгоценное устройство. Ничего в нем не повредилось, лишь провод вылетел из розетки, и как только это произошло, Фаррел, страшно ругаясь, с трудом поднялся на ноги.

– Вставай, ты, оскребыш! – взревел он, – чтобы я мог дать тебе по мозгам!

– Ф-ф-ф-фуух! – ответил Донзи, пытаясь вздохнуть.

– Отойди, – наконец-то удалось ему выдавить из себя.

Донзи подождал несколько секунд и, поскольку Фаррел продолжал нависать над ним, решил не торопиться вставать. Он знал, что осторожный шериф не станет топтать устройство, в которое вложил свои кровные, чтобы добраться до него. Пока устройство лежало на груди Донзи, он был в безопасности.

– Какой фрязный фрюк ты фридумал, недоносок? – быстро распухавшими губами прошлепал шериф.

– Я не фридумал никакой фрюк, – передразнил его Донзи. – Остынь, парень. Что произошло?

– Я фолетел со сфула и фреснулся об фол. Что это за фьявольское изобрефение?

Чувствуя, что гнев шерифа сменяется на жалость к себе, Донзи рискнул снять с себя устройство.

– Черт побери... Да ты ранен!

Фаррел проследовал за взглядом Донзи и уставился на свое быстро опухающее запястье.

– Да... я... Эй! Больно! – удивленно сказал он.

– Конечно, больно, – кивнул Донзи.

Пока Фаррел ворчал, он вложил его сломанную руку в лубок, сделанный из старых плат, и пошел за льдом, чтобы снять опухоль с губ. И лишь кода шериф удобно устроился в кресле, Донзи стал задавать вопросы.

– Что же случилось, когда я включил устройство?

Фаррел содрогнулся.

– Это было ужасно. Я увидел картинки.

– Картинки? Вы имеете в виду, изображения, как в телевизоре?

Сердце любителя всяких штучек Донзи заколотилось, в голове замелькали всякие мысли. Возможно, его устройство в момент замыкания передало какие-то телесигналы напрямую в голову? Возможно, он изобрел инструмент для передачи мыслей. А может, наткнулся на вообще что-то новенькое и неслыханное. В любом случае, оно будет стоить миллионы. *Скряга*, сказал сам себе Донзи. *Какие там миллионы? Миллиарды!*

– Нет, – произнес Фаррел.

Лицо его побледнело. Как и многие бычары до него, он только теперь сообразил, что проглотил свою жвачку.

– Да не волнуйся ты об этом, – махнул рукой Донзи. – От жевательной резинки тебе плохо не станет. Возьми новую, всех-то делов. Давай лучше о тех картинках...

– Они... они не походили на телеизображение. Они вообще не походили ни на что, что я когда-либо видел. Это были цветные изображения...

– Движущиеся?

– О, да. Но все как в тумане. Те, что близко, были ясно видны. А дальше тридцати футов все нечетко... размыто...

– Как фотокамера не в фокусе?

– Гм-м... Но то, что лежало совсем далеко, было ясным, как день...

– И что вы увидели?

– Холмы... поля... Я не узнавал эту местность. Все там выглядело как-то по-другому. Трава была зеленой, но одновременно и серой. Небо было как... просто пустое место. И все было таким

покойным. Я... Донзи, ты не будешь смеяться надо мной? – внезапно спросил шериф.

– Нет, черт возьми!

– Я, ну... я ел эту траву! – начал Фаррел сначала робко, но потом все более уверенно. – Все было так странно. Я вообще понятия не имел о времени. Не знаю, сколько это продолжалось, может быть, годы. Иногда шел дождь. Иногда становилось холодно, но это меня не беспокоило. Иногда наступала жара...

– Вы хотите сказать, что *чувствовали* все это из тех картинок?

Фаррел помотал головой.

– Донзи, я *был* в тех картинках.

Что же здесь случилось? – подумал Донзи. *Переселение души? Телепортация? Ясновидение? Да это будет стоить не меньше десяти миллиардов!*

– Что самое странное, – задумчиво продолжал Фаррел, – все так хорошо. До самого конца. Несколько миль тянулась долина, а затем стояло огромное темное здание. Мне было страшно, но все остальные спокойно шли туда, поэтому и я шел вместе с ними. А там был какой-то парень с... с топором... он... я попытался развернуться и уйти, но не смог. Он ударил меня. Я закричал...

– И что было дальше? – спросил Донзи.

Несколько секунд они дрожали в унисон.

– Дальше – все, – сказал затем Фаррел. – Он дважды ударил меня топором, и я очнулся на полу со сломанной рукой и увидел, что ты лежишь рядом, придавленный устройством. А теперь рассказывай мне, что произошло?

– Вы, казалось, вошли в какой-то транс. Закричали и стали метаться. Дернули за провод от наушников и стащили устройство со стола. Я успел его поймать, но воткнулся в него подбородком, и меня ударило током. Там же все было не изолировано. Все это продолжалось не больше двадцати секунд.

– Донзи, – сказал шериф, вставая с кресла, – можешь взять себе деньги, которые я вложил в эту чертову штуковину. Мне не нужно ни цента. – Он направился к двери. – Однако, если тебе удастся заработать на ней, не забудь, кто помог тебе стартовать.

Донзи рассмеялся.

– Буду держать с вами связь, – сказал он. – Послушайте... насчет того большого здания, в которое вы вошли. Вы сказали, что боялись, но шли вместе со всеми. Выходит, всем остальным там нравилось?

Фаррел задумчиво уставился на него.

– Я сказал: «всем остальным»?

– Ну, да.

– Странно. – Фаррел почесал голову неперевязанной рукой. – Ведь все остальные были овцами.

И он ушел.

Долгое время после ухода Фаррела Донзи сидел и глядел на устройство.

– Овцы, – бормотал он.

Потом встал и осторожно поставил устройство обратно на столик, быстро проверил контакты и лампы, чтобы убедиться, что все в целости и сохранности.

– Овцы? – спросил он самого себя. – При чем здесь коротковолновый передатчик и овцы?

Он убрал на место плоскогубцы, аммиачную соль, припой и флюс, повесил на гвоздик наушники, взял паяльник за жало и тут же вспомнил, что тот все это время оставался включенным. Подул на обожженную ладонь.

– Овцы! – в который уж раз повторил он.

Это был не тот случай, в каком можно было разобраться достаточно просто, как, например, почему двигатель автомобиля начинает стучать, если проехать двести миль без смазки, или что такое подъемная сила, поддерживающая самолет в воздухе. Это было нечто, что нужно испытать самому, это как напиться или влюбиться. Пока не попробуешь, не узнаешь, что это такое. Поэтому Донзи включил устройство, сел и надел наушники. Когда он уже вертел колесики настройки, в голову ему пришла ужасная мысль. Фаррел был не в себе, пока на нем были наушники. Он видел – во сне, что ли? – как какой-то парень ударил его топором, тогда он полетел со стула и, потащив за собой провод, вырубил ток. А что, если бы ток не вырубился – он бы умер, как... как овца, которой он себя ощущал?

Донзи снял наушники и пошел в спальню за будильником. Прикрепив его болтом к столу, он обернул провод вокруг звонка и протянул его к выключателю устройства. Затем тщательно установил будильник так, чтобы тот зазвенел ровно через минуту и выключил устройство. Надел наушники, подождал двадцать пять секунд, и включил устройство. Пятнадцать секунд ему потребуется. Чтобы нагреться, а затем...

С ним произошло все то же самое. Серая трава и пустое небо, отсутствие чувства времени, дождь, холод, тепло и овцы – другие овцы. Он ел траву, и ему было хорошо. Потом он был напуган и бежал вместе с остальными по дорожке, а впереди высилось темное здание. Он... но тут прозвенел звонок, устройство выключилось, и Донзи оказался в кресле, дрожащий, весь в поту. Это было плохо. Удивительно, но плохо.

Какие тут деньги? Кто станет платить за изображения, в которых можно жить? Но не просто жить, а также и умирать?

У Донзи возникло желание взять молоток и разнести эту чертову штукюину на кусочки. Но благоразумие взяло в нем верх. Однако, он торжественно поклялся никогда больше не есть ягнятины или баранины. И этот звук, который издал Фаррел...

Баранина? Но разве в устройстве не было баранины? Донзи устался на свой самодельный конденсатор. Такой невинный маленький кусочек полый кости, обмотанный фольгой... Радостно хихикая, Донзи изъяс из схемы этот конденсатор, установил переключатель времени и надел наушники. И ничего не произошло. Совершенно ничего. Донзи протянул руку, выдернул провод, снова поставил конденсатор на место. После чего все повторилось. Опять он ел серо-зеленую траву под пустым небом, и было ему хорошо, очень хорошо, а затем холод... звонок будильника. И он снова оказался в кресле, уставившись на конденсатор из бараньей кости.

— Кость, — прошептал он, — она еще не совсем мертва!

Он пошел и остановился в дверях, думая о невыносимом ужасе, веявшем от темного здания — овечьей бойни. Сломанное запястье Фаррела. Баранья кость.

— Так или иначе, — сказал он себе, — но такая штукюина стоит сто миллионов!

Звонить в дверной звонок рукой, занятой громадным пакетом из бакалеи, в то время, как другая в гипсе и подвешена на петле из бинтов, весьма затруднительно, но шериф Фаррел все же справился с этим. Еще труднее было повернуть дверную ручку, когда на звонок никто не отозвался, но Фаррел управился и с этим. К счастью дверь, как всегда, не была заперта. Из глубины дома слышались какие-то ужасные звуки, хихиканье, истеричная скороговорка, которая постепенно переросла в ужасное бульканье. Фаррел бросил пакет на диван и прошел в мастерскую.

Донзи сидел, развалившись, в кресле, с наушниками на голове. Лицо его было бледным, глаза закрыты, и весь он подергивался. Устройство за те две недели, что Фаррел не видел его, претерпело значительные изменения. Теперь оно было упаковано в коробку из листового железа, из которого торчали средства управления да пара зажимов, в которых было нечто напоминавшее маленькую белую палочку. Исчез динамик, шаровая антенна и вся путаница проводов, напоминающая спагетти. Среди других проборов на панели управления виднелись часы с будильником. Их стрелки, да дергающийся Донзи были единственными шевелящимися предметами в мастерской.

Внезапно устройство громко щелкнуло, и Донзи обмяк. Фаррел с печальным предчувствием пристально поглядел на изобретателя, думая, что его присутствие на похоронах будет не трудным делом.

– Донзи...

Донзи помотал головой и сел прямо. Он еще больше похудел со времени их последней встречи, а глаза его отчего-то были полны муки. Он вскочил и подал здоровую руку Фаррелу.

– Прекрасно! Я как раз хотел вас увидеть. Она работает, Фаррел! Она работает!

– Да, и мы скоро будем богаты, – сухо ответил Фаррел. – Я уже не раз слышал эту песенку. Да пес с ним со всем. Пойдем отсюда. – Он вытащил Донзи в гостиную и указал на пакет на диване. – Давай, распаковывай его.

Донзи заглянул внутрь.

– Ну и зачем все это?

– Это еда, придурок. Весь город уже говорит, что ты окончательно обнищал. Если бы я не дал тебе деньги, то ты не построил бы эту установку.

– Ну, вы не обязаны кормить меня, – растроганным голосом пробормотал Донзи.

– Я накормил бы любую бродячую собаку, шляющуюся возле моего дома, – ответил Фаррел. – Хотя я и не виноват в том, что она голодная. Ешь давай.

– Да кто вам сказал, что я голоден?

– Давай обойдемся без церемоний. Парень, который бродит по два раза в день возле мясного магазина Тука, ожидая, пока выбросят кости, не получает в достаточном количестве витамина С.

Донзи издал смешок, взглянул на шерифа и рассмеялся во весь голос.

– О, это совсем не то! Я вовсе не голодаю!

– Не пудри мне мозги! Или ты сейчас же начнешь есть, или я высыплю все на пол и заставлю жрать оттуда!

Он взял пакет и высыпал его на диван.

Донзи со страхом уставился на хлеб, масло, пресервы, консервированные фрукты, стейк, картофель, сало и овощи.

– Фаррел, черт побери! Откуда все это? С черного рынка? Но это же должно стоить...

– Это не твое дело, – мрачно ответил шериф.

Он погнал Донзи на кухню, зажег плиту, нагреваемую миниатюрной паровой машиной, и начал готовить сам.

Донзи не замолкал до тех пор, пока стейк не начал шипеть, а затем подавился слюной. В конце концов, он действительно был голоден.

Фаррел потчевал Донзи до упада, а потом сел напротив и холодно поглядел на него.

— А теперь рассказывай, что все это значит? — спросил он. — Почему ты не являешься ко мне за подачками?

— Не нужны мне подачки, а если бы и были нужны, то я был слишком занят. Фаррел, вон там стоит самая большая сенсация века!

— Которая посылает направленные радиосигналы, куда ты пожелаешь?

— Что? Какие сигналы?.. А, вы имеете в виду коротковолновый передатчик? Фу! — презрительно фыркнул Донзи. — Забудь об этом, сынок! Тут нечто большее! Нечто великое!..

— Ну-ну, — с сомнением протянул Фаррел. — Ну и что это?

— Вокруг моего изобретения будет создано новое философское учение, — ликующе воскликнул Донзи. — Оно касается философии, метафизики и даже — экстрасенсорики!

— Хорошо, но что это?

— Конечно, пока я могу лишь гадать, как и почему. Когда вы вошли, я был цыпленком. И мне скрутили шею. Глупо звучит, да? Но ведь вы... Вы же сами это испытали. Никто бы мне больше не поверил. Я *был* цыпленком...

— И что тут хорошего?

— ... потому что в зажимах, включенных в схему, я установил кусочек куриной кости. Когда вы испытали устройство, в нем была баранья кость. При помощи моего изобретения, я уже побывал коровой и свиньей, Фаррел! Я был воробьем, лягушкой, бездомной кошкой и окунем. Я знаю, как они жили и как умерли!

— Шикарно, — сказал Фаррел. — Но что это дает?

— Что это дает? Как вы можете задавать мне такой вопрос? Вы что, ни о чем не можете думать, кроме денег?

Такой внезапный поворот угодил прямо в цель. Фаррел встал с дивана с таким достоинством, словно рос на глазах.

— Донзи, — сказал он, — ты вор, попросайка, и я не хочу больше иметь с тобой никаких дел. Миссис Кертис сказала на днях, что Донзи — парень, который вечно шатается без дела. Я думаю, это мое дело — сказать, куда тебе нужно идти.

И Фаррел сказал это. И ушел.

Донзи рассмеялся, поковырял в зубах зубочисткой и стал наслаждаться остатками этого восхитительного стейка. Фаррел хороший малый, но ему недостает воображения.

Надо же было не понять, что кроется в этом изобретении?

Через два дня Донзи доставили небольшой пакет. В нем был осколок кости и записка:

«Я знаю, что я – полный дурак, но я не могу забыть, что видел и чувствовал, когда в первый раз испытывал твой передатчик. Возможно, на этот раз впервые в жизни ты изобрел что-то, что может принести пользу.

Билл Келли поручил мне найти его жену Юлю. Они вечно дрались друг с другом – ну, ты знаешь Билла, он всегда обращался с ней, как с отречьем. Я часто думал о том, почему она не сбежала от него давным-давно? Неужели ей не надоедали побои? Но, кажется, наконец, она решилась.

Билл утверждал, что она сбежала с каким-то парнем, но он не знает, с кем именно. Как бы там ни было, но сразу после его ухода пришел мой помощник и сказал, что, вроде бы, видел Юлю на автостраде в своей машине. Говорит, что машина попала в аварию. Я поехал туда, и, разумеется, это была именно она. Совершенно одна и мертвая. Машина пробила ограду вдоль противоположной стороне шоссе и врезалась в опору линии электропередачи. Я хочу, чтобы ты узнал, был ли кто-либо с ней. У нее был открытый перелом, так что не составляло никакого труда добыть этот осколок кости. Посмотри, что можешь узнать.

ФАРРЕЛ».

Донзи тут же понял, что за кость у него в руке. Он бросил ее на стол и уставился на нее так, словно ожидал, что она начнет стонать. Лишь какое-то время спустя он осознал, что должен заставить себя поэкспериментировать с человеческой костью, и ладно бы, если бы она была анонимной. Но Юлю Келли он знал много лет. И без объяснения Фаррела он знал о трагедии ее жизни, когда она вышла замуж за самого богатого человека в городе. Она стала Келли, но в девичестве носила фамилию Уолш. Донзи совершенно не удивился тому, что она все-таки решилась сбежать от мужа. Но вряд ли у нее был в запасе какой-то другой мужчина. Только не у Юли.

Чувствуя, что его подташнивает, Донзи поместил кость в зажимы устройства, установил таймер на двадцать секунд, надел наушники и щелкнул выключателем. Некоторое время он сидел неподвижно, пока устройство не выключилось, а затем, бледный и дрожащий, тут же поставил таймер на сорок секунд. Еще раз «прослушал», затем переустановил таймер на пятьдесят две секунды – вполне достаточно, чтобы досмотреть «картинки» до самой гибели Юли. На большее он не осмелился. В голове его крутилась мысль, что

когда-нибудь он сам может умереть вместе со смертью той личности, в которую «вселился» при помощи своего устройства.

Фаррел нашел его на крыльце, со стиснутыми зубами и глазами, полными недоуменного гнева. Фаррел оставил своего помощника в машине, а сам прошел в дом вместе с Донзи.

— Ну как, что-нибудь получилось? — спросил он.

— Много чего получилось. Фаррел, если вы решите застрелить Билла Келли, то это хочу исполнить я.

— Да, он скотина. Но это не наше дело. С нею кто-нибудь был?

— Я думаю, был. Но лучше вам посмотреть это лично.

Фаррел бросил на него насмешливый взгляд, а затем сел рядом с устройством. Донзи щелкнул выключателем, когда Фаррел надел наушники, затем расслабился. Он жалел, что вынужден был провести через это Фаррела, но чувствовал, что шериф должен узнать историю, которую рассказывает обломок кости. Мысли Донзи отвлеклись от образа Юли, и вернулись к картинам, которые показало устройство. Это была невероятно грязная история жестокого обращения мужчины с женщиной. Это относилось ко всему, что он делал, и ко всему, что он говорил. Юля терпела все это, и ее личность постепенно рушилась под напором этого чело-века. И после последнего ужасного случая она убежала от него. Причем не важно, куда, лишь бы подальше от того, кто считался ее мужем. Это было бегство в надежде на новую жизнь, и смерть явилась облегчением, когда она поняла, что никуда ей не убежать. Тавро Билла Келли лежало на ней, она не могла ни забыть его, ни жить с такими воспоминаниями. Она точно знала, что делает, когда вывернула на полной скорости руль и закрыла глаза за секунду до завершающего удара.

Устройство отключилось с громким щелчком. Фаррел поглядел на Донзи и сделал глубокий, дрожащий вдох.

— Кажется неправильным, Донзи, глядеть на такое. Я всегда знал, что Билл мерзавец, но теперь...

— Да, — сказал Донзи. — Я вас понимаю.

Фаррел снял наушники и пошел к выходной двери.

— Гарри, — крикнул он своему помощнику, — поезжай и привези сюда Билла Келли.

— Зачем? — спросил Донзи, когда он вернулся.

— Это совершенно не по закону, — почти неслышно ответил Фаррел, — но я собираюсь выдать Биллу Келли все, что ему причитается. — Он снял свой значок и положил на столик возле устройства.

Долли внезапно вспомнил, что перед тем, как Юля Уолш решила выйти за Билла Келли, она гуляла с Фаррелом. И он подумал о том, помнит ли это Фаррел, но тут же решил, что помнит.

— Фаррел, — сказал Донзи через какое-то время, — я думаю о том, другом человеке в машине...

Фаррел поднял голову.

— Ты прав... там кто-то был... у меня возникло такое впечатление за секунду до катастрофы. Я точно не знаю... но мне кажется, это был кто-то хорошо мне знакомый.

— И мне тоже, — кивнул Донзи. — Но я не могу понять это, Фаррел. Она же ни с кем не уезжала. Она не интересовалась никем и ничем, кроме самого бегства. Я не получил ни намека на то, что она с кем-то встречалась, не считая самых последних секунд.

— Правильно. И на кого он был похож?

— На вид... ну... среднего роста и... черт побери, если я помню. Но я не думаю, что встречал его прежде.

— Я тоже, — кивнул Фаррел. — И я не уверен, что это действительно важно. Если бы она убегала с кем-то, то не стала бы сворачивать с дороги. И не думаю, что она могла с кем-нибудь убегать, но... Черт, скорее всего, она просто подвозила какого-то автостопщика и была слишком не в себе, чтобы думать о нем, — неубедительно закончил он.

— Но женщина не станет совершать самоубийство вместе с незнакомцем, — возразил Донзи.

— Женщина может сделать что угодно после того, через что прошла Юлия... — Его прервал звонок в дверь. — Это, наверное, Келли.

Когда Фаррел пошел к двери, то Донзи вдруг ощутил, что у него вспотели ладони. Фаррел открыл дверь, и послышался голос помощника шерифа Гарри:

— Я видел Келли, шериф. Он не сможет приехать.

— Не сможет приехать? Но почему?

Голос у Гарри был совершенно расстроенным.

— Кажется, он сошел с ума. Совершенно спятил. Из рта у него текла пена. Он орал, что полиция должна служить обществу. Что он не станет выполнять приказы кучки бандитов. Что если вы хотите увидеть его, то явитесь сами и докажете, что он совершил какие-то преступления. И все в таком духе, сукин он сын...

— Ладно, — сказал Фаррел. — Забудь об этом, Гарри. Можешь быть свободен. Я поеду в город, когда закончу здесь. — Он с треском захлопнул дверь. — Донзи, мы должны разделаться с этим парнем.

Донзи не понравилась ледяная усмешка на лице грузного, всегда спокойного шерифа. И его огромные руки, прикреплявшие на место значок, почти не дрожали.

— Конечно, — ответил Донзи. — Несомненно. Мы прикончим его.

Фаррел повернулся на каблуках с такой силой, словно под ногами у него было тело Келли, и пошел к двери.

Примерно три дня спустя один из осведомителей Фаррела в окружной больнице вырезал кусочек кости у человека, умершего от аппендицита. Вместе с присланной косточкой была копия истории болезни:

«Причина смерти: аппендицит. Возраст – около сорока лет, мужчина. Аппендикс неожиданно лопнул в ресторане в 20:30. Положен на операционный стол в 21:15. Дежурный хирург вырезал аппендикс, (пациент пришел на время в себя и дал разрешение на операцию). Аппендикс был удален, брюшная полость вычищена. Смерть произошла в 21:28 из-за послеоперационного кровоизлияния».

– Итак, что мы имеем, – пробормотал Донзи, помещая кость в зажимы устройства. – Старый док Гриннивер снова проделал свой маленький трюк! Случайно проткнул воспалившийся аппендикс, а потом впрыснул пациенту адреналин, чтобы тот «очнулся», в то время как сердце разносило бы яд вместе с кровью по всему организму. – Он взял наушники и снова пробежал глазами по истории болезни. – «Послеоперационное кровоизлияние» – лопни мои глаза! Это был перитонит! В общем, я думаю, он бы умер и так, и так, поскольку старый коновал не способен вырезать аппендикс даже у морской свинки. – Он сел перед устройством, настроил таймер, и сознание его перенеслось совсем в другое место.

Это была обычная житейская история, с одним маленьким различием. Какой-то человек последнее время настолько был занят интригами в своей фирме, что не обращал внимания на боль. Последние месяцы у него то и дело начинало болеть в области аппендикса, так что, в пылу борьбы за влияние, ему было не до этого. Но боль не проходила.

В результате он очнулся лежащим на чем-то твердом. Зрение постепенно прояснилось, и он увидел, как кто-то склонился над ним. Он лежал на операционном столе. Он видел много фильмов о врачах, но никогда в фильмах не показывали никого в операционной в темной одежде. Непонятная фигура становилась все более ясной, и сначала он почувствовал любопытство, затем страх, а потом и смертельный ужас. Он почувствовал, как нечто высасывает из его тела тепло и саму жизнь. Это было нечто громадное и чудовищное. У него хватило сил лишь закрыть глаза, и в этот момент скальпель хирурга проткнул аппендикс. Теплота разлилась в его животе. А когда он снова посмел открыть глаза, фигуры в темной одежде уже не было.

Затем он чувствовал, как что-то скребет и кромсает его. Когда Донзи вспоминал это позже, он буквально чувствовал, как его собственный аппендикс извивается от сострадания. Но это вскоре закончилось, потому что таймер выключил устройство, и Донзи вернулся в свое тело.

Довольно долго он думал над всем этим. У него был изобретательный ум, а такой ум редко отвергает что-либо лишь потому, что никогда прежде не слышал о нем или слышал не так. Это устройство... оно подняло конкретные, очень важные вопросы. Донзи развернул их в уме и стал рассматривать со всех сторон.

Устройство показало, что такое предчувствие смерти в последнее мгновение, перед тем, как смерть произойдет. Это действительно был ценный опыт – смерть пришла, но свет не погас. В действие вступила сила, столь мощная, что запечатлелась в памяти костей. Ну, ладно...

Но что это за сила, которую называют Смертью?

Донзи подумал о темной фигуре в операционной в окружной больнице и понял без всяких сомнений, что это и есть ответ на вопрос. Он был рад, что у покойного обладателя этой косточки хватило ума закрыть глаза, прежде чем он рассмотрел эту фигуру подробно. Неужели это был всего лишь адреналин, из-за которого потемнело в глазах и привиделась фигура, похожая на человека? Или он в самом деле увидел Смерть? Взглянул на Темную Фигуру – в уме Донзи она прозвучала с заглавных букв, – и тут же умер? Могло это быть так? Неужели болезнь и несчастные случаи – такие события, которые дают человеку способность видеть смерть? И они видят нечто, что высасывает жизненную силу из их, теперь уже бесполезных тел? И...

Неужели они увидели в машине Юли Смерть?

Донзи почтительно поглядел на свое устройство и подумал: *Я мог бы достаточно легко попытаться узнать это.* Но не сделал ни малейшего движения.

Вечером появился Фаррел, и на сей раз мрачный шериф выглядел счастливым. Он хлопнул Донзи по спине, улыбнулся и молча сел.

– Насколько я знаю вас, Фаррел, – сказал Донзи, – вы скалите зубы, когда собираетесь сделать кому-то нечто совсем недоброе. Надеюсь, это буду не я?

– Не совсем так, – ответил шериф. – Я собираюсь немного разнести твоё жилище. Ты ведь не станешь возражать против этого?

– Нет, – покачал головой Донзи, думая, что бы это значило. – Но что вы собираетесь разнести, как и почему?

— Отвечаю на вопросы по порядку, — еще сильнее оскалил зубы Фаррел. — Я разнесу все, что встанет у меня на пути в то время, как я забавляюсь с мистером Уильямом Келли, и ты знаешь, что так я и сделаю.

— А-а! — сказал Донзи, возбужденно потирая руки. — Так он придет сюда? Или вам доставят его в наручниках?

— Он придет добровольно. Нынче утром он ворвался в мой офис и принялся орать, что я совсем не занимаюсь расследованием того, с кем убежала его жена. Она мертва, но это его не волнует. Его, видите ли, сводит с ума то, что все эти годы он содержал женщину, которая... Ну, ты знаешь Билла Келли.

Донзи слегка затошнило.

— Неужели человек может быть такой низкой тварью?

— Ну, в этом у него была многолетняя практика. Во всяком случае, я успокоил его и сказал, что знаю парня — я имел в виду тебя, — который видел, кто сидел в машине с его женой. Я велел приехать ему сюда в восемь тридцать вечера и поговорить с тобой. Можешь теперь смыться отсюда, или остаться и смотреть на этот спектакль с первого ряда. Твой дом — единственное место в городе, где я могу делать все, что захочу, не боясь, что меня прервут.

— Но что вы собираетесь...

— То же, что произошло с Юлей. Она мчалась на полной скорости в машине, перевернулась и разбилась. Я собираюсь «перевернуть и разбить его». — Улыбка Фаррела была совершенно искренней.

— Я буду поблизости. Хочу все увидеть, — сказал Донзи. — Между прочим.. — Он заколебался.

— Что?

— Я знаю, кто был в машине рядом с Юлей.

— Да? И кто же?

Донзи ответил.

— Что ты говоришь? — воскликнул Фаррел. — Ну и ну! Череп, коса и все такое?

— Нет, — мотнул головой Донзи. — Просто силуэт, как любят рисовать дети. Или как газетная карикатура на очередного кандидата в президенты. — В дверь зазвонили. — Фаррел, — быстро сказал Донзи, — я хочу, чтобы он просмотрел, что показывает устройство из кости Юли. Из всех людей в мире он оценит это лучше всего. Пожалуйста.

— Так и будет, — задумчиво сказал Фаррел. — Тогда мне не придется ничего объяснять. Я запущу устройство, и он поймет — почему...

Донзи пошел к двери и впустил человека в безупречно сидящем сером спортивном костюме, над которым сверкали свинячьи глазки, тряслись дряблые губы, а голос звучал так, словно скребли

железом по стеклу. Билл Келли прошел мимо Донзи с таким видом, словно тот был дворецким или, скорее, фотоэлектрическим замком, автоматически открывающим дверь. Очевидно, он принялся говорить еще до того, как нажал кнопку звонка, потому что вошел посреди предложения:

— ...пришлось тащиться в такую лачугу в погоне за правдой лишь потому, что дурак-шериф не смог получить информацию. Я еще узнаю, какая часть моих налогов идет на то, чтобы он торчал в своем дурацком офисе, и избавлю от него город. Я — общество, черт побери, и должен иметь дело с государственными служащими, а не китайскими болванчиками. Привет, Фаррел. Ну, и что значит вся эта чепуха?

Фаррел оборвал Келли, хотя заговорил очень тихо.

— Коротышка за вашей спиной и есть тот парень, о котором я вам говорил. Он видел человека в машине Ю... в машине миссис Келли.

— Да? Ну-ну? Говори же быстрее. Кто там был? Если это бизнесмен, я разорю его. Если государственный служащий — его уволят. А если просто бродяга, с которым Юля завязала дружбу, то я найму людей, которые позаботятся о нем. Ну? Ну?

— Вы сами увидите его, мистер Келли, — размеренно ответил Донзи.

— Да не хочу я его видеть! — заорал Келли. — Он что, здесь? — Он бешено обернулся.

У Донзи вспыхнул перед глазами образ борова, который ворчал и ворочался в грязи.

— Сядьте туда, и я покажу вам своего рода движущиеся картинки.

Келли открыл было рот, чтобы возразить, но ощутил толчок в спину, пошатнулся и рухнул в кресло. Он негодуяще завизжал, но при виде Фаррела, нависшего над ним, точно скала, лицо его сменило розоватый оттенок на серый, и Келли захлопнул рот.

— Полегче, Фаррел, — спокойно сказал Донзи и надел наушники на Билла Келли.

Порывшись на полках для инструментов, он вставил нужный экземпляр в зажимы устройства и щелкнул выключателем. Глаза Келли тут же закрылись.

Они выжидающе рассматривали своего подопытного.

— Фаррел... — позвал Донзи.

Шериф обернулся.

— Вы помните, что я говорил перед его приездом? Я задал вопрос, уж не является ли это и в самом деле Смертью, которая действительно... забирает душу.

Фаррел невнятно проворчал и повернулся к Келли. Он смотрел, представляя, как тот пробирается трагическим лабиринтом жизни Юли. При этом у него вздувались и опадали желваки.

Внезапно Келли напрягся. Глаза его широко раскрылись – так широко, что, казалось, готовы были выпасть из глазниц. Их испуганный, пристальный взгляд был направлен на них, но оба понимали, что Келли никого тут сейчас не видит. В течение минуты в комнате никто не шелохнулся.

– Он смотрит последнее действие, – пробормотал Фаррел. – И что – на этом все кончится?

Но тут он вдруг понял, что остановившиеся глаза Келли уже никуда не смотрели.

– Да, – кивнул Донзи, – он увидел Его.

– И что?

– Да ничего, – сказал Донзи. – Он до самого конца пробыл в машине вместе с Юлей. Как видите, я не установил таймер.

– Ага! – хрипло сказал Фаррел, подошел и взял запястье Келли. – Тц-тц... Пульса нет. Я так и думал. Он просто умер. Н-да! Погиб в автокатастрофе, которая произошла больше недели назад!

The Bones, (Unknown, 1943 № 8)

A STREET & SMITH PUBLICATION

ASTOUNDING

AND U.S. PAT. OFF.

Science Fiction

JUNE 1946

25 CENTS

087
+44

1000
1005

1002-80

999

996

993

805

889

973

984

+55

San Francisco

6

6

85

10

Tw

044

12

Tw

Tw

Tw

Tw

Tw

Tw

Tw

FORECAST

by Raymond F. Jones

Tw

Tw

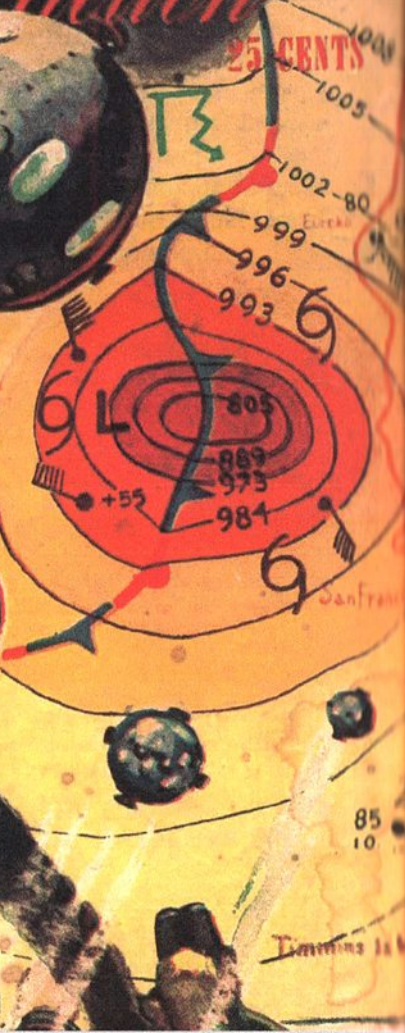
Tw

Tw

Tw

Tw

Tw

ХРОМИРОВАННЫЙ ШЛЕМ

– Папа, – сказала Виджет.

– Да, дорогая, – ответил я, не отрывая глаза и мысли от журнала, который читал в тот момент.

– А когда у меня была большая-большая кукла, больше меня, и она стала вдруг смеяться надо мной и дала мне горсточку мармеладных бобов?

– Да, дорогая, – сказал я.

– Так когда это было?

– Когда было что?

Виджет неодобрительно пощелкала язычком.

– Я спросила, когда у меня была кукла, больше меня, которая могла смеяться и разговаривать, и она дала мне мармеладные бобы?

– Кукла? – невнятно пробормотал я. – У тебя никогда не было такой куклы. У тебя была два года назад кукла, которая говорила не только «мама», но и «папа».

– Но я точно помню вкус мармеладных бобов.

Я вздохнул, чувствуя, что разговор становится непродуктивным.

– И почему ты столько говоришь?

Это был риторический вопрос, но Виджет склонила голову на бок и тщательно обдумала его.

– Я думаю, потому, что я еще не знаю столько длинных слов, сколько ты и мама, – ответила она, снова отвлекая меня от журнала, – поэтому мне приходится говорить много коротких.

Я улыбнулся ей, и она кивнула, подтверждая свое успешное вторжение между мной и тем, что я читал. Затем превратила свою победу из абстрактной в конкретную, подбежав и прыгнув мне на колено, прямо на лежавший там журнал.

– А теперь расскажи мне о кукле и мармеладных бобах.

– Виджет, у тебя никогда не было такой куклы.

– Нет, была!

– Нет... – я оборвал себя, потому что это могло длиться часами.

– Расскажи мне о ней подробнее. Может, я и вспомню.

– Это была большая кукла. Я хотела положить ее спать в кроватку Сьюзи, – Сьюзи была у Виджет Игрушка Номер Один – ужасный бледно-голубой безухий кролик. – Но кукла была такой большой, что ноги ее не входили. Я хотела их подрезать, чтобы они вошли, но кукла вдруг подняла руки, откинула одеяльце, засмеялась надо мной и сказала, что у меня забавный нос. Я подпрыгнула и хотела

убежать, но она позвала меня. Она сказала: «У меня для тебя есть *презнет*». А потом достала из кармана и дала мне *презнет*. Это были мармеладные бобы. А носила она красный *педерник*.

– Значит, она была в красном переднике и дала тебе какие-то мармеладные бобы. А знаешь, что я теперь сделаю? Я поужинаю и... Ого!

Я воскликнул «Ого!», потому что увидел в дверях гостинной жену. Она стояла с испачканными мукой руками и кончиком носа и, склонив голову набок, слушала нас. Я поймал ее взгляд и увидел в нем просьбу продолжать разговаривать с Виджет. Я усмехнулся. Кэрол всегда совала нос в то, что говорила Виджет, а потом толковала ее слова по Фрейду, Юнгу и Уотсону.

– И я думаю, – сказал я, – кукла назвала тебе свое имя?

– Я не спрашивала ее.

– Любимая, – тут же вмешалась Кэрол, – у тебя же есть имена у всех твоих кукол.

– Я... Привет, мама! Нет, эта кукла была отличной. И она не была *моей* куклой. Это я была *ее* куклой.

Кэрол озадаченно взглянула на меня.

– Виджет, и ты, правда, помнишь об этом?

– Да.

– Ты просто выдумываешь.

– Нет, не выдумываю. Я правда и правда помню. Только не могу вспомнить, когда это было, – очень терпеливо ответила она. Поэтому я спросила папу.

Я было заговорил, но Кэрол прервала меня.

– Она была давным-давно?

– Кукла? – Маленький лобик Виджет сморщился от усилий вспомнить. – Я не знаю.

– Виджет, детка, послушай. Ты говоришь, что положила ее спать в кроватку Сюзи.

– Да, в кроватку Сюзи, но она была такой длинной, что ноги не входили.

Внезапно я понял, куда вела Кэрол. Виджет получила эту кроватку в подарок на день рождения девять месяцев назад.

– А что тогда было на тебе? – продолжала Кэрол.

Виджет прикрыла глаза.

– На мне... было... м-м... Да, мое платье от тети Мари, с розовыми пампушками!

– Мари прислала его месяца четыре назад, верно? – спросил я.

Кэрол кивнула и продолжала:

– А когда ты впервые вспомнила о кукле?

— О, *опосле* обеда, — без колебаний ответила Виджет. — Когда мне сушили волосы под *хроминным* шлемом.

— Переведи, — попросил я жену.

— Хромированный шлем, — сказала Кэрол. — Я взяла ее в салон красоты, там ей промыли волосы, пока я занималась покупками. Ей это понравилось. И она крепко заснула во время сушки. Я запомнила это, потому что, впервые за ее короткую жизнь, она в тот день не сказала и десятка слов подряд.

— Ну, наверное, ей все это приснилось.

— Ну, наверное, мне совершенно не приснилось, — спокойно сказала Виджет. — Сны всегда расплываются. А я точно помню ту куклу.

— Годфри, садись, — быстро сказала Кэрол, когда я начал подниматься с кресла — мне не нравилось, когда кто-нибудь начинал мне категорично противоречить, даже если это была моя родная дочь. — Виджет, выйди из комнаты. Только не выходи из дома. И не спорь со своим родителем.

Виджет пересекла комнату.

— Да, мама. Прости, папа. — Она открыла дверь и вышла, потом просунула в комнату голову. — Но он первый спорил мне, — сказала она и убежала.

— Парфянская стрела, — рассмеялся я. — Кроме того — *touché*. Кэрол, а к чему такой пристрастный допрос?

The Chromium Helmet

by THEODORE
STURGEON

This isn't the best of all possible worlds—but it was no help to five reasonably comfortable people to encounter the strange effects of the "chromium helmet."

(Illustrated by Swenson)

– О... Не знаю, Годфри. Просто она никогда не придумывала такие сложные истории.

– Да ерунда. Это делает всякий ребенок.

– Далеко не всякий, Годфри. И Виджет никогда такого не придумывала.

– Ладно. Значит, она просто доросла до этого. Это совершенно нормально. Любимая, – я подошел к ней, – перестань так озабоченно смотреть! Вы, женщины, поражаете меня. В самом деле. Я люблю своего ребенка, но никогда не мог понять, как женщина может часами изучать лицо ребенка и всегда открывать в нем какие-то новые черточки. Ты всегда занималась этим, а теперь перешла на ее мысли. Ну и что тут страшного, если у ребенка появилось образное мышление?

Но она покачала головой.

– Ну, может, это все глупости. Но есть разница между воображением и воспоминаниями о том, чего никогда не было.

– Не бери в голову. Просто Виджет еще не может выражаться яснее. Я не думаю...

И тут Кэрол подпрыгнула.

– Мой пирог! – закричала она и убежала на кухню.

Вот так просто все и началось.

Только несколько дней спустя я добрался до лаборатории и нашел там Генри, сидящего спиной к двери и, опустив подбородок на грудь, глядящего в окно. Я дважды окликнул его, прежде чем он услышал меня. Генри – правильный парень. И не только потому, что женился на моей единственной сестре.

– Почему такой мрачный? – спросил я.

– Да так...

Я внимательно поглядел на него. Обычно для подобного выражения лица есть лишь одна причина.

– Закончился медовый месяц? – спросил я.

– Нашел о чем вспомнить, – огрызнулся Генри.

Так оно и было. Они с Мари поженились уже четыре месяца назад. Я пожал плечами.

– Не втирай мне мозги, – сказал я. – Парень, я знаю тебя уже давно.

Он вскочил со стула и лягнул его ногой.

– Годфри, у Мари были когда-либо отношения с Уикерхэмом?

– С Уикерхэмом? – удивленно переспросил я. – Нет, черт возьми! Ты знаешь это лучше меня!

Уикерхэм был наш босс, мы работали на него. Он не прославился лишь потому, что не желал этого. А так во всех отношениях он был

просто замечательным. Его фирма занималась производством точного психологического и психиатрического оборудования — измерители рефлексов, гипнотические зеркала, энцефалографы и тому подобное. Уикерхэм был нелюдим, мы вообще почти не видели его. Раз в несколько дней он проходил по лабораториям, офисам и магазину, сжав широкие плечи и шныряя повсюду своими черными глазами. Я всегда думал, что его глаза похожи на линзы фотокамеры, и позже он просматривает все, что запечатлевает во время своих вылазок. Но насколько Мари могла им заинтересоваться — насколько любая женщина могла им интересоваться, — было бессмысленно даже думать. Женщин не привлекают сосульки.

— Генри... Да ты просто бредишь! Они даже никогда не встречались!

— Нет, встречались, — хмуро ответил Генри. — Ты что, не помнишь, на общем банкете?

— А, да! Но он... я имею в виду, что он появился там совсем не для бурного веселья. Он просто хотел посмотреть, сколько людей работают в его объединении, только и всего. Но при чем здесь Мари?

Генри покачал головой.

— Кто-то рехнулся. Возможно, именно я. Мари приехала домой примерно через час после того, как вернулся я. Она была буквально на седьмом небе. Она всегда была нежной, но... — Он погладил большим пальцем обручальное кольцо, — гм-м... в этот раз было нечто особенное. Она превозносила меня. Говорила, что прежде не ценила меня по достоинству. Говорила, что я был такой храбрый, что... без колебаний дал Уикерхэму по морде и сумел пошатнуть Гибралтарскую Скалу его лица... — Его речь стала невнятной. — Все это она говорила минут пять, медленно и задумчиво. Наконец, я попросил, чтобы она рассказала все с самого начала. Она говорила отрывочно, но я понял, что все дело было в том, что Уикерхэм встал перед ней на одно колено, признался в любви и принялся декламировать стихи Китса...

— Уикерхэм?

Генри мрачно кивнул.

— А я вошел, поставил его на ноги, развернул лицом к себе и дал в ухо.

— И где все это происходило?

Он уставился на меня безумными глазами.

— В отдельном кабинете в ресторане «Дом Альтаира».

— В «Доме Альтаира»? Это что на Шестьдесят Четвертой улице, где едят из золотых тарелок?

– Да. И – что самое безумное во всем этом, – я в жизни не был в том ресторане!

– А она была?

– Я спросил ее. Она уверенно сказала, что была, и я там был. И еще удивилась, что я не помню этого.

– Она просто разыграла тебя, Генри.

– Чушь! Ты знаешь свою сестру. Она может кого-нибудь разыграть, но только не так. Нет, она... ну, она говорит, будто помнит все это. Я спросил ее, когда это произошло: до нашей свадьбы или уже после нее. Это поставило ее в тупик. *Она не знала!* Некоторое время она напряженно думала, затем, очевидно, решила, что я разыгрываю ее. Она сказала: «Хорошо, любимый, если не хочешь, не будем говорить об этом», и сменила тему. Годфри, что с ней происходит?

– Прежде она ничего подобного не выкидывала, – ответил я. – Мари очень спокойная девушка. Была, по крайней мере. Может, она увидела это во сне?

– Увидела во сне? – фыркнул Генри. – Есть же кое-какая разница между увиденным во сне и воспоминаниями о том, чего никогда не было!

Где-то я уже слышал недавно такую фразу.

Тем же днем я поднял взгляд от своего рабочего стола и увидел Уикерхэма. В конце дня солнце бросало в окна лаборатории косые лучи, и в них его лицо показалось огромным и странным, с бессмысленными, вельветовыми, как у куклы, глазами. На нем то и дело вздымались желваки, оно выглядело вырезанным неестественно грубо. Дикая история, рассказанная Генри мне утром, с отвратительной яркостью всплыла у меня в памяти, и я представил себе его, напоминающего добродушного щенка, который бьет кулаком по этому каменному лицу.

– А! – сказал я. – Я вас не заметил.

Я стоял перед столом, но Уикерхэм, казалось, смотрел сквозь меня, изучая разложенные детали.

– Это для контракта Хардина? – спросил он.

– Да. Звуковые генераторы со вторичным усилением для создания сверхзвуковой волны.

Он медленно поднял руку, вытянул нижнюю губу, затем столь же медленно опустил руку, и, думаю, это впервые я увидел нечто похожее на нервную жестикуляцию.

– Хардин подождет, – сказал он затем. – Я хочу поставить вас на другой проект.

Я заморгал. Это было совершенно не в стиле Уикерхэма. Да, он старался работать с клиентами как можно лучше. Но когда проект уже был запущен, нужно было доводить его до ума, независимо от того, кто бы ни появился со срочными заказами. У него была определенная репутация, и он мог послать любого, кому она не нравилась.

— Какой проект? — спросил я.

Он глядел на меня в упор. Зрачки в его черных глазах, казалось, расширились чуть ли не на всю радужку. Он выглядел удивленным моим вопросом.

— Сигнализация, — сказал он.

— Но мы ведь не занимаемся... — начал было я. — Я хотел спросить, что за сигнализация?

— Тревожная система психологического действия, — заявил Уикерхэм. — Которая не только объявляет о проникновении злоумышленника или мешает ему, но и приводит к его поимке.

— Вы имеете в виду, делает его фотоснимок?

— Я имею в виду, ловит его.

— И что это за установка? Я хотел спросить, она должна занимать комнату, дом или что?

— Большую комнату, тридцать на сорок метров, с двумя внешними стенами. Четыре окна, одна наружная дверь, две внутренние. Можете раздуть стоимость проекта, как вам угодно, но только сделайте его быстро. Можете использовать любых работников или установки в мастерской. Даю вам абсолютный приоритет. Через час я принесу вам план здания. К тому времени я хочу увидеть ваши предварительные наброски. Вы можете остаться сегодня на весь вечер?

Это было все равно, что просить заключенного в тюрьму преступника никуда не уходить. У Уикерхэма были другие способы, помимо сверхурочного личного появления, заставить своих подчиненных делать то, что он хочет. Ну, ладно, лишние деньги мне не помешают.

— Я должен буду позвонить жене, — сказал я.

Уикерхэм, очевидно, принял это за согласие, поскольку повернулся и ушел, не сказав больше ни слова. Я смотрел ему в спину. Он шел так, словно старался попасть в такт медленной музыке и сдерживал свое желание ускорить шаг.

Ювелирный токарный станок Генри сменил тональность, оставаясь, и Генри подошел ко мне.

— Ты слышал это? — спросил я.

— Большую часть, — ответил он. — Что с ним творится?

— Ты тоже это заметил? — Я покачал головой. — Он похож на наркомана. Только я не могу сказать, чем. Генри, я знаю его и работаю на него почти шесть лет, но теперь оказалось, что ничего в нем не понимаю. Что заставляет его принимать те или иные решения?

— Ну, я-то и совсем не знаю, — ответил Генри. — Старый Джордж, ночной сторож, как-то сказал мне, что Уик частенько приходит еще до восхода солнца и редко покидает фирму раньше полуночи. Иногда он торчит здесь днями и ночами по трое суток подряд. Кажется, он никогда не говорит ни с кем и ни о чем помимо работы. Человек, просто заинтересованный в том, чтобы делать деньги, не ведет себя так.

— Но деньги он делает хорошо, — возразил я. — Он разбирается в прикладной психологии лучше, чем его клиенты, а ведь все они являются большими шишками. Подавляющее большинство раз он получает заказы, сначала сооружая на скорую руку какое-нибудь устройство, например, для механического гипноза или чего-то подобного, а потом созывает врачей, которых это может заинтересовать. Он не ждет, пока они сами придут к нему с заказами. Они приходят по его вызову и всегда остаются довольны. — Я принялся освобождать свой стол, готовясь к новой работе. — Возможно, его психика уже не выдерживает, не знаю. Но только... Генри, я никогда не думал, что наш босс способен сойти с ума.

— Возможно, и он, в конце концов, всего лишь человек, — уныло сказал Генри, и я понял, что он думает о диком рассказе Мари. — Давай-ка, возьмемся за это сигнальное устройство. Что он там говорил о здании?

Так мы прекратили этот разговор и стали работать. В пять я позвонил Кэрол. Она не была довольна моим известием, но нужно знать ее так, как я, чтобы понять, что она не стала высказывать это вслух. Я женился на самой лучшей женщине.

Установку мы придумали хорошую, и я заранее пожалел грабителей, которые попадутся ей, образно говоря, в стальные лапы... хотя не знал, насколько, в итоге, пожалею себя. Ловушка, по желанию Уика, представляла собой чуть приоткрытое окно. Оно могло подниматься всего на шесть дюймов, а потом его останавливал хромированный, не замаскированный стопор. Стопор был таким крепким, что требовалось, чтобы грабитель был вынужден пустить в ход обе руки. Грабитель должен был, прижимаясь к наружной стене, сунуть обе руки в приоткрытое окно и дотянуться до стопора. И как только он дотрагивался до него, то — бац! — и оконная рама с силой опускалась на его бицепсы. Не было ни звонков, ни тревожных сирен, ни световых сигналов. Просто в полицию поступал вызов, и полицейские могли приехать в любое время и

взять голубка под крылышки. Вся установка была невидна, так как с двух сторон окружалась газонами и высокой каменной стеной. Стену поверху охраняли невидимые лучи. Еще парочка лучей пересекали открытый проход в стене, без дверей. Когда полицейские прибывали за злоумышленником, они, входя, пересекали эти лучи, и окно разблокировалось. Но если бы кто попробовал подняться по стене, то вход мгновенно бы перекрывался решеткой.

В девять вечера, когда появился Уикерхэм, чтобы понаблюдать за мной и Генри, я вручил ему набросок установки, который наложил на план здания. Он взглянул на него и бросил на стол, не издав ни звука, который можно было бы принять за похвалу. Он оставался полчаса и был почти незаметным, не считая того раза, когда Генри оторвался от работы, смахнул со лба пот и зажег сигарету. Тогда Уикерхэм вздохнул, и этот вздох был в десять раз хуже, чем если бы он рывкнул, чтобы Генри вернулся к работе. Генри сгорбился и погасил сигарету.

Примерно в половине второго ночи я закончил возиться с захватом окна и соединил его обычной скрытой проводкой. Затем подошел к Генри, который занимался последним из проекторов ультрафиолетовых лучей.

— Это все?

— Да, — кивнул Генри. — Звони Уику. — Он зевнул. А я хочу спать.

Я нажал кнопку вызова Уикерхэма, и мы услышали, как открылась дверь его кабинета.

— Пошел, родимый, — пробормотал Генри. — Наверное, мчитесь сюда во весь опор.

— Закончили? — спросил, входя, Уикерхэм. Мог бы добавить «Прекрасно!», но это было не в его стиле. — Помогите отнести все части ко мне в машину.

— Вы хотите, чтобы мы помогли с монтажом? — спросил Генри.

Уик нетерпеливо помотал головой.

— Об этом позаботятся другие.

Мы собрали все чертежи, запасные кабели и детали установки и унесли их вниз. Как только все было погружено, Уикерхэм прыгнул за руль, и машина с ревом умчалась в темноту.

— Странное дело, — сказал я, услышав, как завизжали покрышки на резком повороте.

— Все, что он делает, можно назвать странным, — проворчал Генри и снова зевнул. — Отвези меня домой, спать хочу.

Я высадил Генри у его дома и поехал к себе. Когда я сворачивал на дорожку, то увидел в окне спальни свет, а когда закрывал дверь гаража, свет зажегся и на кухне. В любое время суток, будь то рано

вечером или поздно ночью, но когда я возвращался домой, Кэрол должна была проверить, есть ли у меня что на ужин. Вот так и балуют мужчин.

– Привет, красавица, – сказал я, водружая ей на голову свою шляпу, она тут же бросила ее через плечо, схватила и поцеловала меня. – Как там Виджет?

– Болтала весь день, – ответила Кэрол, идя к плите, на которой уже закипал кофе. – Все продолжает вести разговоры о говорящей кукле в «красном педернике».

– Кэрол! – Я подошел к ней и уткнулся носом в ее волосы. – Ты все еще волнуешься из-за этого. – Я понюхал. – М-м, как вкусно пахнет.

– Сделала завивку, – ответила она. – Не испорти прическу, дорогой. Да, я немного волнуюсь. – Она помолчала, пока ее руки ловко резали и выкладывали на тарелку хлеб, но мыслями была где-то далеко. – Сегодня заходила Мари.

– Да?

– Генри тебе что-нибудь говорил?

– Ну, да. Он...

Кэрол вдруг заплакала.

– Любимая! Кэрол, что... Перестань плакать и расскажи, что случилось?

Но она не переставала. Кэрол плачет довольно редко. Я думаю, ей самой это не очень нравится.

– Наверное, я слишком счастлива, Генри. И теперь мне... даже не знаю. Наверное, стыдно. Потому что в душе я позлорадствовала о Мари.

– Слишком счастлива? Черт?! И из-за этого нужно плакать? – Я стиснул ее в объятиях. – Этак ты можешь проплакать всю жизнь, милая.

– Нет, я не счастлива... я... Я не знаю, что это. – Она положила нож и тоже обняла меня. – Я боюсь, Годфри, я боюсь!

– Но чего ты боишься?

– Не знаю, – прошептала она и внезапно сильно задрожала, но тут же затихла. – Я чего-то боюсь, и не знаю, чего. Это *его* часть. Часть *чего-то*... то, что я напугана, хотя *сама не знаю*, чем. Ты понимаешь, какая здесь разница?

– Конечно, понимаю.

Внезапно я почувствовал к ней то же самое, что испытывал к Виджет. Она была такой маленькой и столько еще не понимала. И я заговорил с ней так же, как разговаривал с дочерью.

– И какое это *что-то*, любимая? Это *что-то*... Оно может причинить тебе боль?

Она кивнула.

— И как оно может причинить тебе боль? — Она так долго молчала, что я решил, что она не расслышала. — Как оно может причинить тебе боль, любимая? — повторил я. — Оно может внезапно выскочить и сбить тебя с ног? Это такое *что-то*?

Кэрол тут же отрицательно покачала головой.

— Оно может причинить боль... нам?

Она кивнула.

— Как, Кэрол? — спросил я. — Как оно может что-то нам сделать? Оно может что-то отнять у нас?

— Оно уже что-то отняло.

— Но что?

— Я не знаю. Я не знаю. Я не знаю. Я не знаю, — забормотала она.

Я обнимал ее, крепко прижимал к себе и чувствовал полную растерянность. Какое-то время спустя я отошел и сел за стол, а Кэрол закончила делать мне сэндвичи.

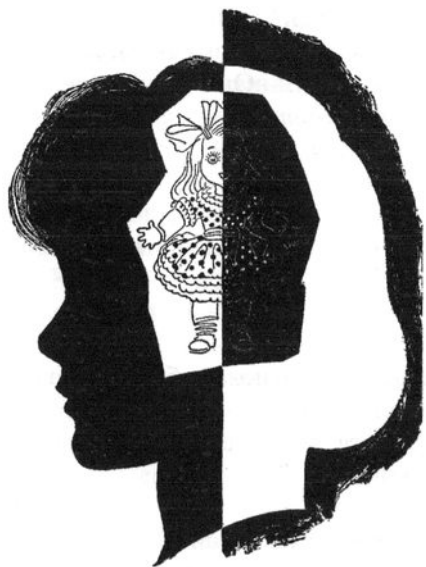
Но на этом ничего не прекратилось. Через три дня я был уже в том же состоянии, в каком пребывал Генри, когда Мари рассказала ему свою фантазию — а Генри стало еще хуже. Мы почти не работали, потому что постоянно прерывали друг друга рассказами о странных поступках наших жен, и это было отнюдь не забавно.

— Она не может ничего забыть, — сказал Генри, тупо уставившись на свой рабочий стол.

Весь его график полетел ко всем чертям. Парень был трудолюбив, но эти события мешали ему сосредоточиться на деле.

— Если бы я только знал, насколько это серьезно для нее, то тогда, в первый раз, усмехнулся бы и сказал: «да-да, продолжай». Но тогда я не знал, а теперь бесполезно и пробовать. Я приложил все усилия, чтобы убедить ее, что между нею и Уиком никогда ничего не было, но все напрасно. Чем больше я убеждаю ее, тем сильнее она упирается. Если она мне поверит, то тут же усомнится в своем рассудке. А если так и не поверит, то будет пытаться понять, какие у меня могли быть мотивы для отрицания этой истории. — И он развел руками, печально подняв брови. — Тупик. Что тут можно поделать?

— Тебе еще повезло, — вздохнул я. — По крайней мере, Мари знает, что тревожит ее. А вот Кэрол не знает. Она боится, потому что не знает, чего именно боится. Она чувствует, что потеряла что-то важное, и напугана, потому что не может понять, что именно. Когда Мари волнуется — и, может, ревнует? — это обычное дело. А вот Кэрол никогда ничего не боялась. Я и раньше видел взволнованную Мари. Но я никогда не видел испуганную Кэрол.

Генри бросил притворяться, что работает, и подошел ко мне.

— Кэрол была самой хладнокровной из всех женщин, каких я встречал, — задумчиво сказал он. — Да, может, мне повезло... Но я... я не чувствую себя везунчиком, хотя... Годфри, давай перестанем размышлять о следствиях и подумаем о причинах. Две женщины испытывают... Ну, назовем это затруднениями. Может ли это быть совпадением?

— Совпадением? Конечно, Генри. Ведь затруднения, как ты их назвал, совершенно различные.

— А так ли это?

— Ну, и что у них общего? —

спросил я.

— Н-да, — с сомнением протянул Генри. — Гм-м... Наверное, ничего. Кроме того, что обе они что-то потеряли, и это волнует их.

— Что-то потеряли? Кэрол — да, но что потеряла Мари... А-а!.. Думаю, я понимаю, что ты имеешь в виду. Мари помнит о событиях, которых никогда не было, так что, можно сказать, которые она потеряла, как куклу Виджет в переднике.

— Какую куклу?

Я рассказал Генри о ней.

— Я чувствую, что это из той же серии, что и у Кэрол, — сказал я. — Дочь волновалась и... Эй! Да ведь, если подумать, проблема Виджет совпадает с проблемой Мари! Она ясно помнит о том, чего никогда не было. И это мучает ее, так как она считает, что что-то потеряла. — Я уставился на Генри.

— И в этом отношении мы с тобой уж точно испытываем одни и те же трудности, — внезапно сказал Генри. — Уж мы-то точно кое-что потеряли.

Я знал, что он имеет в виду, особенно для него самого. Он женился недавно и не хотел, чтобы его брак был испорчен. А если он внезапно портится, то становится очень плохо.

— Нет, Генри, не знаю, почему, но я думаю, что это второстепенный вопрос. Мари, Виджет и Кэрол. У всех троих есть кое-что. И именно из-за этого нам с тобой сейчас так плохо. — Внезапно я

заметил, что Генри даже не притворяется, будто работает. — Генри, у нас есть сроки и план работ. Уикерхэм...

Генри кратко и энергично определил, куда могут отправиться Уикерхэм и сроки.

— Ладно... — добавил он. — С кого все началось?

— Ну... Ма... Нет, не с Мари. С Виджет и ее куклы. Затем Мари с ее мелодраматической историей. А потом и Кэрол с ее... да, потом Кэрол.

— Значит, с Виджет?

— К чему ты клонишь? — рявкнул я, видя, как заблестели глаза Генри.

— Мари ведь часто приходит к вам, верно?

— Генри, ты с ума сошел! Заразное... расстройство психики?

— Но ведь началось все у нее, разве не так?

— Генри, она — просто ребенок!

Генри твердо поглядел на меня.

— Просто ребенок. Что бы ты сказал, если бы они все трое заболели скарлатиной, а Виджет заболела бы первой?

— А теперь послушай, — сказал я, пытаюсь говорить спокойно.

— Надеюсь, я не прав относительно того, к чему ты ведешь. Но с моим ребенком все в порядке, понимаешь?

— Коллеги, вы что-то потеряли? — спросил Уикерхэм.

Мы оба опешили. Уик всегда ходил бесшумно, как кошка. Генри устался на босса, и ноги сами унесли его на рабочее место.

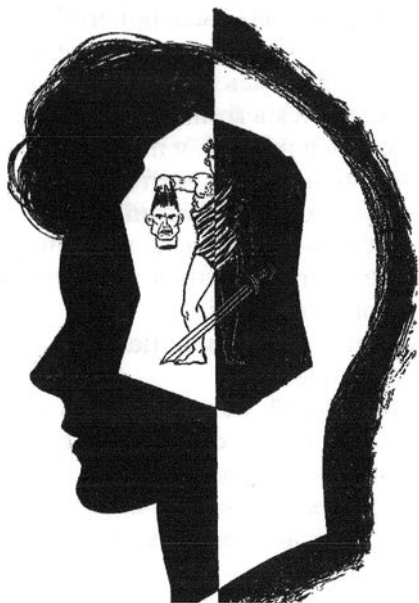
Уикерхэм стоял, покачиваясь с пятки на носок, и спрятав за спину свои большие руки. Внезапно его фигура утратила свое величие, сверкнули в усмешке белые зубы. Он повернулся и ушел.

— Ему, — пробормотал Генри,

— что-то показалось смешным.

— Иногда, — сказал я, — я жалею, что он нам так хорошо платит.

И мы принялись за работу. Даже если бы Уик постарался, то не смог бы выбрать более подходящий момент прервать нас. Я как раз собирался высказать Генри все, что думаю

об его глупых инсинуациях насчет ребенка. Но теперь мрачная сосредоточенность Генри на работе не дала мне выпустить пар, и он копился, пока не начал причинять боль. Больше мы не сказали друг другу ни слова, хотя я, как обычно, подвез его домой.

— Виджет, — сказал я после ужина, — ты все еще говоришь всякие глупости об этой кукле?

— М-м-м... — помычала она с невинным выражением личика.

— Ты знаешь, о чем я. Мама сказала, что ты все уши прожужжала о ней.

— Я просто хочу вернуть свою куклу. Миссис Вильтон сказала маме, что всякий раз, как она хочет добиться чего-либо от своего старика, она просто говорит и говорит об этом, пока он не уступит, лишь бы она заткнулась.

— Виджет! Ты не должна подслушивать!

— Подслушивать? Папа, а ты слышал, как говорит миссис Вильтон?

Я невольно рассмеялся. Миссис Вильтон даже шептала не тише, чем на ста тридцати пяти децибеллах.

— Виджет, не меняй тему! Если бы я мог достать тебе такую куклу, то я бы сделал это. Ведь ты же знаешь.

— Конечно, папа. Но у меня *была* эта кукла.

— Милая, у тебя не было такой куклы. Понимаешь, просто не было. Иначе я бы помнил о ней. А я *не помню*.

Она открыла было рот, чтобы возразить, но я не стал ее слушать. Я знал, что следует дальше. Глаза Виджет наполнились слезами, и она бросилась на кухню, где Кэрол мыла посуду.

Я остался в комнате, чувствуя себя расстроенным, чувствуя, что сержусь и на себя, и на своего ребенка. Я попытался понять, о чем говорят на кухне, — оттуда доносился тоненький, несчастный голосок Виджет и мягкий, утешающий голос Кэрол, — но не смог разобрать ни слова. У меня было сильное искушение пойти туда и защитить себя, но я знал, что Кэрол и сама может справиться с любой ситуацией.

Казалось, прошли целые месяцы, прежде чем Кэрол появилась в гостиной.

— Дорогой, не уходи. Если тебе не хватило, ты можешь попросить добавку, — сказала она голосом, в котором слышалась бесконечная нежность.

А затем подняла на меня блестящие от слез глаза.

— Годфри, как ты можешь вести себя настолько глупо? — зло спросила она.

— А в чем дело?

– Да ты просто идиот! – сказала она, устало опускаясь на стул.
– Тебе мало, что дочь пребывает во власти опасной фантазии. Ты решил сделать еще хуже.

– Не вижу в этом ничего опасного, и не понимаю, как я сделал еще хуже, – спокойно ответил я. – А во всем остальном ты права.

– Не надо сарказма, – вздохнула Кэрол. – Он не подходит к твоему глупому лицу. О, любимый, ты правда не понимаешь, что произошло? – Она подалась вперед и сказала более мягким голосом. – Виджет не просто спрашивает об этом кукле. Она встревожена, и это тревожит меня, но я ничего не могу с этим поделать.

– А что такого сделал я?

– Ты дал ей новый аспект ее проблеме. Сначала кукла была важной, но не чрезмерно. Но ты навалил на нее неразрешимую задачу.

– Любимая, к чему ты клонишь?

– Любимый, – передразнила она меня, – как ты думаешь, из-за чего сейчас плакал ребенок?

– Ну, наверное, она была разочарована, что ее кукла оказалась просто вымыслом.

– Ничего подобного. Она плакала, потому что потеряла что-то более важное, чем кукла. Видишь ли, любимый, пусть это странно звучит, но она доверяет тебе. Она верит тебе. Она поверила тебе и сейчас, когда ты так подробно объяснил ей, что она ошибалась насчет куклы.

– Именно этого я и хотел добиться.

– Но она *знает*, что *не* ошибалась.

– Но мысли о подобной кукле – просто вздор!

– Да, вздор. Но для нее кукла реальна. И она встревожена, потому что память об этой кукле для нее реальна. И единственным доказательством против являются твои слова. Она хочет верить им, но для этого должна отвергнуть то, что считает реальным. Это против человеческой природы – любой нормальной человеческой природы, – выбирать веру, если альтернативой ей являются прямые доказательства.

– А-а... а-а... Кажется, я начинаю понимать, что ты имеешь в виду. Выходит, она потеряла...

– И то, и другое. И свою куклу, и веру в тебя.

Внезапно нижняя губа Кэрол начала набухать.

– И также Мари и... и...

Я глядел на нее и вспомнил о подкравшемся, как кошка, Уикерхэме и его удивленном вопросе: «Что-то потеряли?». Думая об этом, я почувствовал, что начинаю сходить с ума.

Все утро между мной и Генри сохранялись прохладные отношения. Я уткнул нос в работу, и он тоже. Его предположение, что моя Виджет каким-то образом заразила Кэрол, а затем и Мари, пугало меня, и, очевидно, его негодование на состояние Мари было невольно направлено на Виджет через меня. И это было неприятно.

Потом лед тронулся. Вскоре после полудня Генри первый подошел ко мне и тронул за колено.

— Давай, пойдем поедим.

— Я взял ленч с собой.

Он заколебался. Потом повернулся и вернулся на свое место. Внезапно я почувствовал себя последней скотиной.

— Пойди, Генри, — окликнул я.

Обычно мы ели за рабочими местами, но когда хотели глотнуть пива, то отправлялись за угол в заведение О'Даффа. Я выключил паяльник, осциллограф и догнал его у двери.

После того, как мы обосновались в гриль-баре, Генри, громко жуя бутерброды, начал первый.

— Послушай, — сказал он, — я готов взять обратно свои слова, если ты можешь предложить им альтернативу. Это просто необходимо. Потому что все это — настоящее сумасшествие.

— Брось, Генри, — усмехнулся я, — я понимаю, почему ты стал объяснять все инфекцией. Просто это был единственный общий знаменатель. А теперь, вместо того, чтобы делать поспешные выводы, давай предположим существование еще одного.

— Давай, — сказал он и добавил: — Годфри, я так устал сходить с ума от всего этого!

— Знаю, знаю, — улыбнулся я. — Ты хороший парень, Генри, несмотря на свою внешность. Теперь начинаем соображать, когда с нашими женщинами случилось это несчастье, и где? Когда это было — в среду днем или раньше?

— Гм-м... Не знаю. По-моему, это было вне дома. Мари вернулась домой уже такая. Мне кажется, ты сказал, что у твоей дочки все началось, когда ты вернулся домой тем же вечером?

Да, и Кэрол днем тоже не было. Ну-ка, ну-ка... Виджет днем, Кэрол вечером, а Мари когда?

— Она вернулась домой поздно с премьеры, уже ночью, и тут же принялась нахваливать меня за действия, скорее подходящие Хэмфри Богарту *

— А где она была днем?

— Гм-м.. Не знаю. Наверное, занималась покупками.

* Хэмфри Богарт — знаменитый голливудский киноактер середины двадцатого века (прим. перев.)

– Так позвони ей и спроси.

– Ладно... сейчас... Нет, Годфри, я не хочу напоминать ей об этом.

– Я тебя понимаю. Ну, может быть, это и неважно.

Я принялся думать, напрягая мозги так, что они затрещали. В голове замелькало одно из бесчисленных неправильных словечек Виджет.

– Красный *педерник*, – задумчиво сказал я.

– Что? – удивленно спросил Генри.

Я усмехнулся.

– Погоди... М-м... Ага, понял! Я понял, Генри! *Кроминный* шлем.

– А я олимпийский чемпион. Что ты несешь?

Я взволнованно схватил его за руку, так что он пролил свое пиво.

– Кэрол взяла с собой девочку в косметический кабинет, чтобы ей помыли там голову. Виджет сама мне сказала, что вспомнила о своей говорящей кукле под *кроминным* шлемом – хромированным шлемом. Она крепко заснула под феном. И – да, именно, Генри! – той ночью, когда Кэрол впервые рассказала о своих страхах неизвестно чего, я, чтобы успокоить ее, сказал, что она хорошо пахнет. Она ответила, что это после завивки. А той ночью, когда Мари пришла домой с выдуманными воспоминаниями, где она могла быть перед премьерой?

– В косметическом салоне! – воскликнул Генри. – Конечно! – Он задумался, в то время, как пролитое пиво капало со стола ему на брюки, затем резко вскочил, опрокинув при этом мое пиво. – Ну и дела! Так чего же мы ждем?

Я бросил деньги на столик и бросился за ним.

– Эй, постой! Притормози! Давай сначала все обдумаем. Если я не ошибаюсь, этот салон, известный под названием салон Фрэнки...

– Да, на Беверли-стрит. Давай, идем!

Он весь дрожал от волнения. Только теперь я стал понимать, как все это давило на него. Ну, конечно, у Мари никогда не было такого такта, как у Кэрол. Должно быть, она прожужжала ему все уши.

– Но, Генри, этот салон закрыт. Совсем закрылся. Капут!

– Что? Откуда ты знаешь?

– Кэрол сама сказала мне это. Он был удобно расположен неподалеку от наших домов, поэтому Мари и Кэрол пользовались им. Но им этот салон не нравился. Там все время менялся персонал...

– Годфри... Так что нам делать?

Я пожал плечами.

– Вернуться на работу, а что же еще? Сядем на телефон и будем звонить, пока не узнаем, кто хозяин того места и нельзя ли нам попасть туда и осмотреть помещение.

– Но, черт побери, они же могли уже вывезти все оборудование!

– А вдруг еще не вывезли. Салон закрылся лишь несколько дней назад. Во всяком случае... а у тебя есть другие идеи?

– У меня? – с сожалением спросил Генри и, ссутулившись, направился в лабораторию.

Когда я вернулся домой тем вечером, Виджет встретила меня у двери. Она приложила пальчик к губам и вытолкала меня за дверь. Там я остановился, а она плотно прикрыла дверь за собой.

– Папа, нам нужно что-то сделать с мамой.

В животе у меня похолодело.

– Что случилось?

Она взяла мою руку и улыбнулась.

– О, папа, я не хотела тебя напугать. Ничего не случилось, только... – Она страдальчески сморщилась. – Она все время плачет... или почти все время.

– Да, обезьянка, я знаю. Она что-нибудь говорила?

Виджет торжественно покачала головой.

– Нет, и не скажет. Она только сидит и глядит вперед, а когда я подхожу, стискивает меня в объятиях.

– Она не очень хорошо себя чувствует, любимая. Но скоро все будет в порядке.

– Да, – сказала Виджет и глянула на меня как-то странно, исподлобья, так что я сразу вспомнил слова Кэрл об утрате доверия дочери.

– Виджет! – Я обнял ее и, увидев, как она поразилась, опустил ее на колено и взял ее за плечи. – Виджет... ведь ты доверяешь мне?

– Конечно, папа, – успокаивающе сказала она.

Я когда-то слышал, как психиатр сказал пациенту: «Конечно, вы – Александр Великий» почти таким же тоном.

– Конечно, с мамой все будет в порядке.

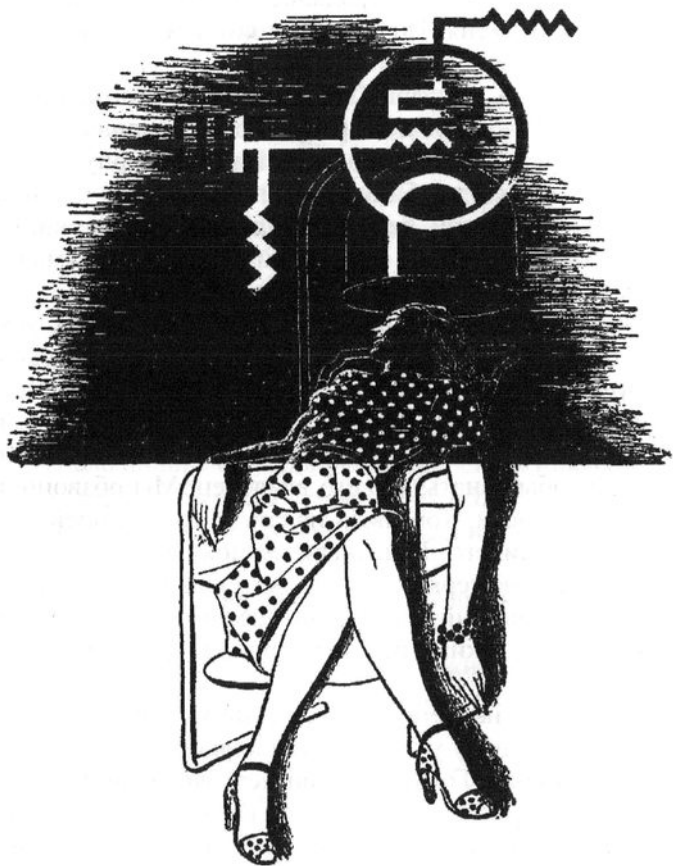
– Но что-то ты не очень весела.

Виджет взглянула на меня ясными глазами.

– Ты сказал, с ней все будет в порядке, – сказала она мне. – Ты не говорил, что сделаешь ее в порядке.

– А, – сказал я. – А-а... Погуляй возле дома, Виджет.

Кэрл я нашел оживленно суетящуюся на кухне. Мне сразу же бросился в глаза тот необычный факт, что вся еда была быстрого приготовления. Вероятно, она ничего не делала, пока моя машина не появилась возле дома.

Она улыбнулась мне одними губами и даже не сделала попытки поймать брошенную шляпу.

— В чем дело, кухарка?

— Ни в чем, — сказала она, обняла меня за шею обеими руками и заплакала.

Я зарылся носом в ее волосы.

— Я не могу это принять, — мягко сказал я. — В чем дело, любимая? Все продолжается?

Она кивнула и спрятала лицо мне в плечо. Прошло какое-то время. Прежде чем она смогла говорить, и сказала:

— Это все хуже и хуже, Годфри.

— Расскажи подробнее об этих изменениях, Кэрол.

Она покачала головой со страдальческим видом, закрыла глаза и отодвинулась от меня. Повернулась спиной ко мне, прижала к щекам кулачки и заговорила:

– Все изменилось, Годфри. Ты, я, Виджет, и дом, и все люди. Раньше все было нормально, прекрасно и совершенно, а теперь – нет. Не знаю, как именно, но нет. И я хочу вернуть все назад, сделать таким, каким все было! – последние слова были воплем, вырвавшимся из ее души, бессвязной речью мальчишки, который потерял свой складной нож и который до сих пор думал, что он уже слишком взрослый, чтобы плакать.

– Идем-ка, мягко сказал я и провел ее в гостиную, где усадил на кушетку, сел рядом и крепко обнял. – Любимая, послушай. Мне кажется, что мы с Генри напали на след всего этого. Ничего не делай. Только выслушай меня. – И я рассказал ей о том, как мы с Генри додумались до косметического салона. – Днем мы сели на телефон, чтобы узнать, кто его владелец. Мы обзвонили агентов по недвижимости, Торговую палату и трех парней по имени Смит. И везде – ничего. Мы никак не можем выйти на хозяина. Нам дали четыре номера телефона, которые не отвечают, и еще один, все время занятый. Но мы считаем, что это глупое дело не столь таинственно, каким представляется, и что мы все же во всем разберемся.

Кэрол поглядела на меня просветлевшими глазами и тихонько стукнула по моему носу указательным пальцем.

– Ты такой милый, Годфри. Такой чертовски милый, – сказала она и, все так же улыбаясь, снова заплакала. – Но что бы вы не сделали, вы не сможете вернуть потери – мою, и куклу Виджет в красном переднике, и героя Мари Генри... Их просто не стало.

– Ты забудешь это.

Она покачала головой.

– Чем больше проходит времени, тем больше потеря. Похоже, это так и есть, неужели ты не понимаешь?

Я чуть откинулся и поглядел на нее. Ее щеки казались чуть впалыми. Всего лишь раз за все эти годы она заболела, и тогда ее щеки стали точно такими же. Я попытался представить, что будет дальше, и то, как быстро она изменилась за последние несколько дней, меня испугало. А что с ней станет, если это не прекратится?

Я отпустил ее и встал.

– Я больше не могу выносить этого, – сказал я. – Просто не могу. Потом подошел к телефону и набрал номер.

– Генри?

– Генри у тебя? – раздался напряженный голос Мари.

– О, привет, сестренка. Нет, у меня его нет.

– Годфри, а где же он?
– Не знаю. Что у вас произошло?
– Годфри, – сказала она, не ответив на мой вопрос, – Он действительно ударил Уикерхэма?

– Если ты так утверждаешь... – осторожно сказал я.

– Я не знаю, что думать, – отчаянным голосом сказала она. – Я видела, как он это сделал. Но я не могу понять, почему он по-прежнему работает у Уикерхэма. Как он может работать на него после того, что случилось?

– погоди и послушай. Ты не выгоняла его из дома?

– Нет, я...

Я понял, что семейные отношения Генри стремительно падают вниз.

– Послушай, детка. Говорю тебе, успокойся и не бери ничего в голову. Ты слышишь? Он ведь умный парень и никуда не денется. – Это был старый приемчик старшего брата, и я знал, что ей нужна хоть такая поддержка и что Генри действительно ничего с собой не сделает.

– Но где же он? – голос ее был еще раздражительный, но уже не такой подавленный.

– Наверное, идет ко мне, – предположил я. – Я присмотрю за ним, не волнуйся, и обязательно позвоню тебе. А ты пока жди и не раскисай.

– Ладно, Годфри. Спасибо, милый.

Кэрл насмешливо поглядела на меня, когда я положил трубку.

– Я хочу есть, – сказал я

Она одарила меня бледной улыбкой и чуть насмешливым тоном сказала «салам»*, как всегда, когда хотела подтрунить надо мной.

– Слушаю, хозяйин. – И она пошла на кухню.

Внезапно я почувствовал на себе пристальный взгляд Виджет. Она стояла в двери, ведущей в холл, спрятав руки за спину и слегка покачиваясь на носках – эту позу она переняла у меня.

– Ты свихнулся, – спросила она, – или собираешься что-то сделать?

– Разве есть разница? – требовательно ответил я вопросом на вопрос.

Меня раздражало то, как она покачивалась.

– В общем-то, нет, – сказала она моим же тоном, но внезапно стала маленькой, растерянной и беспомощной девочкой. – Папа, ты нашел, как можно все прекратить?

* Салам – восточное приветствие (прим. перев.)

– Не волнуйся, родная. Мамочка снова станет счастливой. – При этих словах она стала очень задумчивой, и внезапно я понял, на что она намекает. – Ага! Что, юная леди, ты тоже считаешь покончить с этим?

– Я?

Я рассмеялся, раскрыл объятия, и она ринулась в них.

– Любимая, даю тебе обещание насчет этой куклы. Не знаю, найду ли я ее. Но я никогда-никогда больше не скажу, что ее не было. Понятно?

И на этот раз, что бывает очень редко, она поцеловала меня вместо ответа.

Мы только приступили к жаркому с сыром и кофе, как в дверь постучали так, как всегда стучит Генри. Через секунду он уже ворвался в комнату.

– Я... – едва выговорил он, потому что совсем задохнулся.

– Виджет, любимая, поешь в своей комнате, – спокойно сказала Кэрл. – Возьми тарелку, а я возьму чашку и отведу тебя.

Генри благодарно взглянул на нее, когда они с дочерью вышли из комнаты, затем повернулся ко мне.

– Становится все хуже, Годфри – гораздо хуже. Еще один такой день, и у нас с Мари все рухнет. Годфри, она не оставляет меня в покое. Она не думает больше ни о чем, кроме этого дурацкого происшествия с Уикерхэмом. Я должен это прекратить – иначе все пойдет прахом.

Я налил ему глоток рома.

– Это не поможет, – сказал он и выпил залпом, словно запивал водой лекарство, прежде он никогда так не делал. – Годфри, я должен что-нибудь сделать. Почему мы не можем пойти и как-нибудь пробраться в этот салон?

– Это первое настоящее предложение, какое я услышал за последнюю неделю, – ответил я. – Так давай пойдем.

Как раз тут спустилась Кэрл.

– Милая, ты можешь позвонить Мари? – спросил я через плечо. – Скажи, что с ее Генри все в порядке, что мы пошли с ним гулять, или выпить, или что-нибудь умное, ладно?

Она кивнула и, когда мы уже открыли дверь, спросила:

– А куда вы идете?

Я послал ей воздушный поцелуй, она поймала его и положила в карман, как всегда делала. Пока я жив, никогда не забуду, как она стояла там, на свету, взволнованная, любимая и прекрасная.

Мы прошли в гараж и сели в машину. Когда уже завелся двигатель, Генри внезапно протянул руку и выключил зажигание.

— А тебе не пришло в голову, что не стоит ехать с пустыми руками? — спросил он. — Как ты думаешь, не лучше ли взять с собой какие-нибудь инструменты?

— Ты знаешь, что делаешь, — восхищенно сказал я. — А я-то думал, что являюсь мозгом в этом деле.

Мы вылезли из машины и подошли к верстаку. В инструментальном ящике нашлась пара гаечных ключей, фонарь и переноска на батарейках. Тут мне пришла в голову одна мысль, и я снял с полки небольшой черный футляр.

— Измеритель индукции, — сказал я. — Он нам может пригодиться. Если фен вызвал все это, то он может быть под напряжением. И хорошо бы понять, куда именно он подключен и где берет энергию.

— Ладно, — кивнул Генри. — Возьми также и мультитестер. И выдергу.

Набрав полные руки, мы вернулись к машине, свалили все на заднее сидение и, наконец, выехали из гаража.

До квартала, где находился салон красоты, мы добрались без происшествий, припарковали машину и пошли взглянуть на него. Салон был в переулке. Это была обычная кирпичная пристройка к стене здания, похожего на длинный склад. Рядом был открытый с двух сторон дворик и кирпичная стена со сводчатым проходом, над которым дугой прикреплены металлические буквы «Салон Фрэнки».

— Не очень-то привлекательно, — с отвращением пробормотал Генри.

Мы остановились у прохода.

В переулке было темно, не считая единственной лампы прямо над проходом, ведущим к парадной двери салона.

— Может, не стоит? — сказал я.

— Придется.

Генри бросил беглый взгляд на улицу. В поле зрения было лишь два пешехода, удаляющихся от нас.

Я заколебался.

— Я не...

Но тут что-то всплыло из подсознания, хотя я не мог уловить, что именно. Что-то насчет стены. Черт с ним.

— Ладно, идем.

Мы подошли к двери с таким видом, словно наши намерения были вполне благопристойны. На ней висела табличка «Закрyto до дальнейшего извещения».

— Все сходится, — шепнул Генри. — В этом месте есть явно что-то недоброе.

— Почему?

– Ты когда-нибудь видел, чтобы арендованное помещение закрывалось без всякой информации о том, что оно сдается или выставлено на продажу, без указания арендной платы или чего-то подобного?

– Гм-м... Теперь вот вижу.

Дверь была заперта. Большая, прочная дверь.

– Окно? – прошептал Генри.

Мы спустились на несколько ступенек, ведущих к двери. Уличная лампа давала так мало света, что мы оказались почти в полной темноте. Мы прошли вдоль стены и увидели окно.

– Тоже заперто, – сказал Генри и выругался. – Годфри... ты можешь постоять в сторонке, пока я схожу за инструментами? Нет никакого смысла бегать нам обоим туда-сюда.

– Ладно. Возьми выдергу, отвертку и... Да, возьми из-под сидения домкрат на случай, если окно заест. А также фонарь, батарейку и измеритель.

– Святой Боже, – сказал Генри. – Да ты типичный злодей из фильмов.

– Я всего лишь вспомнил то время, когда был бойскаутом.

Он исчез в темноте. Я потерял его, затем увидел его силуэт на фоне освещенного прохода. Он быстро прошел через него и снова исчез из поля зрения. И тут я услышал безошибочный щелчок реле.

Если бы мне на плечо легла чья-то рука, я и тогда не был бы поражен сильнее. Я прошел к окну и потрогал рукой раму. Она была самая обычная. Проведя пальцами по ее нижнему краю, я коснулся трех шляпок забитых гвоздей. Прислушался, но ничего не было слышно.

Через несколько минут вернулся Генри с охалкой оборудования. Я понял, что в нем зудит жажда действий, неважно, полезных или нет. Он прошел, пыхтя и отдуваясь, ко мне в темноте.

– Сюда, Генри, – тихонько позвал я.

Он ударился о стену, чем-то загрохотал и пошел дальше, пока я не сказал «стоп».

– Сладкая Сью, – пробормотал он, – разве я не похож на нетерпеливого бобра?

– Почему бы тебе еще не включить фонарь и начать трубить в горн? – огрызнулся я. – Было бы еще веселее. Окно заперто, и рама забита гвоздями.

– Дай мне фонарик, – сказал он, кладя всю ношу на землю.

– Ты что, мне не веришь? – спросил я, и как раз в этот момент снова щелкнуло реле.

Генри что-то проворчал, включил фонарик, прикрыл его сбоку ладонью и направил свет на окно.

— По-моему, я слышал щелчок реле, — сказал он.

— Верно. Я слышал его пару минут назад.

— Отлично, — сказал Генри. — Значит, в любую секунду взревет сирены, вспыхнет свет и тут появятся полицейские. То, что ты слышал, было сигнализацией!

Я хлопнул ладонью по лбу.

— Сигнализация! Как я мог быть таким тупым!

— Годфри, а что нам теперь делать?

— Скажи: «Сезам, откройся», — усмехнулся я. — Давай сначала посмотрим.

Он передал мне фонарик, и я направил его на окно. Ничего не произошло.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил Генри.

И тут раздался щелчок, и из стены выступила целая секция панелей.

— Братцы, держите меня! — выкрикнул Генри фразу, которой пользовался лишь в исключительных случаях. — Да это же наша охранный система!

— Мне совершенно не нравится, — медленно сказал я, — то, что здесь происходит.

Но мысли Генри, очевидно, направились в другую сторону.

— Уикерхэм сам установил ее после того, как мы создали ее в такой спешке, — сказал он. — Значит, он должен знать, кто хозяин этого заведения. Эй! Нам остается лишь позвонить ему и предъявить счет!

— Нет! — яростно рявкнул я.

Нужно быть жестоким с Генри, когда он начинает идти вразнос. Остановить его труднее, чем любого другого человека из тех, что я видел.

— Пойми же. Он не стал говорить нам, для кого нужна эта установка. Даже монтировать ее поехал сам. Поэтому я не думаю, чтобы он раскололся сейчас.

— Но почему?

— Это я и пытаюсь выяснить. Генри, все ведет к нему. Мари выдумывает историю о нем. Хромированный шлем «фена» слишком уж напоминает его психосоматические прикормы. Теперь мы видим устройство против воров, созданное в его мастерских и смонтированное лично им, явно для охраны этого фена...

— ...или места, где был этот фен. Я понял, к чему ты ведешь. — Генри внезапно стиснул мою руку. — Ничтожество! Вспомни, как

его насмешило, когда он подслушал нас, разговаривающих о наших женщинах...

— Это нужно забыть. Не думаю, что остались какие-то сомнения в том, что он что-то знает об этом месте.

— Но проблема в том, что нам нужно выяснить, кто владеет всем этим, — напомнил мне Генри. — Я хочу загнать этого хозяина в угол и понять, что он творит и зачем.

— Соблазнительно, — кивнул я. — Но, думаю, было более умно сначала узнать все, что можно, прежде чем взяться за хозяина. А для этого мы должны взломать собственное защитное устройство.

— Наверное, ты предвидел будущее, когда велел мне принести домкрат, — сказал Генри. — Мы можем всунуть его в щель и поднять раму окна. Это должно помочь нам попасть внутрь.

— Ну, да, залезть внутрь прямо к невидимым лучам, регистрирующим движение, да? — саркастически хмыкнул я.

— Об этом я и забыл, — признался Генри. — Послушай, а почему тогда еще не вызвана полиция?

— Ты что, не помнишь? Тревога не поднимается, пока оконная рама не зажмет чьи-нибудь руки.

— А, да. Только после этого идет сигнал в полицию. А что будет, если повредить его?

— Стандартная тревога: сирена, световые вспышки и тому подобное. Смотря как настроить систему. Но оконная рама в любом случае опустится, чтобы поймать и выставить напоказ неудачливого взломщика. И мы точно не знаем, как за окном установлен луч — горизонтально, вертикально, наискосок или как еще. К счастью, здесь предусмотрен только один проектор.

— И никаких проводков на стекла, да? — хмыкнул Генри, осветив фонариком окно. — Гм-м... А среди твоих инструментов случайно нет алмазного резака?

— Нет, но есть кое-что получше.

Я порылся и достал маленький треугольный напильник. Сломал его пополам, порезав при этом большой палец.

— Теперь у нас все равно, что шесть резаков по стеклу, — сказал я. — Генри, посмотри, нет ли среди инструментов ножовки?

Он какое-то время повозился в инструментальном наборе, но ножовка нашлась. Я стал осторожно пилить нижнюю часть рамы, пока не услышал, как ножовка скребанула по стеклу. Тогда я взял обломок напильника, ввел его в прорезь в раме и принялся резать стекло.

— Умница, — пробормотал Генри. — Теперь ты вырежешь нижнюю часть рамы вместе со стеклом.

— Если только мне повезет, — пропыхтел я. — Веселье начнется, если хотя бы один кусок рамы упадет в комнату.

Я затаил дыхание и стал осторожно тащить отпиленный кусок, стараясь давить одновременно на обе поверхности стекла. Стекло тихонько звякнуло, но все же подалось. Ночь была довольно холодной, но когда я опустил вниз обрезанную раму, то вытер пот, заливавший глаза.

— Ты сделал это, — прошептал Генри.

— Теперь предстоит разобраться с лучом, — сказал я.

В специальной выемке инструментальной коробки была стеклянная трубка с флюоресцирующими проводами, которой я прежде тестировал ультрафиолетовые проекторы. Я вынул один проводок дюймов в восемнадцать длиной, и ввел его в открытую дыру в окне.

— Провод тонкий и не может блокировать луч настолько, чтобы включилась тревога, — сказал я. — А мы сможем узнать, где находится проектор и куда он направлен.

Я медленно перемещал проводок, не всовывая в помещение руку. Внезапно оплетка провода засветилась зеленовато-белым светом, и я услышал свистящее дыхание Генри над ухом. Я осторожно перемещал провод, определяя ширину и направление луча. Определил, что луч проходит по диагонали в помещении за окном, у него было прямоугольное сечение, а сам проектор расположен где-то наверху.

— Главное сделано, — сказал я. — Теперь принеси мне... Да ты уже принес! Боже, Генри, а ты вообще что-нибудь оставил в машине?

— А ты оставил что-нибудь в лаборатории? — усмехнулся он. — Ну, и есть ли какой-нибудь способ, чтобы мы могли пройти мимо этого луча?

— Нет. Луч слишком широкий. Нам нужно отключить его.

— Просто сказать...

— Еще проще сделать. — Я подсоединил провода к аккумулятору.

— Это что у тебя... маленький ультрафиолетовый проектор?

— Ну, да.

— И ты собираешься нацелить его на приемную ячейку? Но интенсивность ведь будет другой.

— Не имеет значения. Эта штукавина не измеряет интенсивность. Это очень простое реле.

Я включил проектор, проверил его флюоресцирующим проводом, затем тщательно направил туда, куда шел невидимый луч. Потом взял фонарик, лег головой на подоконник и увидел, что фотоэлемент встроен у самого пола комнаты. Я нацелил на него свой проектор, отошел в сторонку и сказал:

– Лезь внутрь.

Хихикая, Генри одним прыжком махнул на подоконник, а оттуда вспрыгнул в комнату. Я передал ему все вещи, что мы принесли с собой, затем полез сам.

– Давай-ка найдем, где отключают эту штуку, – прошептал Генри, водя кругом фонариком.

– Нет, не надо, – сказал я. – Отключение проектора может запустить что-нибудь еще. Пусть она себе работает и стережет дом от злоумышленников.

Я переставил свой проектор с подоконника на пол, стараясь не сбить направленный на ячейку реле луч.

– Ну, а теперь осмотрим это место, – сказал Генри, водя кругом лучом фонарика.

Салон красоты был маленький, но щедро обставленный для таких размеров. Здесь было несколько занавешенных кабинок, крошечных, открытых, в каждой стояло кресло, зеркало и столик. Перегородка отделяла переднюю часть помещения, которая оказалась офисом, от задней, если бы не она, то весь салон представлял бы собой одну большую комнату. У задней стены виднелся массив машины для завивки, два маникюрных столика и шланг с разбрызгивателем для шампуня.

– Вот эта штуковина и доставила нам неприятности, – сказал я, указывая лучом фонарика на одиноко стоящий электрический фен.

Мы бросились к нему. Шлем оказался простым алюминиевым, внутри которого открытая горловина была подсоединена к трубке, ведущей к корпусу у основания, в котором, предположительно, находились нагревательные элементы и воздуховодка.

– Включи-ка его, – мрачно сказал я и вернулся к окну за приборами. Генри пошарил по фену, пока не нашел выключатель. Комната заполнилась тихим гудением, которое постепенно превратилось в ровный гул.

– Лучше не стой возле него, – предупредил я, осматривая фен издалека.

Под шлемом стояло кресло. Я попытался отпихнуть его ногой в сторону, но оно был прикреплен болтами к полу.

– Странно...

– Да, это то, что мы ищем, – сказал я. – Для чего бы оно ни было предназначено. – Я помолчал. – И еще. Мне кажется, даже в таком маленьком салоне должен быть не один фен. Может, это означает, что тот, который мы ищем, был уже унесен отсюда? Или наоборот, тот, который мы ищем, унести не так-то легко?

– Черт побери, – воскликнул Генри. – Да он тоже присоединен болтом к полу, как и кресло.

– Давай-ка поработаем с ним.

Мы выключили фен, достали инструменты и стали его разбирать. Отсоединили шлем, трубку и опорный стержень. Я отвернул болты и снял кожух корпуса у основания. Там был совершенно стандартный вентилятор и полдюжину тяжелых деталей из нихрома. Мне показалось, что выключатель немного тяжелее, чем должен быть, как и электропровод, но это могло быть просто для прочности. Провод тоже выглядел обычным, но что-то подтолкнуло меня взяться за нож. Я был удивлен, обнаружив под гибкой резиновой изоляцией экранировку от сети. Я последовал за проводом к стене, он был включен в обычную розетку, но рядом был еще разветвитель с двумя неиспользованными розетками. Зачем нужен фену экранированный провод?

Генри сел в кресло и вытер лицо платком.

– Похоже, мы пошли ложным путем, – сказал он.

– Не знаю. Здесь есть кое-что... не то, чтобы неправильное, но...

Я вернулся к вскрытому корпусу с вентилятором. Трубка из него была вынута. Я щелкнул выключателем. Вентилятор закрутился громче без корпуса и немного быстрее без изогнутой трубки, которая сопротивлялась потоку воздуха. Я поднялся и обошел вокруг фена.

– Вроде бы все в порядке, насколько я вижу, – сказал я.

Генри промолчал.

– Генри! – окликнул я.

Никакого ответа. Я направил на него свет фонарика. Он откинулся на спинку кресла и крепко спал.

– Черт меня побери, ну и нервы! – пробормотал я. – Просыпайся, ты, ленивая обезьяна! – Я подошел и встряхнул его за плечо.

Голова Генри легко повернулась на бок, и меня внезапно охватила паника.

– Генри! – закричал я и рывком поднял его с кресла.

Он навалился на меня всем весом, затем опустился на колени, но тут его голова резко поднялась, и он по-дурацки хлопнул глазами в свете фонарика.

– М-м... Что такое?... А?..

Он медленно встал с колен и прикрыл глаза рукой.

– Наверное, уснул стоя. Бр-р-р! Прости, Годфри. – Он зевнул. – Коленям больно.

– Генри, что с тобой?

– Что? Все нормально. Я думаю, просто устал. Послушай, поехали-ка домой. Гоняться за знаниями весело, но здравый смысл подсказывает, что если нас тут поймают, то мы угодим в тюрьму.

– Гоняться за знаниями? О чем ты бормочешь? Мы здесь из-за этой штуковины, которая так подействовала на наших жен и мою дочь, не говоря уж об Уикерхэме...

– Ну, почему ты такой мстительный? *Nil nisi**, а здесь один лишь хлам. Пошли домой.

– *Nil nisi*... Хлам... Генри, что-то я тебя не пойму!

– А что тут непонятного? Уикерхэм мертв, наши девочки снова в порядке – так чего мы здесь торчим?

– *Что?*

Он преувеличенно терпеливо вздохнул.

– Уикерхэм умер. С Мари, Кэрол и Виджет все снова в порядке. Так почему ты беспокоишься?

– Силы небесные!.. Минутку! С чего ты это решил? Кто сказал тебе?

– С чего решил?.. Как же... Ну, ты знаешь, с чего! Что-то я не могу вспомнить. Уикерхэм мертв – это я знаю точно. А с нашими девочками уже все нормально.

– Нормально? А что с ними было ненормально?

– Не знаю. Что-нибудь съели, наверное. К чему этот пристрастный допрос?

– Генри, тут все не просто. Ты никак не мог узнать это.

– Ты хочешь сказать, что я лгу?

– Ну... ну... Послушай меня, не надо так сразу ершиться.

– А я что, должен стоять и слушать тебя, будто все, что я знаю, неправда?

– Ты просто увидел сон!

– При чем здесь сон? – горячо воскликнул он. – Уж я-то знаю, когда что-то знаю!

Я уставился на него и постепенно начал понимать, *что* произошло, хотя у меня не было даже самой хиленькой идейки, *как именно* это произошло. То, что Генри хотел больше всего на свете, осуществилось – но лишь для него. И бесконечно важно то, что он твердо помнил об этом, хотя этого никогда не происходило.

Как с куклой Виджет. Как исполнения желания Мари, чтобы слабый интеллигент набил морду такому здоровяку, как наш шеф. Как... Кэрол! А какое же желание было выполнено для Кэрол?

Хромированный шлем.

Я посмотрел на его детали, лежащие на полу, затем на кресло. Совершенно обычное кресло с откидывающейся спинкой, как в самолете, присоединенное болтами к полу... А, кстати, зачем?

* De mortuis nil nisi bene (лат) – О мертвых либо хорошо, либо ничего (прим. перев.)

— Я уйду домой, — натянуто произнес Генри.

— Генри, старина, побудь со мной еще немного. Прости, парень, я, действительно, наговорил тут ерунды. Ты прав, а я — нет. Пожалуйста, останься и помоги мне. Я хочу понять еще кое-что. Так сможешь мне, парень?

— Ладно... — сказал он, слегка успокоившись. — Черт возьми, Годфри, ты же всегда мне верил. Что с тобой сегодня?

— Наверное, просто разволновался, только и всего. Прости, Джексон. Так ты не уйдешь?

— Ты же знаешь, что я останусь. Я тоже немного погорячился.

— Прекрасно!

Во мне с каждой секундой все сильнее росла жгучая ненависть к Уикерхэму. Я не знал «зачем» все это, но мрачно решил продолжать изучать «как», надеясь, что смогу понять побуждения своего босса. И лучше уж это оказалось бы случайностью, потому что тут затронуты наши женщины.

Я опять осмотрел кресло. К нему не вел никакой электропровод. Я испытал жгучее желание открутить болты, прикрепляющие его к полу, но предостережение внутреннего голоса, которое росло во мне с каждым мгновением, заставило меня остановиться и подумать. Тогда я взял индикатор индукции. Я настроил его, чтобы отыскать провода в стене между домом и гаражом, где была моя мастерская, в которой я иногда занимался довольно тонкой работой с электроникой и не хотел, чтобы помешали блуждающие токи и магнитные поля. От них я не мог избавиться, но мог компенсировать. Прибор мой служил сразу для двух целей — как металлоискатель со схемой для обнаружения случайных наводок.

Я попросил Генри найти мне ручку от швабры, и прикрепил к ней Т-образный щуп. Потом надел наушники и привязал к запястью фонарик. Затем подсоединил все это устройство к аккумулятору и включил.

— Генри, — сказал я, — этот провод экранирован. Вырви розетки из стены, и ты, вероятно, найдешь там кабель, ведущий к линии электропередачи. Мне нужно определить направление.

Я тщательно поводил щупом по креслу, ища любые индукционные токи. Были кое-какие импульсы, но слишком уж слабые.

А зачем кресло присоединено к полу болтами?

— Конечно, чтобы оставаться на одном месте. Но почему?

Я включил вентилятор и снова прозондировал кресло. Не было ничего, пока зонд не дошел до подголовника на спинке. И гул в наушниках внезапно исчез. Я передвинул зонд, гул стал громче. Что за ерунда? При встрече наводок звук, напротив, должен уси-

ливаться! Я подвигал зонд по креслу и определил место примерно в шесть дюймов у подголовника, где сигнал совершенно исчезал!

— Здесь что-то есть, Генри, — сказал я. — Только не пойму, что. Оно действует, как интенсивный многофазный индукционный ток. Я имею в виду, по-настоящему многофазный. Какая-то высокая пульсация с шестью циклами, которая скачет, как безумная. Она и полностью глушит сигнал детектора.

— Это твоя епархия, сынок, — отозвался Генри. — Только не начинай снова бормотать глупости о том, что мне все приснилось. Скажи это призраку Уикерхэма. И ты был прав насчет фена. Что же находится под ним?

Я даже не потрудился ответить. Я озадаченно водил зондом туда-сюда, то попадая в это мертвое место, то выходя из него. Все это вообще не имело смысла. Тогда я поднялся, закинул зонд через плечо и обошел кресло, направляясь к Генри.

Пока я шел, фон в наушниках исчез, затем появился вновь.

Я замер, посветил фонариком и начал медленно двигаться назад, пока фон вновь не исчез. На этот раз зонд был в восьми футах от пола. Я стал махать им, идя то туда, то обратно, повторяя тот же трюк, который использовал с флюоресцирующим проводом, когда мы работали с окном. Так я постепенно очертил контуры поля — это явно было поле, — и обнаружил, что оно создавалось тем самым местом в кресле, исходило из него и, рассеиваясь, направлялось в угол потолка.

— Ты что делаешь — бабочек ловишь? — недоуменно спросил Генри.

— Чего-то ловлю. Генри, кресло, которое никуда не подключено, создает поле, висящее над ним, значит, оно испускает вверх какое-то излучение.

— А почему не наоборот?

— Что ты имеешь в виду?

— Почему поле исходит из кресла, и не кресло является местом фокуса?

— И рассеивает исходящий сигнал... А, понятно, что ты хочешь сказать! — воскликнул я. — Гиперболический отражатель. — Я обошел кресло и опустил зонд к самому полу. — Ты поражаешь меня, сынок! Ты прав! Поле действительно рассеивается внизу за креслом!

Я посветил фонариком вверх, в угол комнаты. Он ничем не отличался от других углов. Потолок обрамлен яркой золотистой дорожкой на темно-кремовой краске. По штукатурке — лепные украшения, чтобы скрыть девяностоградусный угол от стены к полотку. А золотистая дорожка явно излучала короткие волны.

И вообще, под всеми лепными украшениями была скрыта медная сетка.

— Вот же гниль! — выдохнул Генри. — Сфокусированный теплоотвод!

— Если я не ошибся, индикатор индукции определяет, что канал тянется от розетки в стене, — взволнованно сказал я.

Затем быстро подошел, выдернул провода из аккумулятора и выключил фонарик. У Генри стоял на полу запасной. Мы погрузились в полную темноту. Я услышал, как Генри, выругавшись сквозь зубы, сказал:

— Вот она!

И щелкнул кнопкой фонарика.

— Не включай фонарь! — крикнул я. — Кажется, я что-то вижу. Погоди-ка!

Нас окутала тишина, такая же густая и непроницаемая, как и темнота. А затем, когда глаза немного привыкли к темноте, мы увидели внизу, у самого пола, слабое фиолетовое свечение.

— Опять ультрафиолетовый луч, — сказал Генри, — с дешевой линзой-фильтром.

Он включил фонарик, и мы увидели, что свечение было как раз там, где была старая заделанная дверь на склад, поскольку салон красоты оказался двухквартирным.

— Еще одна глупость, — сказал я, подошел и убедился, что не ошибся — ультрафиолетовый луч был направлен как раз так, чтобы его пересек тот, кто вздумает войти в заделанную дверь. — Кто же пойдет в обход сквозь замурованную дверь?

— Оставь это пока что, Годфри. Лучше проверь, откуда идет этот луч.

Я стал водить перед собой своим зондом. И тут же изменение шума наводок в наушниках подсказало мне место, где замаскированный кабель тянулся от розетки к потолку и дальше — к закруженному фризу угла с медной сеткой.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Генри. — Переключатель был в фене. Включите фен, и вы активироваете луч, который сфокусирован на голове сидящего в кресле. Уикерхэм в очередной раз подтвердил свою репутацию изобретателя.

— Он уверен... был уверен, хотел я сказать.

— Эй... — вскрикнул вдруг Генри. — А эта штука не была включена, когда я заснул в кресле?

— Нет, Генри, — тут же ответил я. — Конечно же, нет.

— Хорошо. А то я уж подумал... Не хотелось бы мне получить посмертный пинок от старой гранитной статуи!

– Так, а откуда приводится в действие эта установка? – тут же сменил я тему и снова начал работать зондом. – Прямоугольный кабель переменного тока сюда не идет... где же?... Ага, поймал! Гм-м... – Я медленно проследил переменное поле до самой стены, где оно внезапно исчезло. – Провод уходит туда, – сказал я, кивнув на стену.

– Ну, да, и туда же ведет замурованная дверь, защищенная невидимым лучом!

– Генри, – сказал я, – раз ультрафиолетовый луч сторожит ее, значит, дверь открывается. И если туда идет провод, то мы должны ее открыть.

Генри кивнул и пошел к окну за моим маленьким проектором ультрафиолета. Мы установили его, чтобы обмануть луч, охраняющий дверь, точно так же, как сделали с окном, а затем взялись за дело. Мы ощупали каждый дюйм двери. У самого косяка была пластинка, отрезанная от остального дерева явственной трещиной. Я нажал рукой на пластинку, та чуть подалась и дверь беззвучно раскрылась внутрь.

– Приготовь пистолет, – громко сказал я, затем шагнул к Генри и зажал ему рот рукой, прежде чем он успел спросить: «Какой пистолет?» – Там может кто-нибудь быть, – прошептал я.

Генри кивнул и направил свет фонарика в открытую дверь. Мы осторожно вошли внутрь. Я дернул Генри за рукав, сделал шаг назад и заклинил притвор, чтобы дверь не смогла закрыться.

– Я видел много фильмов с Карлоффым*, – пробормотал я.

Но комната оказалась пустой. Она была крошечной, чуть больше кладовки.

– Фью-у-уть! – просвистел Генри. – Ты только взгляни на это!

То, что мы увидели, обрадовало бы любого специалиста по электронике. Осциллограф с восьмидюймовым экраном. Вольтметр для электронных ламп. Самый большой и необычный мультиметр из всех, что я видел. Электронное управление источником питания. Рулоны и мотки экранированных проводов всех видов, цветов и толщины. Чистые платы. Кнопки, циферблаты и трубки, трубки, тянущиеся до самой двери. Тщательно выполненный приемопередатчик. Покрытый бакелитовой мастикой рабочий стол с расположенными вокруг него электрозетками для разных стандартов напряжения. Большое разноцветное скопище сопротивлений и емкостей. И большой промышленный испытательный стенд. По-

* Борис Карлофф – знаменитый голливудский актер, снимавшийся в фильмах ужасов, в частности, в нескольких фильмах про Франкенштейна и Дракулу, в 1930-1940 г.г. (прим. перев.)

мещение от пола до потолка было буквально забито электронными сокровищами.

— Я люблю свою жену, — пробормотал я, — но... Ты только посмотри, что тут есть!

Когда мы немного пришли в себя, Генри спросил:

— А фен все еще включен?

— Да, — кивнул я.

— Значит, вот это и есть передатчик луча, — и он указал на раму с гроздьёв светящихся ламп и тихонько гудевшим огромным трансформатором.

— Ты только взгляни на это спагетти, — сказал я. — И все тут аккуратно приварено, нигде нет следов пайки.

— А вот это приемник или преобразователь, — продолжал Генри, ткнув рукой на маленькое устройство на столе с двумя серыми клеммами. — Чего бы я только ни дал...

— Я понимаю, это трудно, — криво усмехнувшись, сказал я, — но давай-ка не забывать о нашем деле. Давай поглядим, что это такое.

Коротко говоря, тесты, которые мы провели с устройством, были не только утомительными, но могли оказаться и опасными. Но сам принцип, — когда мы, наконец, поняли его, — был поразительно прост. Не хотелось бы мне получить задание рассчитать такую сложную гиперболическую антенну для передачи, но приемник был простым, как Колумбово яйцо. Скопировать его было бы легче легкого, если вы уловили идею. У самого луча была фиксированная частота, сложные гармоники и невероятная мощность в фокусе.

Могу лишь сказать, что, глядя на все это, я тут же вспомнил военное время, когда талантливые парни придумывали такие устройства, которые считались невозможными во всех книгах.

Через час напряженной работы мы, наконец, определили конфигурацию волны, появлявшейся на выходе.

— Вот так, — сказал я.

— И все это твое, мой талантливый друг, — сказал Генри, глядя, как на экране осциллографа мерцает и извивается сложная конфигурация. — Мне даже хочется полить все это кетчупом и сожрать с потрохами. Ну, вот, мы все определили — и что теперь?

Я смотрел на экран. Это было устройство для гипноза с автоматически изменяющимся трехмерным эффектом.

— Единственное, что я могу придумать, так это развернуть его на сто восемьдесят градусов и вторично излучить в ту же точку, как и первоначальный луч, пока они не уравновесят друг друга. Или пока взаимно не уничтожат друг друга, ликвидируя весь тот вред, что причинили. Но нам нужно... э-э... на ком-нибудь его испытать.

Глаза Генри вспыхнули.

— Проще просто разбить его.

— Но сначала мы должны кое-что сделать, — сказал я.

— К чему такие хлопоты? Ты получил свои знания. Девочки наши в порядке, а Уикерхэм мертв. Все уже закончилось. К тому же, я хочу есть и спать, потому что утром нужно идти на работу... Он на секунду прервался. — Годфри, тут что-то странное. Я почему-то не помню, на кого мы работаем теперь, когда Уикерхэм...

— Не волнуйся об этом, — тихонько сказал я. — Мы должны еще кое-что сделать. Нужно инвертировать этот луч.

— Но зачем? — развел он руками.

— Пожалуйста, Генри. Сделай это для меня. Только разок, — умоляюще сказал я. — Ради всех святых! Мы уже зашли так далеко, так что, давай, все закончим.

— Ладно-ладно, — пробормотал Генри. — Будь по-твоему. Ты еще хуже, чем был Уикерхэм. — Он достал часы и зевнул. — Без четверти... — И тут глаза его стали круглыми. — Годфри! Уже без четверти шесть! Уже утро! Девочки... они же сойдут с ума!..

Он бросился к столу, где стоял телефон, схватил трубку и поднес ее к уху, ожидая гудка. И я увидел, как он внезапно побледнел, закатил глаза и рухнул на пол, утащив за собой телефон. Я наклонился, поднял телефон и огляделся, ища, куда бы его поставить, не нашел и оставил на полу. Потом поднял трубку.

— ...и общее количество 6SJ7, — послышалось в трубке. — Вы изготовили мне раствор серебра?

— Да, сэр, — ответил другой голос.

— Хорошо. К одиннадцати утра жду груз.

Щелчок, и трубка стала мертвой. Я осторожно положил ее на телефон.

Голос Уикерхэма! Очевидно, он разговаривал по телефону из своего офиса, а Генри снял трубку запараллеленного аппарата и услышал голос человека, который — как он был уверен, — уже мертв. А для Генри было бесконечно важно верить в смерть Уикерхэма. Это было просто жизненно важным для него.

Я опустился на колени, жалея Генри больше, чем можно описать любыми словами. Бедный весельчак Генри! Парень просто не заслужил такого, не было готов принять это.

Я стал растирать ему руки. Внезапно он приподнял голову и захлопал глазами.

— Спи, — тихонько сказал я. — Спи дальше.

Возможно, он ослаб физически и эмоционально, а может, этому способствовал гипноз, но он почти сразу же заснул. Я подложил

ему под голову рулон пористой резины, и он лег на нее, как на подушку. Но тут же широко раскрыл глаза и сказал:

— Он же должен быть мертв!

— Конечно, конечно, конечно, — еле слышно прошептал я.

И Генри окончательно уснул.

Затем я вернулся к столу и принялся за работу.

Перед глазами у меня все расплывалось, но я не обращал на это внимания. Когда стало совсем уж плохо, я вышел из комнатухи в салон и принялся ходить взад-вперед, просматривая в уме схемы. Затем вернулся к работе. Ноги у меня затекли, голова кружилась, и, вдобавок, я хотел есть.

Но я закончил перестраивать установку и подключил ее к фену. Все вроде бы работало. Луч новой конфигурации должен исправить то, что натворил с людьми прежний. Теперь нужна была только морская свинка для опыта.

К этому времени я уже совершенно разобрался в установке, и меня терзала зависть, потому что тот, кто создал ее, был гораздо талантливее меня. И одновременно, это было самое опасное изобретение в истории Человечества. Куда хуже, чем наркотики, потому что наркотики противоречат логике, а это устройство использовало ее, но в противоположном направлении. И действие ее было сильнее всяких доказательств противоположного.

Что же делать? На ком провести испытание? Как специалист по электронике, я знал, что она сработает, но я не был психиатром, чтобы быть точно уверенным в результате. Была Мари. И Кэрл — борющаяся с какими-то странными страхами. И Виджет. И Генри.

Я опустил взгляд на Генри, свернувшегося клубком на полу, такого жалкого и бессильного. Я мог подставиться под луч сам — но откуда мне знать, какое у меня самое заветное желание... и что именно я приму за действительность? Кто вообще знает такое про себя? На Генри луч подействовал так, что он стал против дальнейших исследований — очевидно, он хотел удалить негативные результаты сильнее, чем исследовать их причины. Так что у меня оставался лишь один вариант. А поскольку Генри уснул сам, то поверил бы всем изменениям, а если бы я сейчас разбудил его и попросил провести опыт на мне, он явно бы отказался. И я мог судить, какие в нем произошли перемены, а откуда мне знать, какие перемены произошли бы со мной? Может, я забыл бы обо всех сделанных здесь открытиях, а ухватился бы за какую-нибудь тайную мечту?

Нет, на мне лежит слишком большая ответственность. Я не могу испытывать аппарат на самом себе. Значит, на Кэрл? От одной

только мысли об этом меня охватил ужас. Мари?.. Но она моя сестра.

О, как все это трудно. Никто не должен вставать перед подобным выбором.

Виджет?

Умная и серьезная, порой такая взрослая, но все равно ребенок, ребенок, каких мало.

Так почему не Виджет? Я обкатал в уме эту мысль. Разве осциллограф не показывал, что я могу инвертировать луч? Я мог начать с малой мощности и постепенно усиливать ее буквально по микронам. Чего же я тогда боюсь?

Меня тут же переполнило отвращение к самому себе. Слишком многого я не знал. Конечно, я знал кое-что о физиологии мозга, чтобы прикидывать, что произойдет. Но в том-то и дело, что всего лишь *прикидывать*.

Страх мой совершенно неуместный. Конечно, все они должны стать нормальными, независимо от того, с кого я начну. Но... вдруг отказ. Какая-нибудь маленькая ошибка. И в результате Кэрл с признаками слабоумия. Или Виджет – кретинка? Или Мари – параноик? Или Генри, который будет пускать слюни и его нужно будет до конца жизни кормить с ложки?..

Генри... Он никогда не выглядел на свой возраст, а теперь, спящий, и вообще был похож на девятилетнего мальчишку – правда, на мальчишку с двухдневной щетиной.

Я принял решение спокойно и без всяких усилий. Просто внезапно я понял, что первым будет Генри.

– Давай-ка, парень... Давай, старина, – бормотал я, взял его под мышки и с усилием подняв с пола. Он встал на ноги, навалился на меня и побрел туда, куда я его повел. Я вывел его из комнатухи в салон, сказал: «Садись», пихнул в грудь и усадил в кресло. И вот тогда он стал просыпаться.

– Что ты задумал? Я в кресле... Эй! Годфри! Что ты делаешь? Ты же суешь меня под луч!.. – И он принялся отбиваться, бормоча: – Ты просто сошел с ума... Уикерхэм мертв, а ты спятил. Не нужно этого делать...

После этого он уже ничего не говорил, а просто пытался встать. Я не бил его, а лишь пихал обратно в кресло, несмотря на то, что он, размахивая руками и, довольно чувствительно ударил меня. Затем сунул ему руку под подбородок так, что у него клацнули зубы, и нажал. Голова его откинулась так резко, что я даже испугался, что сломал ему шею. Все-таки я обошелся с ним весьма резко. Я сделал шаг назад, пытаюсь отдышаться после нашей возни. Он по-

шевелился и застонал, на губах у него выступила кровь, поэтому я понял, что с ним все в порядке, просто он прикусил язык.

Прихрамывая, я бросился в маленькую комнатуху и включил устройство. Загудел вентилятор фена.

Я смотрел на экран осциллографа, и, когда волновое отображение луча полностью сформировалось, переключил пластины инвентора и стал постепенно добавлять усиление сигнала. Когда на мерцающем экране появилась новая конфигурация, я щелкнул главным выключателем и выбежал к Генри.

Он снова спал, спал вроде бы обычным сном, со счастливым выражением лица. Нижняя губа его немного отвисла, и из уголка рта вытекла тонкая струйка крови. Я потряс его, и Генри мгновенно проснулся, открыл глаза, усмехнулся, но тут же вздрогнул.

— Годфри! Что случилось? — Он провел рукой по губам, уставился на кровь на пальцах, затем перевел испуганный взгляд на меня.

Потом вскочил на ноги и с диким видом осмотрелся.

— Годфри! Где мы? Что мы здесь делаем? Что со мной произошло? Это что, больни... Да нет, не похоже. Сейчас уже утро?..

Он пошатнулся, и мне пришлось усадить его обратно в кресло, поскольку ноги у него дрожали. Он вернулся в кресло, даже ничего не заподозрив. Кровь на подбородке казалась ярко-красной на фоне бледного лица. Я нашарил в кармане носовой платок и вытер ему лицо.

— Что ты помнишь последнее? Я расскажу тебе, что случилось потом.

— Что помню... Я не могу... я был... — он наклонился и схватился руками за лоб, выплюнул изо рта кровь и пробормотал: — Я шел по дороге, направляясь к тебе домой.. Меня что, сбила машина?..

— А что было перед тем, как ты ушел из дома? Ты помнишь это?

— Конечно, — медленно проговорил он. — Мари... она беспрестанно говорила о... о том случае в «Альтаире, когда я ударил... вернее, она придумала, что я ударил...

— Ну, да, — прервал я его. — все ясно. Сейчас расскажу тебе остальное. Только последний вопрос: где сейчас Уикерхэм?

— Что за глупости? Н-ну... Наверное, дома или у себя в лаборатории... Но почему ты спрашиваешь?

Я понял, что все это время даже не дышал, и сделал глубокий, облегченный вдох.

Все вышло, как надо. Противоположный по фазе луч стер предыдущий эффект. Одновременно он стер и остальные воспоминания, но это не страшно. Это как после удара током. Пот бежал у меня сзади по шее, пока я думал о том, что могло бы произойти, не

догадайся я увеличивать мощность постепенно. Но как без дальнейших экспериментов можно определить воздействие на разных людей? Больше или меньше будет сопротивляться мозг женщины? Ведь в случае неудачи можно увидеть, как твоя любимая сходит с ума. А предварительные опыты заняли бы слишком много времени.

Я сел на пол, Генри опустился обратно в кресло, и я рассказал ему все, что тут произошло. Для него все это было поразительным, да и для меня тоже, пока я рассказывал ему о нашем вторжении в охраняемое помещение и о его «сне» в кресле, где он «увидел», что Уикерхэм мертв.

— Что ж, нужно сделать еще один опыт, — сказал Генри, когда я закончил.

— На ком же.

— Разумеется, на мне. На ком же еще?

— Генри, ты с ума сошел! Я не могу сделать это с тобой!

— А почему? У тебя были причины выбрать меня для первого опыта, и они остаются актуальными.

— Ты кое-что забыл — ты и в первый раз не соглашался на этот эксперимент, потому что заиклился за том, что Уик умер, а потому никакие опыты уже не нужны.

— Годфри, — сказал Генри, — усмехнувшись той половинкой губ, которые еще не распухли, — а больше у нас никого нет. Ты слишком сильный, и я не смогу с тобой справиться, если ты поведешь себя так же, как вел я.

— Ну, да, ты прав, — задумчиво сказал я.

Тем не менее, я ничего не мог решить, пока мы торчали в салоне, снова и снова проверяя схемы устройства, а наши усталые умы отказывались нам служить.

— Давай рассмотрим это с другой стороны, — сказал, наконец, Генри. — Если бы мы только знали побольше о мозге, что-то такое, что подсказало бы нам, что именно делает с ним это устройство, внушая ему ясные, неискаженные галлюцинации...

— Чтобы мы могли их изменить, — подхватил я и повторил: — Искажить их...

Внезапно я вскочил на ноги, и мой вопль эхом отразился от стен.

— Бога ради, Годфри, — пораженно сказал Генри. — Не нужно так кричать. Ты перебудуешь всю округу!

— Вот именно! — захохотал я. — Именно! Искаженный! Искаженные, дурачок ты этакий!

— А теперь помолчи, — сказал Генри. — Думать буду я... Искаженные?

— Конечно! — я схватил его за руку, потащил в комнатушку и стал хватать с полок обмотки, разъемы и сопротивления. — Намного

проще создать искажение, чем придумать новую конфигурацию! Я могу ввести в луч любые помехи. Вот наше лекарство! Разве ты не понимаешь? Галлюцинации вызываются некими сложно модулированными волнами, и в результате они получаются ясными и логичными – совсем, как реальность. И после даже никакими фактами нельзя их исправить. Пока они длятся, они чистые, логичные, безупречные. Они – само совершенство, с которым мы ничего не можем поделать. Следовательно, нужно немного исказить волны, чтобы они перестали быть совершенными. Они останутся похожими на реальность, но с ними уже можно будет жить.

– Ну, я... – пробормотал Генри. – Но откуда тебе известно, какие нужно ввести помехи? Я имею в виду, какую именно часть волны требуется исказить?

– А ты не понимаешь? Это без разницы! Это диктует сама природа совершенства. Не важно, где оно подпорчено, главное – оно становится испорченным!

У Генри загорелись глаза.

– Если ты введешь искажения, галлюцинации станут немного нечеткими. Не в фокусе. Как...

– Да, как сон! И на них уже не будут обращать внимания, как на любой сон! Давай-ка за работу. Думаю, у нас все получится.

Я создал простенькую схему и подключил ее к осциллографу. На экране появилось пятно. Изменяя вертикальные и горизонтальные параметры, я добился получения почти совершенного кольца.

– А теперь гляди, – сказал я.

Я добавил усиление. Кольцо расширилось. Добавил еще... и еще немного... внезапно один край кольца задрожал, запрыгал зигзагами и вытянулся, выбрасывая кривые пальцы флюоресценции.

– Вот и конец совершенству, – пробормотал я, сверился с вольтметром и записал его показания. – Мы можем полностью уничтожить волновую структуру.

– Можем? – переспросил Генри.

– Можем, – кивнул я, – и это, черт побери, гораздо проще, чем инверсировать луч.

Очень быстро мы привели установку в боевую готовность.

– Теперь она безопасна, – сказал я. – По крайней мере, мне так кажется.

– Тогда начинаем, – сказал Генри, выходя в салон и садясь в кресло.

– погоди минутку. Ты же понимаешь, что сначала я должен подвзбужднуть тебя неискаженному воздействию?

– Понятно, – кивнул он. – Иначе как ты исправишь меня, если сначала меня не повредят. Давай, Годфри, – велел он.

Я яростно выругался про себя и щелкнул выключателем. Какой у меня был еще выход? Загудел вентилятор фена. Этот звук безумно меня раздражал.

Подождав десяток секунд, я вышел из комнатки. Генри спокойно спал в кресле. Я вернулся и выключил устройство. Затем постоял, ничего не делая. Откровенно говоря, я боялся увидеть то, что с ним произошло. Когда я снова вышел, он был по-прежнему в кресле. Глаза у него были открыты, и он счастливо улыбался, уставившись в стену. Увидев меня, он вскочил и схватил меня за руку.

— Ну, вот, у тебя все получилось!

— Что получилось? — оторопело спросил я.

— Я исправлен! Я превосходно себя чувствую! Это сработало, да?

Я открыл рот, чтобы рассказать ему, что ничего еще не исправлено, но тут же решил ничего не говорить. Все равно это было бы бесполезно.

— Нужно провести еще один сеанс для закрепления эффекта, — вместо этого сказал я.

— Зачем?

— Потому что в первый раз ты «исправляешься», а во второй закрепляется это исправление, — объяснил я несколько туманно.

— А-а... — протянул Генри, вновь опустился в кресло и закрыл глаза.

Я бросился в комнатушку, подключил к устройству свою схемку, вновь включил устройство и стал постепенно наращивать мощность. Слишком сильно исказить волну я не осмелился, удовлетворился лишь половинной мощностью, опасаясь, как бы в результате Генри не провел остаток жизни в одном тихом заведении, плетя коврики. Затем все отключил и вышел в салон, весь дрожа от волнения и тревоги за Генри.

Он сидел в кресле очень тихий. Я окликнул его, но Генри не отозвался. Тогда я тронул его за плечо. К моему бесконечному облегчению, Генри тут же открыл глаза и усмехнулся мне распухшими губами.

— Ну как, сработал?

— Что именно? — для проверки спросил я.

— Метод исправления.

— А ты как думаешь?

— Не знаю. — Он потянулся и зевнул. — Я видел сон о... Годфри, на чем же я был заиклен?

— Думаю, ты исправлен, — сказал я со счастливой улыбкой. — Какой же у тебя был сон?

— Ну, что-то неясное о том, что меня нужно исправить. Разумеется, совершенно естественно, что я увидел во сне именно это.

— Почему?

— Потому что это засело у меня в уме. Это было самым важным для меня!

— На этом как раз ты и заикнулся — что ты уже исправлен. Мне пришлось тебе солгать, чтобы исправить по-настоящему. Ты решил, что исправлен, как раз после того, как подвергся воздействию.

А затем я направился к телефону.

Подняв трубку, я убедился, что телефон работает, и поспешно набрал номер. Пришлось подождать, прежде чем ответила Кэрл.

— Кэрл, любимая!

— А, Годфри... Милый, с тобой все хорошо?

— Я голодный, усталый и сонный. И я люблю тебя! Мы все сделали! С тобой все будет в порядке, дорогая! Послушай, я не могу долго разговаривать. Немедленно бери Виджет, зайди за Мари и как можно быстрее идите к салону Френки.

— Ладно, любимый. Сразу же, как только поймает такси. Мари здесь. Она всю ночь порывалась вызвать полицию, но я ей не позволила.

— Умница! До встречи!

И я положил трубку.

Генри подпрыгивал рядом, ему не терпелось поговорить с Мари, но я отстранил его.

— Нет, не надо. Пока ты будешь ворковать по телефону, трубку может снять Уикерхэм. Сначала нам нужно позаботиться о женщинах.

Мы собрали инструменты, и я отнес их в машину. Я совершенно не подходил на роль Капитана Америка, а Генри и подавно. Я принял все меры предосторожности, лазя через окошко, потому что во все не собирался слать Уикерхэму приглашение и оповещать его о том, что мы здесь, если он еще не знал об этом, в чем я сомневался.

Но когда приехали наши девочки, я забыл обо всем. От такси они побежали к салону, а Виджет впереди всех. Я схватил и обнял ее, затем посадил на плечо и обнял Кэрл. Я не глядел, что делают Генри и Мари, но, наверное, они тоже обнимались.

Затем мы всей толпой двинулись в косметический салон.

— Сначала Мари, — сказал я. — Ты заслужил это, Генри.

— Ага! — усмехнулся Генри. — Какая привилегия!

— Теперь я уже совершенно уверен. Идемте, Кэрл, Виджет!

Я отвел их в комнатушку, и они с восхищением глядели, как я включаю устройство.

– Давай, Годфри, – послушался голос Генри, и я щелкнул выключателем.

– Смотри на кольцо, – сказал я Кэрол. – Когда оно вытянется с одного края, Мари забудет о героическом поступке Генри. Вернее, она будет помнить, что ничего подобного не было. Я имею в виду...

– Я понимаю, родной, – сказала Кэрол и вздохнула.

– Да? Но почему такой печальный вздох?

– Я просто подумала... Она лишится чего-то реального. Как и Виджет. О, мне так жаль, дорогой. Я не имела в виду, что нужно....

– Перестань. Ты тоже вылечишься. Я догадываюсь, почему у тебя возник этот страх... но не могу объяснить это словами.

– Не понимаю...

– Скоро поймешь.

– Папа, а где *кроминный* шлем? – спросила Виджет.

– Он поломался. И я разобрал его, чтобы исправить, – ответил я. – Теперь все в порядке, Твой папа может исправить все.

– Время извиняться, – заявила моя умная дочь.

– *Виджет!* – воскликнула Кэрол.

– Мама, мне очень не нравится, что ты все время плачешь. А я знаю, что женщины вечно плачут из-за мужчин.

– Не слишком ли ты рано развиваешься, дочь? – строго спросил я. – Или ты опять цитируешь миссис Вильтон?

– Миссис Вильтон, – ответила Виджет, взглянула на меня и добавила: – Возможно, я рано развиваюсь.

И тут кольцо на осциллографе дрогнуло и вытянулось с одного края. Я выключил устройство.

– Выключено! – крикнул я Генри.

Из салона не раздалось ни звука. Я выглянул туда и тут же вернулся.

– Мари и Генри, – сказал я, – кажется, помирились.

Кэрол улыбнулась. Оказалось, что я соскучился по этой улыбке. Я поцеловал ее.

– Продолжим. Иди туда и сделай то, что скажет Генри. Когда вернешься, то расскажешь мне, боишься ли чего-нибудь.

Кэрол тут же вышла. Я удержал дочь, которая хотела пойти за ней.

– Готово! – крикнул Генри через минуту.

– А что делает мама? – спросила Виджет.

– Сядет в кресло, где раньше был шлем, и две минутки поспит, – сказал я и потянулся к выключателю.

– А я?

– А ты хорошо себя вела?

– Ну, не знаю... Наверное, хорошо. Но я разбила твой стакан для бритья.

– О-о...

– Но зато я заботилась о маме, когда тебя всю ночь не было дома.

– А как ты заботилась?

– Я сказала ей, что ты замечательный.

– Так и сказала? Господи, благослови тебя, маленькая!

– Это было не трудно. Ты потом сам скажи ей об этом.

– Ты думаешь, Виджет, она сама не знает? – смеясь, спросил я.

– Наверное, знает...

– Ну, что там у вас? – крикнул я Генри.

– Выключай! – отозвался он.

– Давай теперь ты, – сказал я Виджет.

– Хорошо, только сначала ты поцелуй маму, чтобы она стала веселой.

Я там и сделал. Один лишь взгляд в безоблачные глаза жены подсказал мне, что с ней опять все в порядке.

– Это лишь сны, любимый, – пробормотала она, когда я дал ей такую возможность. – Глупые сны. Я даже не помню, о чем они были. Но там были все мы: ты, Виджет и я. Только я понять не могу, почему там все было так плохо...

– Я знаю, – прошептал я. – Позже я расскажу тебе.

Мне нужно было снова включать устройство, чтобы обработать Виджет. Когда все закончилась, мы с Кэрол вышли в салон. Наша дочь крепко спала и улыбалась во сне. Кэрол наклонилась и поцеловала ее.

– Мам-очка, – пробормотала она, не открывая глаз, как всегда делала, когда была вдвое меньше.

– Привет, Видж, – сказал я.

– Привет! – она открыла глаза.

– Видела что-нибудь во сне, соня?

– М-м... – протянула она, и взгляд ее внезапно стал настороженным.

– Продолжай, крошка. Все нормально, – сказал я.

– Только не сердись, папочка. Но мне приснилась моя старая кукла.

– Точно знаешь, что приснилась?

– Да. Приснилась. Но я притворилась, будто это было по-настоящему. Мне очень жаль, что она не настоящая. Я бы хотела, чтобы у меня была такая кукла.

Мы с Кэрол обменялись пораженными взглядами.

– А еще мне жаль, что Микки-Маус тоже не настоящий, – продолжала дочь. – Мама!

– Да, любимая?

– А что будет на завтрак?

Виджет снова была в норме.

– Что здесь происходит? – раздался вдруг негодующий баритон. Мы все застыли.

– Уикерхэм, – прошептал Генри.

– Кто там? – прозвучало из-за двери.

– Это я, Годфри, – отозвался я. – Входите.

Уикерхэм вошел, высокий, широкоплечий, весь в черном. Виджет тут же спряталась за мать. Больше никто не шевельнулся. Перешагнув через порог, Уикерхэм увидел Генри и сбился с шага, заметив его распухшие губы. Он казался уже не таким высоким, когда остановился и повертел головой, глядя на Мари, Кэрол и Виджет, а затем рывком повернулся ко мне.

– Вся компания в сборе, – сказал я. – Все мысли вылетели у меня из головы. – Они исправлены, – почти беззвучно добавил я.

Рот Уикерхэма чуть приоткрылся. Взгляд его метался с женщин на меня и обратно. Краем глаза я увидел, как побледнел Генри.

– Значит, вы все знаете, – сказал он. – Это вы сделали.

– Да, – сказал Уикерхэм, сказал это мне.

Генри подошел вплотную к Уикерхэму, который высился над ним, как скала. На скулах Генри так и играли желваки.

– Поднимите руки, – почти вежливо сказал он.

Уикерхэм взглянул на него с неожиданным негодованием, поднял свою ручищу, но не ударил и даже не пихнул, а лишь чуть дотронулся до груди Генри.

– Это он подал идею, как все исправить, – сказал я, показав на Генри.

Уикерхэм взглянул на Генри так, словно впервые увидел его.

– Вы? – внезапно охрипшим голосом прокаркал он. – А я вот не сумел!

И тогда Генри ударил его. Только один раз. Это было великолепный удар.

После этого говорить с Уикерхэмом стало гораздо легче. Он рухнул в кресло, опустил голову и принялся рассказывать. Я не мог глядеть на него. Никогда я не видел шефа таким жалким. И я подумал, что ощутил тысячную долю той потери, какую другие ощутили во всю силу, когда в их сознании самые сокровенные мечты вдруг стали реальностью.

– Я не планировал ничего этого, – сказал Уикерхэм. – Синапсы выполнения желаний – вот над чем я работал, и это правда. Я хотел, чтобы мозг, обработанный моими лучами, стал более совершенным. Я хотел визуализировать цель, а потом, при помощи

луча, увидеть конечный результат и все промежуточные этапы. Я не знал, что все это останется в сознании. Я не знал, что, мои лучи что-то вытащат из подсознания и сделают это реальным, таким реальным, что без него и жить-то станет невозможно. Но джинн уже вылетел из бутылки.

— Что же заставило вас поставить опыт над этими женщинами? — спросил я.

— Вы сами, — ответил Уикерхэм. — Вы оба являетесь моей лучшей командой. Но я чувствовал, что не смогу убедить вас или приказать сделать нужные исправления. И еще я понимал, что вы не вложите в это дело все свои таланты, если у вас не будет личных мотивов.

— Это может быть правдой, Генри, — сказал я.

— Нет, этот не правда, — жестко ответил Генри. — Правда в том, что он не мог прийти к нам и сказать, что облажался и сам находится под влиянием своей адской штуковины. Он, великий Уикерхэм. Так ведь?

Уикерхэм молчал.

— А зачем нужна была эта детская возня с сигнализацией и инфракрасными лучами?

— Нужно было максимально затруднить вам доступ к объекту, иначе у вас не было бы стимула полностью выложиться.

— Чушь! — заявил Генри.

Я с изумлением глядел на него. Никогда я не видел Генри таким. Чтобы он спорил с боссом...

— Вы попытались исправить все сами и не смогли, — продолжал тем временем Генри. — Но вам нравится видеть в нас низших, чем вы, существ. И если вы не смогли сами все исправить, то не хотели, чтобы у нас все легко получилось. Я прав?

— Ну... Я так не думал, — пробормотал Уикерхэм.

— И теперь вы хотите чтобы мы исправили вас самих? — спросил Генри.

— Да, — прошептал Уикерхэм. — Да... пожалуйста.

Меня вдруг затошнило.

— Салоном владеете вы?

— Я купил его, когда узнал, что туда ходят ваши жены.

Желваки снова заходили на скулах Генри.

— Весь фокус в том, — размеренно сказал он, — чтобы получить луч, противоположный по фазе на сто восемьдесят градусов. Обратная связь будет установлена в течение пятнадцати минут. Пошли отсюда, дети мои.

И мы все направились к двери, только я задержался. Уикерхэм не двинулся с места. Я увидел, что Кэрол остановилась у двери, и пошел к ней, а когда обернулся, Уикерхэм все также смотрел вдаль

– никого и ничего не видя. Просто смотрел. Его каменное лицо казалось пустым, и лежавшие на нем тени больше не делали его зловещим. Это было просто лицо старика с покрасневшими глазами и бледной, желтоватой кожей.

– А какая была у вас мечта, Уикерхэм, которая захватила вас? – спросил я.

Он лишь чуть шевельнул головой и взглянул на Кэрол. Мне стало все ясно. Чувствуя, как в груди у меня загорелась ярость, я сделал шаг к нему, но тут же остановился и только сказал:

– Нет. Ее вы не получите. Никогда.

Я больше не испытывал жалости к нему – этому совершенно сломленному и испорченному до глубины души человеку.

Я отвернулся и ушел, оставив его тупо пялиться в стену. Кэрол я догнал по дороге, и вместе мы присоединились к Мари и Генри. У Мари изменилась походка, она глядела не вперед, а на мужа, так как понимала, что ее мечта, наконец-то, осуществилась в действительности, и мужем можно было гордиться. Я положил руку Генри на плечо. Он остановился, словно ждал этого. Кэрол взяла Мари за руку, поскольку всегда понимала то, что было не высказано, и они вдвоем пошли вперед.

– Генри, – сказал я, – ты убил этого человека.

– Он не умрет.

– А ты знаешь, что сделает с ним противоположный по фазе луч?

– Ты же рассказал, что подобная обработка сделала со мной.

– Но он получит целых пятнадцать минут такого сеанса. В голле у него не останется ничего.

– А что есть теперь? – спросил Генри.

– Очень мало, – признался я.

– После обработки он станет лучше, – твердо сказал Генри.

– Генри, я...

– Ну, сказал бы ты ему, что мы сделали на самом деле, – внезапно повысил он голос. – И что было бы тогда?

Я подумал о том, как мы будем теперь работать на нового Уикерхэма: тихого, угрюмого, и, конечно же, не использующего нас во благо себе.

– Не знаю, зачем ты это сделал, Генри, или зачем я позволил тебе, – сказал я. – Но мне кажется, так будет правильно.

Я так же подумал, что для Генри это была настоящая победа над самим собой. Это можно было понять по тому, как Мари шла рядом с ним.

Мы сели в машину, отвезли домой Генри и Мари, и, наконец-то, остались одним – не считая, конечно, Виджет, сидящую в специальном детском креслице на заднем сидении.

– Годфри... а что было со мной? – спросила вдруг Кэрол.

– Ничего, – улыбнулся я.

– Ничего? Милый, не нужно ничего скрывать.

– Нет, Кэрол, я ничего не скрываю. В самом деле, ничего. Есть лишь один способ, которым ты можешь реагировать на свои самые сокровенные желания.

– Ну, и что это за способ?

– Никак не реагировать. У тебя и так есть все, что ты хочешь. Ты абсолютно довольна всем, что имеешь. Ты – очень редкое создание, любимая.

– Но я не понимаю, почему тогда я была такой отвратительно печальной – и испуганной.

– Печаль в таком случае неизбежна. Ты довела свое счастье до совершенства, что является неестественным состоянием. Но твое представление об этом совершенстве было так близко к действительности, что ты не видела разницы. Но разница все же была. Ты знала, что никогда не сможешь прищемить палец дверью. Или, что, закрывая духовку, никогда туда не попадет подол твоей юбки. Это и было само совершенство, но отсутствие опасностей давало тебе ощущение какой-то потери. Ты чувствовала, что что-то потеряла, но никак не могла понять, *что*. И поэтому боялась.

– О-о... теперь понятно, – задумчиво произнесла она. – А почему ты не мог сказать мне это раньше?

– Не хотел углубляться в это. Ты видела, как Виджет мечтала о кукле, а Мари, о решительном и чуточку агрессивном муже. И Мари, и Виджет оплакивали потери того, что желали. Ты же ничего не теряла, а просто боялась. И то, что ты не могла ничего понимать – это комплимент, который ты дала мне. Но, любимая, пожалуйста, в следующий раз хвали меня менее замысловатыми способами.

– Я люблю тебя, – прошептала она.

– Вот это я и имел в виду, – ответил я, держа руль одной рукой. На заднем сидении послышалось фырканье.

– Снова целуетесь? – спросила Виджет.

(Astounding, 1946 № 7)

THRILLING JUNE

WONDER

STORIES

15¢

A THRILLING
PUBLICATION

The **BOOMERANG CIRCUIT**

A Kim Rendell Novel
By MURRAY LEINSTER

THE NAMELESS SOMETHING

A Bud Gregory Novelet
By WILLIAM FITZGERALD

НЕБО БЫЛО ПОЛНО КОРАБЛЕЙ

Сайкс умер, а через два года разыскали и привезли Гордона Кемпа, потому что он был единственным, кто что-либо знал о смерти Сайкса. Кемп должен был предстать перед жюри присяжных коронера в Свитчпате, штат Аризона, в городке, расположенном на самом краю пустыни, и, будучи сугубо городским жителем, Кемп был не очень-то этим доволен и смутно понимал разницу между «людьми» и «провинциалами».

Атмосфера в зале суда была напряженной. Обшитые панелями стены и статуя слепого Правосудия придавала ему безликий вид, но Кемпу так было проще. Этот зал был вообще главной достопримечательностью Свитчпата, штат Аризона.

Председательствующим коронером был Берт Велсон, держащий вместо молоточка стержень кукурузного початка. В зале было много людей выглядевших просто, как и должны выглядеть фермеры и разведчики, к каким относился и Велсон. Обстановка походила на какой-то фильм. Не хватало лишь комических танцоров и парня, играющего на кувшине.

Но ситуация была совсем не комической. Эти провинциалы могли переложить всю вину на Кемпа, а это закончилось бы газовой камерой.

Коронер наклонился вперед.

— Тебе нечего бояться, сынок, если совесть твоя чиста.

— Мне нечего добавить. Я привез сюда тело парня, не так ли? Стал бы я это делать, если бы сам убил его?

Коронер погладил щетину на щеке со звуком, с которым водят деревянной палочкой по веревке.

— Ну, этого мы не знаем, Кемп. Зачем кому-то вообще обвинять тебя попусту? Ты, парень, что-то знаешь о смерти Алессандро Сайкса. И суд должен установить, что вообще произошло.

Кемп заколебался, шаркая ногами.

— Садись, сынок, — сказал коронер.

Кемп так и сделал. Опустился на стул с прямой спинкой, который принес ему один из мужчин, и принялся рассказывать эту историю.

Думаю, нужно начать с самого начала, с того момента, когда я впервые увидел здесь Сайкса.

Как-то днем я работал в магазине, когда он вошел, стал глядеть, что я делаю, потом спросил:

– Вы Гордон Кемп?

Я сказал, что да, и поглядел на него. Это был худой мужик лет шестидесяти, суровый и жилистый. Говорил он быстро и невнятно, ни секунды не стоял спокойно, словно у него были какие-то неотложные дела. Я спросил, что ему нужно.

– Это вы написали статью в журнале о концентрации пламени атомарной горелки?

– Да, – ответил я, – только тот парень из журнала очень уж свободно изложил мой рассказ. Сказал, что моя горелка лет на триста опередила свое время.

Фактически, я наткнулся на эту идею случайно. Обычная атомарная водородная горелка – но дающая очень горячее пламя.

Я понял, что нужно поставить перед струей кольцевой электромагнит, чтобы сфокусировать пламя. Электромагнит отражал частички водорода и фокусировал их. Такая горелка могла прожечь все, что угодно. Так она и была запатентована. И вы бы удивились, сколько пришло мне звонков. Вы понятия не имеете, сколько людей мечтают взрезать стальные стены банковских хранилищ, чтобы добраться до денежек... Ну, ладно, о Сайксе...

Я сказал, что журнальная статья немного переборщила, но у меня есть настоящее устройство. Я продемонстрировал ему горелку, и он, казалось, остался довольным. Наконец, я сказал ему, что трачу впустую время, если у него нет никакого предложения.

Он кивнул, все еще находясь под впечатлением от моей горелки.

– Конечно. Но вам понадобится пара недель. Вы должны поехать на запад. В Аризону. И там прорезать горелкой дорогу в пещеру.

– В пещеру? – переспросил я. – А это законно?

Мне вовсе не нужны были никакие проблемы.

– Можете быть уверены, что законно, – ответил он.

– И сколько?

Он сказал, что не любит торговаться.

– Если вы проникните в то место – разумеется, предварительно убедившись, что все законно, я заплачу вам пять тысяч долларов.

Ну, пять тысконок мне совсем бы не помешали. Тем более, за двухнедельную работу. А, кроме того, мне понравился этот старик. Он был странным, как девятидолларовая банкнота, одежда у него была забавная, но я сразу понял, что у него есть деньги, о которых он говорил.

И, похоже, он действительно нуждался в помощи. Ну, может, в душе я все еще бойскаут. Говорю же, мне он понравился, и я бы выручил его даже без всяких денег, совершенно бесплатно.

Он приезжал ко мне еще раз, и мы обсудили все детали. Закончилось тем, что мы оказались в багажном вагоне вместе с моей го-

релкой и еще несколькими приспособлениями. Возможно, кто-нибудь из вас помнит тот день, когда мы приехали сюда. Да? Ну, я так и думал. Он сказал мне, что много лет добирался до Свитчпата.

Он много чего еще говорил. Он был самым болтливым старикашкой из всех, что я встречал. Я понимал не больше одной доли того, что он говорил. Наверное, он был одинок. Наверное, я был первым человеком, которого он попросил помочь, и он разом вылил на меня все накопленное за долгие годы одиночества.

По дороге в Свитпатч он сказал мне, что когда учился в колледже, то подрабатывал археологом, рыскающим по пустыне в поисках всяких индейских вещичек: всяких там черепков, наконечников стрел и тому подобного. И вот в этих краях он наткнулся на пещеру в скале, на дне глубокой расщелины.

Он все больше волновался, рассказывая мне об этом. Долго мямлил о возрасте глины, окаменевшем иле и каких-то рисунках. В итоге я притормозил его словесные излияния, и он сказал, что эта пещера в скале очень древняя — ей несколько сотен тысяч лет, а, может, и полмиллиона.

Он сказал, что она существовала уже тогда, когда на Земле только-только возник человек, или даже, скорее, недостающее звено. Ну, меня не интересуют мертвые люди и их мертвые предки, хотя Сайкс был полон восторга.

В итоге я услышал, что пещеру открыло землетрясение или что-то подобное. И особенно его волновало, что в ней оказались какие-то машины, которые должны быть помещены туда *еще до того, как на Земле вообще появились люди*.

Ну, это показалось мне глупым. И я поинтересовался, что именно это были за машины.

— Ну, — ответил он, — сначала я подумал, что это какой-то радиопередатчик. — Вот представьте — машина с антенной наверху, точь-в-точь как сверхвысокочастотное устройство (СВЧ). А рядом с ним другая машина. Это другая больше походила на гантелю, стоявшую на одном конце. На вершине ее было что-то напоминающее загрузочный лоток, а посреди располагались соленоиды, сделанные из сплава, вообще неизвестного на Земле. И между первой машиной и «гантелей» было какое-то передаточное устройство. Я понял, что это за «гантеля» такая. Это было устройство записи.

Тут я прервал его. Мне захотелось понять, что это за записи. Он приложил палец к носу и подмигнул мне.

— Мысли, — сказал он. — Она записывает мысли. Но не только их. Землетрясения, сдвиги континентальных плит, циклы погоды — все, что происходит вокруг. Но преобразается все это в мысли.

Естественно, мне захотелось понять, откуда он все это узнал. Вы же увидели, сказал я тогда, больше тридцати лет назад. Тут он вспомнил, что решил сделать все сам, и в этой части рассказа стал особенно раздражительным.

Я тогда начал понимать, что случилось с этим стариком. Он предполагал, что нашел в этой пещере нечто грандиозное, и хотел вначале сам во всем разобраться. Он был просто большим эгоистичным ребенком, который хотел в одиночку совершить великое открытие. Он хотел прославиться, как единственный человек, открывший и давший миру эту штуку.

— Любой болван мог бы наткнуться на нее, — говорил он мне.

Поэтому он сначала хотел узнать все об этой штуковине сам, а уж после явить ее миру.

— Это больше Розеттского камня, — все время повторял он. — Важнее ядерной энергии.

О, у него было слишком большое самомнение, чтобы отдать все это за бесценок.

— Именно Сайкс подарит это миру, — говорил он. — Сайкс вручит Человечеству это открытие, и с того дня начнется новая история!

Ну, да, он был совершенно чокнутым. Однако, я об этом даже не думал. Он был безопасен, со странным характером, какой не так уж часто можно встретить в наше время.

Забавный мужик был этот Сайкс. Могу лишь представить, какая у него была жизнь. Деньги у него водились — какое-то наследство или что-то в этом роде, так что его не касались проблемы, доставлявшие большинство людей. Он хотел бы провести остатки дней своих в пещере, уставившись на эти машины. Он даже не трогал бы их. Только хотел бы понять, что они там делают. А они работали, по крайней мере, одна из них.

Работала большая машина в форме гантели. Она не гудела и не стучала. Но на боку у обеих машин были небольшие диски, наполовину красные, наполовину черные. И на большой машине, которую он называл записывающим устройством или регистратором, этот диск вращался. Не очень быстро, но так, что можно было заметить, как он поворачивается. Сайкса это очень волновало.

По пути, еще в поезде, он рассказал мне много чего. Не знаю уж, зачем. Возможно, он считал, что я слишком туп, чтобы пересказать это кому-то еще. Но если он так думал, то был где-то прав. Я всего лишь технарь, которому выпала удача напороться на прекрасную идею. Но, так или иначе, он показал мне кое-что, что взял из пещеры.

Это был кусок провода футов в шесть длиной. Вот только такого провода я никогда еще не видел. Он был примерно тридцать пя-

того калибра. Как волосок. И неровный. Гофрированный, я имею в виду. Сайкс сказал, что он еще и намагничен. Гнулс я легко, но не переламявался. И вообще, был очень крепкий. Я понял это, когда увидел, что он оставил пару зазубрин на плоскогубцах.

Сайкс спросил меня, удастся ли мне его порвать. Я попытался, но только порезался. Он не только не рвался, но и как бы срастался снова, причем было невозможно выпрямить его гофрированные складки. Я имею в виду, если его растягивать, то он потом сокращается обратно. Нет, его невозможно было ни порвать, ни растянуть.

Еще в поезде Сайкс сказал мне, что у него ушло восемь месяцев на то, чтобы оторвать этот кусок. Он все время срастался. Причем первые четыре месяца он резал его, но не мог воспрепятствовать тому, чтобы разрезанные концы не срослись.

Наконец, ему пришлось обернуть этим проводом пару стальных балок внатяжку, и только потом резать его специальными ножницами. Эти ножницы были из иридия, и даже на них провод оставил зазубрины.

Но все же провод удалось разрезать. Кроме балок, Сайкс воспользовался мощной стальной пружиной, которая мгновенно растащила разрезанные концы. Сделать пришлось два разреза, и когда Сайкс закончил, концы провода вновь соединились. Я имею в виду, соединились те, что оставались в машине, и на месте соединения не осталось ни отметки, ни утолщения.

Ну, все вы помните, как мы прибыли сюда со всем своим оборудованием, как наняли машину и уехали в пустыню. Все это время старик был счастлив, точно ребенок.

— Кемп, мальчик мой, — все время повторял он. — В этом проводе и хранятся записи. И я декодировал их. Я научился читать этот провод. Вы понимаете, какое это имеет значение? Каждый кусочек истории Человечества — я могу узнать его во всех подробностях. Каждое событие, какое происходило на нашей Земле и с живущими на ней людьми. Да вы понятия не имеете, насколько подробно тут все записано! — восклицал он. — Хотите узнать, кто положил пчелу на Александра Великого? А, может, хотите узнать, как по-настоящему звали подружку Перикла? Здесь записано все. А как насчет древних индийских и греческих легендах о потерянном континенте? А о молниях в старом Форте? А кто был человек в железной маске? Здесь есть все, сынок, здесь есть все!..

Так продолжалось вплоть до того места в сухом ущелье, где была пещера.

Вы не поверили бы, как трудно было туда добраться. Я понятия не имею, откуда у старика было столько энергии. Нам при-

шлось оставить машину милях в двадцати оттуда и дальше топать пешком.

Местность там была вся изрезана, сплошные каньоны да провалы в земле. Если бы я уже не чуял запах денег, то послал бы все к чертям. Тысячу раз нам на голову мог упасть какой-нибудь камень, или мы могли провалиться в какую-нибудь занесенную песком трещину. Господи!..

Я тащил на спине рюкзак, а также горелку, баллон газа и аккумулятор. Когда мы добрались, наконец, до нужной расселины, старик осмотрел ее и обвязал веревкой ближайший каменный столб. На другом конце веревки он сделал скользящий узел. На ней он и спустился в ущелье, потом я спустил ему оборудование, а, затем, пошел вниз сам.

Братя, темно было там, как в аду. Мы прошли в гору примерно сто пятьдесят ярдов, затем Сайкс остановился перед тупиком — стеной, облицованной гладким камнем. При свете его фонарика я увидел кучу золы от костра, которая накопилась за те годы, что он сидел здесь.

— Теперь дело за вами, Кемп, — сказал он. — Если ваша горелка и правда на триста лет опередила свою эпоху — сейчас самое время доказать это.

Я собрал свое оборудование и принялся за работу. Можете мне поверить, дело шло очень трудно и медленно. Но все же продвигалось вперед. У меня ушло девять часов на то, чтобы проделать дыру, через которую мы могли бы пролезть, и еще час пришлось ждать, пока края ее не остынут.

И все это время старик не закрывал рта. Главным образом, он хвастался о том, как ему удалось декодировать ленту. Для меня все это по большей части было филькиной грамотой.

— У меня здесь есть записи, — говорил он, размахивая куском странного провода, — из эпохи промышленной революции в Центральной Европе, из-за которых все историки стерли бы зубы в порошок, скрежеща ими. Но я сказал им хоть что-нибудь? Только не я, не Сайкс! Сначала я получу всю историю Человечества с такими подробностями, что имя Сайкса навсегда будет записано в анналах науки.

Я помню, как он сказал это. Сказал с таким видом, будто ел что-то вкусенькое.

Помню, я только спросил его, почему мы прошли сюда с таким трудом? И где тот вход, которым он воспользовался в первый раз?

— Вот тут, мальчик мой, — ответил он, — как раз и сказалось непредвиденное свойство машин. По каким-то причинам они снова замуровали себя. Отчасти, я даже рад, что они это сделали. Сам я

был бы не в силах вернуться, а так смог сосредоточить усилия на том куске провода, который унес с собой. Если бы не это, я сомневаюсь, что кто-либо сумел бы взломать код записи.

А затем я спросил его, зачем все это — что это за машины, зачем их оставили тут и для кого? И все время, пока мы вели эти разговоры, я резал горелкой скалу. Поверьте! Я никогда еще не видел подобной скалы. Теперь я сомневаюсь, была ли это вообще скала.

В пламени горелки она отходила ровными слоями. Моя горелка была способна резать все, что угодно. Но знайте, что за девять часов я прошел всего лишь семь с половиной дюймов этого странного материала! А затем стена под напором пламени моей горелки раскрылась, как дверь банковского сейфа.

Когда я спросил его об этой стене, он долго молчал, хотя, я думаю, ему не терпелось поговорить и об этом. Слишком уж он был восторжен всем происходящим. К тому же, он был уверен, что я слишком глуп, чтобы понять смысл того, что он говорил. Как я уже упоминал, он был здесь прежде. Но избегал рассказывать о том, как же попал сюда в первый раз...

— Мы можем никогда не узнать, кто оставил здесь эти машины и как они работают, — ответил он после продолжительного молчания. — Было бы интересно узнать все это, но самое важное — достать записи и декодировать их.

В первый раз у него ушло немало времени на том, чтобы понять, что эта машина является устройством для записи. Потом — что она работает, и что вторая машина — это передатчик.

Сначала он думал, что передатчик, вероятно, сломался, но после пары лет изучения этих машин он пришел к мысли, что здесь есть устройство, принимающее провод, которое и делает его гофрированным.

Очевидно, это устройство и запускало передатчик. Но запуск зависел от записей в проводе. Другими словами, если на Земле происходили какие-то важные события — важные с точки зрения создателей этих машин, — то приемник записывал их в провод и включал передатчик.

Сайкс много лет изучал эту установку, прежде чем определил одну загугулину на проводе, которая запускала передатчик. Но куда и к кому отправлялась информация? И зачем? Несомненно, он думал об этом. Но для него это было не так уж важно.

А что будет, когда кончатся запасы провода? Кто-то или что-то появится, чтобы пополнить их и проверить машину? Вы знаете, старика вовсе не интересовали эти вопросы. Он просто хотел прочесть всю информацию, записанную в проводе, вот и все. Кажется, масса парней пишут книги и статьи по истории. И он жаждал на-

звать их всех лжецами. Он хотел показать им, как все было на самом деле. Можете себе представить? И вот я резал моей супергорелкой то, что выглядело, как твердая скала, но была сделана из вещества, которое и права не имело быть таким твердым. В этом-то я разбираюсь.

Было темно, на мне были темные защитные очки, а за моей спиной топтался старик, сверлящий меня глазами, потому что ему не терпелось добраться до несметных исторических записей. Наверное, он мечтал о том, как предъявит их всему миру и уничтожить всех специалистов со всеми их теориями.

Один раз я сделал передышку, чтобы дать горелке остыть, а мне немного отдышаться после того, как я столько времени глотал дым. И тогда, просто чтобы завязать разговор, я спросил Сайкса, что он думает делать, когда заработает передатчик.

— О, — ответил старик, — передатчик уже заработал. Сделал все, что нужно, и снова отключился. Это доказало, что мои расчеты верны. Провод движется через машину с определенной скоростью. Примерно миллиметр в месяц. У меня есть расчеты, но они не важны для вас. Однако, произошло кое-что, что позволило мне проверить их. Шестнадцатого июля, одна тысяча девятьсот сорок пятого года, если быть точным.

— Вы не говорили мне это, — сказал я.

— О, — обрадованно воскликнул он, — зато говорю сейчас! В тот день кое-что произошло, из-за чего на провод была поставлена загогулинка. И эта загогулинка запустила передатчик. В то время я как раз был в пещере. Передатчик вдруг ожил, и диск на его боку завертелся, как сумасшедший. А затем остановился. Через неделю я просмотрел газеты, чтобы узнать, что это было. Но ничего не смог найти. И только в августе я все понял.

Внезапно я тоже понял, на что он намекал.

— О... Атомная бомба! Вы хотите сказать, что передатчик включился, когда на Земле произвели первый, испытательный атомный взрыв.

Он кивнул. В отсветах раскаленной скалы он напоминал тощую старую сову.

— Правильно. Вот почему нам нужно спешить. А изолирована пещера была после второго взрыва бомбы на Бикини. Я не знаю, когда и кем будет принята эта передача. Не знаю, что тогда произойдет, если вообще что-нибудь произойдет. Я знаю лишь то, что сумел декодировать записи в проводе, и хочу расшифровать все там записанное, прежде, чем это сделает кто-либо другой.

Если бы эта стена была немного потолще, я бы вообще никогда не прошел сквозь нее. Когда я завершил последний круг, и выре-

занная часть стены рухнула внутрь, моя горелка была на последнем издыхании. Так же, как и Сайкс. Последние пару часов он ни секунды не сидел на месте, а все прыгал вокруг.

— Работа тридцати лет, — не замолкал он. — Я ждал этого целых тридцать лет, и теперь меня ничто не остановит! Быстрее! Быстрее!

И когда нам пришлось ждать, чтобы остыли края отверстия, я думал, что он окончательно взбесится. Думаю, он был на пределе.

Но, наконец, мы смогли войти внутрь. Старик столько рассказывал мне об этом месте, что я чуть ли не почувствовал, будто попал в знакомую обстановку, хотя увидел все это впервые.

Там были машины: большая, все семь футов в высоту, похожая на гантелю, и маленькая, в форме закругленного куба, с какими-то макаронинами наверху, которые старик назвал антенной.

Мы осветили все фонарем — само помещение было небольшим, примерно, девять на девять метров, и старик тут же бросился к машинам.

Оглядел их, чем-то поскрежетал, и вытащил знакомый уже провод. Затем замер и уставился на меня пустыми глазами.

— В чем дело, Док? — спросил я — я звал его Док.

Он откашлялся, пошлепал губами и снова откашлялся.

— Барабан пуст. Пуст! Здесь только восемь дюймов провода. Только восемь... — и он упал в обморок.

Я бросился к нему и стал трясти, пока он не заморгал. Потом немного пришел в себя и встряхнулся. И даже сумел сесть.

— Заменен, — сказал он хриплым. Как карканье ворона, голосом. — Кемп! Они здесь были!

До меня начало кое-что доходить. Нижний барабан был пуст. Верхний — полон. Вся установка была готова, чтобы начать новую запись. А куда девалась работа, на которую Сайкс потратил целых тридцать лет?

Он вдруг принялся смеяться. Я уставился на него. Я не мог этого вынести. Помещение было слишком маленьким для такого шума. А я никогда не слышал, чтобы кто-то так смеялся. Короткими толчками, быстро-быстро, один за другим. Он смеялся и смеялся.

Я схватил его за плечи и поставил на ноги. Я вывел его наружу и занялся своими вещами. От стен ущелья отражался его смех и невнятное бормотание. Я упаковал рюкзак, прошел внутрь, чтобы забрать фонарь, и там услышал тихий щелчок.

Это был передатчик. Маленький черно-красный диск на нем бешено вертелся. Я стоял и глядел на него. Он проработал три-четыре минуты, потом остановился. А затем стал нагреваться.

Я испугался. Вынырнул из дыры, схватил Сайкса и забросил себе на плечо. Весил он немного. Я оглянулся назад на дыру. Пе-

щера была освещена. Красным светом. Машины светились вишнево-красным, бледно-желтым, белым — цвета менялись слишком быстро, чтобы можно было за ними уследить. Машины плавились. Едва я понял это, как очнулся и принялся действовать.

Я почти не помню, как добрался до веревки, привязал Сайкса, поднялся сам, а потом стал поднимать его. Он молчал, но был в сознании. Потом я нес его, пока меня не остановил свет из ущелья. Я обернулся.

Ущелье было внизу. И я видел, как оно быстро наполняется лавой. Лава осветила всю пустыню. Никогда я не чувствовал такой жары. Я бросился бежать дальше.

Добравшись до машины, я сунул в нее Сайкса. К этому времени он немного пришел в себя. Я спросил, как он себя чувствует. Он не ответил, но о чем-то быстро и невнятно забормотал.

Что-то вроде того:

— Они узнали, что мы развились до атомной эпохи. Они хотели точно узнать о этом. Передатчик передал им эти сведения. Тогда они появились, забрали записи и вложили в машину чистый провод для новых записей. Они герметически закупорили чем-то помещение и думали, что туда можно проникнуть лишь при помощи ядерной энергии. Но на этот раз передатчик был иницирован людьми, проникшими в помещение. Ваша горелка сделала это, Кемп, горелка, на триста лет опередившая свое время! Они решили, что мы уже овладели ядерной энергией! И теперь они вернутся!

— Кто вернется, Док? Кто? — спросил я.

— Не знаю, — продолжал бормотать он. — Я вижу лишь одну причину, зачем кому-то — каким-то созданиям, — непременно нужно знать все это. Затем, чтобы вовремя остановить нас!..

Я посмеялся над ним, затем сел и, все еще смеясь, запустил двигатель.

— Док, — сказал я, — мы не собираемся теперь останавливаться. В книгах писали, что, как только мы войдем в атомную эпоху, то погибнем. Но мы овладели атомом и выжили. И будем выживать и впредь.

— Я знаю, Кемп... я знаю... что говорю!.. Что мы наделали! Что мы наделали!..

После этого он затих, а когда через некоторое время взглянул на него, он был уже мертв. Тогда я похоронил его. Я плохо помню, как это делал. Всякое возбуждение исчезло. Мне было уже все равно. Я лишь понимал, что никто не поверит этой истории.

В зале суда стояла тишина, пока кто-то не кашлянул, и все почувствовали, что должны прочистить горло. Потом коронер поднял руку.

– Я вижу, как брат Кемп волнуется, – сказал он. – И, если эта история правдива, я тоже бы дважды подумал, прежде чем пытаться ее рассказать.

– Он лжец! – рявкнул из зала какой-то разведчик. – Он убийца и лжец! У меня ребенок любит читать такие рассказы в журналах, и они никогда мне не нравились! Поверьте мне, он заслужил смерть. Я думаю, этого Кемпа нужно немедленно повесить!

– Молчать, Джд! – взревел коронер. – Если мы и казним этого человека, то сделаем все по закону, понятно?

Поднявшийся было гвалт немедленно стих, и коронер обратился к подсудимому.

– Послушайте, Кемп, мне сейчас кое-что пришло в голову... Сколько времени прошло между первым испытанием атомной бомбы и тем моментом, когда пещера была изолирована?

– Не знаю точно. Примерно два года. Может, чуть меньше. А почему вы спрашиваете?

– А сколько времени прошло с той ночи, когда умер Сайкс?

– Или был убит, – прорычал из зала все тот же разведчик.

– Приблизительно восемнадцать недель... Нет. Примерно два года.

– Ну, ладно, – сказал коронер и поднял руку. – Если что-нибудь было правдиво в вашей истории или в глупой теории покойного о том, что кто-то появится, что бы уничтожить нас, то сейчас не самое ли подходящее для этого время?..

Раздался гогот, но внезапно дальний конец зала суда исчез в огненной вспышке. Вокруг поднялись вопли, проклятия, крики, все ринулись к дверям, пробиваясь к выходу на залитую лунным светом улицу.

А небо было полно кораблей.

(Thrilling Wonder Stories, 1947 № 6)

AMAZING

The cover illustration is a composite scene. On the left, a woman with dark hair and a concerned expression stands in a dark, rocky, cave-like environment. In the foreground, a young boy is crouching, looking towards the right. On the right, an astronaut in a full spacesuit stands on a reddish, barren landscape, holding a long, thin object. In the background of this scene is a large, green, dome-shaped structure, and several other small figures are visible in the distance. The sky is a hazy orange.

ARC

STORIES

35¢

MARS CONFIDENTIAL!

Jack Lait & Lee Mortimer

NEW! COMPLETE!

Dramatic Science Fiction

Robert Heinlein Roy Bradbury
H. L. Gold Theodore Sturgeon

ПУТЬ ДОМОЙ

Когда Пол убежал из дома, то не встретил никого и ничего до самого шоссе. Шоссе развернулось внезапно, широкое, видное от Холма Смотрителя, тянущееся мимо дальнего конца Тоуншип-Роуд, и сужающееся в черточку на далеком горизонте. А потом Пол увидел автомобиль.

Автомобиль был новенький, длинный, он чуть опустил морду, когда водитель затормозил, и, легонько качнувшись, на больших упругих рессорах, остановился.

Водителем был крупный мужчина с дорогой серой шляпой и пиджаке голубиного цвета, не мнущемся на изгибах рукавов, а лишь немного сворачиваясь складками. У сидящей рядом с ним женщины были широкие брови и резко очерченный подбородок. Кожа ее была загорелая, персикового оттенка, а волосы отливали «красным золотом», как у кузнеца, склонившегося над своим горном. Она улыбнулась спутнику. Затем почти так же улыбнулась Полу.

— Привет, сынок, — сказал мужчина. — Это и есть старый Тоуншип-Роуд?

— Да, сэр, — ответил Пол. — Это он.

— Совсем такой же, как прежде, — сказал мужчина. — Я ничего не забыл.

— Простите, но что вы не забыли? — спросил Пол.

— Я не видел этот городишко уже лет двадцать, — ответил мужчина. — И, кажется, тут мало чего изменилось.

— Старые города вообще не меняются, — презрительно сказал Пол.

— Ну, не так уж они плохи, чтобы про них забывать, — ответил мужчина. — Хотя ненависть пронизывает всю мою жизнь.

— Мою тоже, — согласно кивнул Пол. — Вы откуда-то из здешних мест?

— Ты угадал, — сказал Мужчина. — Моя фамилия Роденбуш. А ты знаешь каких-нибудь здешних Роденбушей, мальчик?

— О, в здешних местах их полно, — сказал Пол. — Постоите, а вы не сын Роденбушей, который сбежал двадцать лет назад?

— Он самый, — усмехнулся мужчина. — И что случилось после моего побега?

— Да ведь о вас толкуют и по сей день, — сказал Пол. — Ваша мать заболела и умерла, а отец покончил с собой через месяц после ее смерти, попросив в записке прощения за плохое обращение с вами.

– Бедный старик, – сказал мужчина. – Думаю, не очень хорошо, что он покончил с собой из-за меня, но он это заслужил.

– Я уверен в этом.

– Это моя жена, – сказал мужчина.

Женщина опять улыбнулась Полу. Она молчала. А Пол понятия не имел, что она могла бы сказать. Она протянула руку и открыла бардачок. Тот был полон конфетами – вишня в шоколаде.

– Я с детства схожу по ним с ума, – сказал мужчина. – Угощайся. У меня в багажнике еще десять фунтов. – Он опустил руку, достал серебряный портсигар, сунул в рот сигарету и чиркнул спичкой, которая загорелась в его ладони, как маленький костер. – Представь себе, – продолжал он, – у меня в городе осталось еще две машины и смокинг с блестящими лацканами. Я хорошо сыграл на понижении на фондовом рынке, и теперь я – президент железнодорожной компании. Вечером мне надо вернуться, после того, как посмотрю на жителей этого городишки.

У Пола оказалась целая горсть вишен в шоколаде.

– Ну и дела, – пробормотал он.

Он шел по шоссе. Потом вишни закончились, а мужчина, женщина и машина – все исчезли вдаль еще раньше, но это было неважно.

– И у меня будет так же, – сказал молодой Пол Роденбуш. – У меня должно быть так же. – А затем прибавил: – Интересно, как зовут ту женщину?

Через четверть мили спуска был поворот от школы, туда, где шоссе пересекала железная дорога, и там стоял столб в форме X, на котором было написано: Железнодорожный переезд». По рельсам катил, пыхтя, утренний товарняк, тревожа тихий воздух гудками: два длинных, короткий, длинный. Когда Пол был ребенком – два года назад, – ему казалось, что этот товарняк приветствует его, свистя: *Пол... Родн... Бууууишиш...* и выпускает под конец клубы пара. Пол дошел до переезда и остановился там, где асфальт сменяла первая линия. Паровоз, тендер, никелированная пластина с надписью ««Т.&Н.О», Южная Пенсильвания, Пири Маркет, Канадская Тихоокеанская» проплывали мимо. Вагоны со всех концов света: платформы для перевозки рогатого скота, холодильники, холодильники, закрытые багажные вагоны, тормозной вагон. Тормозной вагон был красным, как флаг, в окне мелькнул брившийся железнодорожник с бычьей шеей и пеной на подбородке, как у бешеной собаки. Затем поезд оборвался, превратившись в прямоугольник на путях, в задней двери которого виднелись контуры кондуктора. Прямоугольник быстро удалялся.

Пол повернулся к шоссе. На другой стороне дороги стоял какой-то мужчина. Пол изумленно уставился на него.

На мужчине было старое коричневое пальто с овечьим воротником и синими обшлагами. Из рукавов торчали длинные обветренные руки, одна из которых, правая, была скрючена, как коготь. На ней не было ни безымянного пальца, ни мизинца, а добрая треть ладони была отрезана. Сбоку торчал безымянный палец, а вдоль него до самого запястья проходил аккуратный серебристый шрам.

Мужчина отряхнул себя от пыли и поднял взгляд на Пола.

— Здорово, приятель.

Либо он отращивал бороду, либо срочно нуждался в бритье. Но Пол все же разглядел ямочку на квадратном подбородке. Глаза у него были бледные и мутные, как вода в стакане после того, как его ополоснуть после выпитого молока.

— Привет, — ответил Пол, все еще глядя на руку.

Мужчина спросил, что за город там впереди, и Пол ответил. Теперь он понял, что это за человек — один из тех бродяг, что ездят с места на место на товарняках. Они были везде, эти люди, и жили всем, что подвернется. Подаянием или выгулом быков, поденной работой или могли даже стащить то, что плохо лежит.

Мужчина смотрел на город, скосив глаза так, словно попытался заглянуть через губу. Затем сплюнул.

— Ничегошеньки здесь не переменялось, — сказал он.

— Никогда и не переменится, — ответил Пол и тоже сплюнул.

— Ты оттуда?

— Да.

— Я тоже, — к удивлению Пола сказал мужчина.

— Черт побери, — сказал Пол, — вы не похожи на здешних жителей. Человек перешел дорогу и подошел к Полу.

— Я тоже так думаю. Я повидал много мест с тех пор, как уехал отсюда.

— А где вы побывали? — спросил его Пол.

Мужчина увидел открытый, доверчивый взгляд Пола.

— Проехался по всему миру, — сказал он. — По всей стране на товарняках, и по всем океанам на кораблях. — Он распахнул пальто, обнажив правое предплечье. — Смотри сюда.

Разумеется, там была татуировка.

— Женщины, — сказал человек, согнув похожую на коготь руку так, что татуировка заизвивалась. — Вот что я люблю.

Он прикрыл один бледный глаз и засмеялся левой стороной рта мелким, кудахтающим смехом.

Пол облизнул губы.

— О, да, парень, — сквозь смех сказал мужчина.

У него были гнилые зубы.

— Ты еще увидишь все эти места, где я побывал, — сказал он. — В городке для меня было недостаточно места.

— Для меня тоже, — отозвался Пол. — Я больше не вернусь туда никогда.

— Да нет, вернешься. Когда-нибудь тебе захочется снова увидеть его, позадавать вопросы, узнать, что случилось с твоими предками, узнать, как они умерли, а потом снова уйти, поняв, насколько правильно ты поступил, уйдя в первый раз. Это мое второе возвращение сюда. Каждый раз, когда я попадаю в эту часть страны, я заворачиваю сюда, просто чтобы посмеяться над старым городишком. — И он опять покосился на город вдаль. — А ты действительно уходишь, старина?

— Ухожу, — кивнул Пол, и ему понравилось, как прозвучало это слово. — Ухожу, — повторил он.

— И куда ты направляешься?

— В большой город, — сказал Пол, — где найду что-нибудь лучше, чем здесь.

Мужчина пристально поглядел на него.

— Эй, а деньги-то у тебя есть?

Пол из осторожности отрицательно помотал головой. У него было два доллара и девяносто два цента. Мужчина поколебался, потом, казалось, принял какое-то решение и пожал плечами.

— Ну, удачи тебе, старина. Чем больше мест ты обойдешь, тем большим человеком станешь. Так сказала мне одна женщина в Сакраменто.

— О-о!.. — протянул Пол и увидел, как к переезду приближается коричневый с малиновым фургончик. — Это мистер Шерман!

— А кто он?

— Шериф. Наверняка он ищет меня.

— Шериф! Ну, привет тебе. Не беги за мной! Выбери другое направление! — Мужчина спрыгнул с дороги и мгновенно исчез в кустах.

Вздрогнув от неожиданной поспешности своего собеседника, Пол секунду постоял, затем бросился в кусты по другую сторону шоссе. Плхнувшись на живот в самой гуще кустов, он затаил дыхание и уставился на дорогу. Машина замедлила скорость, почти остановившись. Пол в ужасе закрыл глаза. Затем услышал хруст металла и вой двигателя, когда машина перешла на вторую передачу и, набирая скорость, направилась на подъем.

Пол выждал пять минут. Страх исчез так же быстро, как высох слеза пот. Затем он выбрался из кустов и пошел по шоссе, поглядывая, не вернется ли машина шерифа. Он не увидел никаких следов человека с когтем вместо руки. Да и не ожидал их увидеть.

Вот и я могу стать таким же, подумал Пол. Бродить по всему свету. Дедушка говорил, что у таких людей зуд в пятках. Пятки Пола действительно зудели. Но это потому, что он уже немного

устал. Он тоже может вернуться сюда через много лет, покрытый татуировками, с искаленной рукой. Народ будет коситься на него. А какие истории он сможет тогда рассказать! *«Иду я по берегу Нила и вижу, как переворачивается лодка с блондинкой. Она кричит: «Спасите! Спасите!» Я бросаюсь в воду, но только подхватываю ее на руки, как аллигатор отхватывает часть моей руки. Но я даже не обращаю на это внимание, потому что, когда выношу малютку на берег...»* Пол прикрыл один глаз, скособолил рот и закудаhtал. Но этот звук почему-то напомнил ему о вишнях в шоколаде...

Он прошел еще полмили и вышел на открытое место. Дальше он шел, постоянно озираясь. Он должен исчезнуть при первых же признаках появления коричневого с малиновым автомобиля шерифа. *Шериф! Он ищет меня!* Но Пол чувствовал себя уверенно. Он не нарушил никаких законов. Он только поставил на кон свою жизнь! Идти, куда хочется, делать то, что хочется и время от времени возвращаться сюда смеха ради. Это даже лучше, чем большой автомобиль и смокинг с блестящими лацканами. А женщины!.. Либо ухоженная леди в машине рядом с тобой, либо куча красоток по всему миру от Сакраменто до Старого Света, и каждой из них можно рассказывать, что ты делал и в каких местах побывал. Да. Это здорово!..

Сверху послышалось какое-то жужжание. Пол поднял голову и увидел самолет — один из частных самолетов, что базировались на аэродроме в сорока милях отсюда. Самолет давно уже не был новинкой, но при виде его Полу всегда казалось, будто что-то произойдет — не обязательно катастрофа, хотя и это было бы не плохо, но хотя бы отказ двигателя, который заставит самолет приземлиться, и Пол сможет увидеть его вблизи и понаблюдать, как пилот выйдет, а может, даже поговорить с ним и помочь исправить поломку.

— Сообщите мне в следующий раз, когда выйдете в поле, — сказал бы ему пилот.

Пол замедлил шаг, остановился, затем сел на обочину, спустив ноги в кювет. И стал глядеть на самолет. Тот опустил одно крыло, развернулся, стал удаляться, а затем вернулся и пошел низко, над самым лугом. Как низко летит, подумал Пол, конечно, он собирается приземлиться!

Колеса чиркнули по земле, подняв клубы желтой пыли. Самолет подпрыгнул, затем колеса опять коснулись земли, и хвост слегка опустился. Крылья были оранжевыми, фюзеляж голубым и глянцево блестел на солнце. Крылья чуть качались, пока самолет ехал по неровному лугу.

Двигатель взвыл, пропеллер закрутился быстрее и стал невидимым, когда пилот затормозил колесо, заставляя самолет развернуться. В профиль пропеллер выглядел призрачной полоской, а когда самолет повернулся носом к Полу, стал стеклянным диском. Самолет фыркая и подпрыгивая, покатил через луг, пока не оказался в двадцати футах от ограды и кювета. Тогда он с ревом развернулся, и рев двигателя стих до простого потрескивания: прр-прр, в то время как пилот что-то делал в кабине с управлением. Пол ясно видел его через дверцу кабины. Самолет был красив. Даже остановившись, он выглядел так. Словно мчался со скоростью двести миль в час. Обтекаемое ветровое стекло изгибалось над головой пилота. Все изгибы машины были прекрасны.

Пилот открыл дверцу и прыгнул на землю.

— Слава Богу! Я уж боялся, что за эти годы здесь вспашут поле.

— Не вспашут, — ответил Пол. — Здесь никогда ничего не меняется. Прекрасная у вас работа!

Пилот стянул перчатки с высокими раструбами, быстро оглянулся на самолет и усмехнулся. Он выглядел свежим, широкоплечим, и с очень узкими бедрами. На нем была великолепная кожаная куртка и бриджи в обтяжку.

— Знаешь кого-нибудь в городе, сынок?

— Наверное, всех.

— Ну и прекрасно. Значит, я узнаю все от тебя, прежде чем продолжу полет.

— Скажи-ка, ты не Пол Роденбуш?

Пол застыл, так как это спросил не пилот. Внезапно его колени скрутило ледяной судорогой. Самолет исчез. Исчез и пилот. Пол сидел, свесив ноги в кювет, и медленно поворачивал голову.

Коричневый с малиновым автомобиль стоял у кювета, его двигатель тихонько урчал на холостом ходу. Дверца была открыта, и внутри, высунув одну ногу на подножку, сидел мистер Шерман. *Шериф! Приплыли! Нужно бежать!*

Но вместо этого Пол облизнул губы и сказал:

— Привет, мистер Шерман.

— Ну, ты и заставил меня поволноваться, — сказал мистер Шерман. — Я увидел, как ты сидишь у кювета, и подумал, что тебя сбила машина.

— Со мной все в порядке, — чуть дрожащим голосом ответил Пол, встал на ноги и закончил: — Я просто... наверное, размечтался.

Размечтался — и теперь попался! Мысли помчались прочь, как утренние фрахтовики. Мысли раскаленные и мысли холодные, точно лед. Фондовый рынок, машина, самолет... Женщины, горящая спичка, посадка на луг... Мысли реальные и мысли придуманные, они с ревом проносились у него в голове и потом вдрут

исчезли, оставив его на шоссе перед мистером Шерманом, поймавшим его.

– Размечтался, да? А я-то уж было подумал...

Мистер Шерман убрал ногу и захлопнул дверцу машины.

– Мистер Шерман, а разве вы не...

– Что именно, сынок?

– Да нет, ничего, мистер Шерман. Совсем ничего.

– Странный ты, – сказал мистер Шерман, качая головой. – Эй, я возвращаюсь в город. Хочешь, подброшу тебя? Как раз наступает время обеда.

– Да нет, спасибо, – очень искренне ответил Пол.

Он глядел, как коричневый с малиновым автомобиль уезжает в город. Уезжает без него. В голове у него была сумятица. Мистер Шерман не знал, что он убежал. Почему? А откуда ему знать? Наверное, его еще не хватились. Или... или никого не волновало, вернется он или нет... Нет! Нет, этого быть не может! Машина, наверное, вскоре проедет мимо его дома. Конечно, дома не совсем его. Точнее, его в нем лишь одна комната. Маленькая комната, но принадлежащая только ему, Полу.

Можно вернуться гораздо, гораздо позже, потому что потребуется много времени, чтобы удачно сыграть на бирже и жениться на шикарной женщине. И не меньше времени, чтобы купить самолет. И, вероятно, потребуется масса времени, чтобы ему отрезало часть руки. Но ведь можно и просто...

Неожиданно для себя самого, Пол громко закричал:

– Мистер Шерман! Мистер Шерман!

Мистер Шерман не услышал его, но, наверное, увидел в зеркальце заднего вида. Он остановился и подал машину назад. Пол сел, выдохнул «спасибо» и сидел, не шелохнувшись, подставляя лицо ветру, бьющему из бокового окошка. Вскоре они свернули на Тоуншип-Роуд.

Мистер Шерман внезапно взглянул на мальчика.

– Пол.

– Да, сэр?

– У меня тут мелькнула мысль. Там, на шоссе... Ты случайно не пытался убежать из дому?

– Нет, – сказал Пол, озадаченно глядя на шерифа.

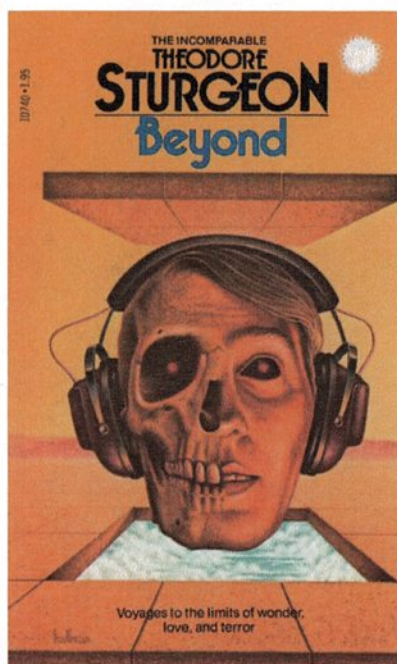
– Я возвращался домой, – твердо сказал он.

(Amazing Stories, 1953 №№ 4-5)

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.....	3
АБСОЛЮТНЫЙ ЭГОИСТ.....	5
The Ultimate Egoist, (Unknown, 1941 № 2)	
ВЧЕРА БЫЛ ПОНЕДЕЛЬНИК.....	23
Yesterday Was Monday, (Unknown, 1941 № 6)	
ЗОВ.....	39
The Call, («The Ultimate Egoist, Volume 1: The Complete Stories of Theodore Sturgeon», 1995)	
ЧЕЛОВЕК НА СТУПЕНЯХ	43
The Man on the Steps, («The Ultimate Egoist, Volume 1: The Complete Stories of Theodore Sturgeon», 1995)	
ДВА ПРОЦЕНТА ВДОХНОВЕНИЯ.....	47
Two Percent Inspiration, (Astounding, 1941 № 10)	
КОТ ПО КЛИЧКЕ ХЕЛИКС	67
Helix the Cat, («Astounding: John W. Campbell Memorial Anthology», 1973)	
ТУДА-СЮДА.....	91
He Shuttles, (Unknown, 1940 № 4)	
КОСТИ (В СОАВТ. С ДЖЕЙМСОМ Х. БЕРДОМ)	111
The Bones, (Unknown, 1943 № 8)	
ХРОМИРОВАННЫЙ ШЛЕМ.....	129
The Sky Was Full Of Ships, (Thrilling Wonder Stories, 1947-6)	
НЕБО БЫЛО ПОЛНО КОРАБЛЕЙ	179
He Shuttles, (Unknown, 1940 № 4)	
ПУТЬ ДОМОЙ.....	191
A Way Home, (Amazing Stories, 1953 №№ 4-5)	

Библиотека англо-американской классической фантастики

ТЕОДОР СТАРДЖОН

том 1

Вчера был понедельник